

# Олег Николаевич Верещагин

## Крылатая сотня. Сборник рассказов

### Аннотация

*Я начал писать эти рассказы на лесных привалах, когда в палатках походного лагеря спали мальчишки, очень похожие на моих героев. Я надеюсь, что им не достанется такого же будущего... Но верю: случись что — и они поступят так же, как герои КРЫЛАТОЙ СОТНИ. Те, кто читал цикл рассказов БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ! могут воспринимать эти рассказы как продолжение. Не хронологическое, а скорее продолжение-дополнение. В общем, в те дни, когда начиналась осада Воронежа, на юге России, в Ставрополье и Краснодарском крае...*

### Верещагин Олег Николаевич

## Крылатая сотня. Сборник рассказов

#### 1. СТАНИЦА УПОРНАЯ

А на сердце опять горячо-горячо...

И опять, и опять без ответа...

А листочек с берёзки упал на плечо —

Он, как я, оторвался от веток...

Группа "Любэ"

Я проснулся от того, что через меня переступили.

За последние три недели со мной случилось столько всякого, что трудно даже рассказать. Поэтому то, что, проснувшись, я увидел, что сплю на ворохе соломы под каким-то навесом, меня не очень поколебало. Кругом спали ещё человек двадцать, и к турпоходу это не имело никакого отношения. Было жарко, безветренно, я видел, что небо буквально усыпано ярчайшими звёздами. На юге непрерывно бухало, но это была не гроза.

Одиннадцатые сутки со стороны Карачаевска на север вдоль рек — Лабы, Урупа, Зеленчука, Кубани — пробивались оккупационные войска. Надеялись соединиться с группировкой, наступающей от Элисты. Они пробивались, а Южная Армия их не пускала.

Мы жили в Упорной одиннадцатые сутки и одиннадцатые сутки неподалёку шли бои. Но бежать больше просто стало некуда. Прибежали.

Три недели назад я жил в Ставрополе. Я и слов-то таких не знал — "оккупационные войска".

Правда, уже с начала апреля творилась вокруг разная чушня. То света не было. То воды. То взорвался химзавод, и его тушили почему-то не МЧСовцы, а какие-то залётные иностранцы. То по несколько суток молчал телик, а потом по нему показывали какую-то чушь, иногда даже на английском или турецком языке. То дорожали продукты. То дешевели. То мэра снимали. То назначали нового. То поезда стали ходить не по расписанию — вообще не пойми как. То прошла через город здоровенная колонна войск — а потом ребята из пригорода рассказывали, что видели, как солдаты и офицеры разоружались возле аэродрома и просто расходились кто куда. То в центре города открыли пальбу — неясно кто. То по улицам мотались толпы людей с иконами и лозунгами не отдавать что-то там на поругание. Потом стали ходить слухи, что президент сложил с себя полномочия и передал их какому-то

международному органу...

В общем, жизнь и так была нескучная. Но я как-то внимания не обращал особо. До того дня. Две недели назад.

В общем, мы шли в школу. С моим дружкой, Витькой Фальком. До конца года оставалось всего ничего, намечалась контрольная по алгебре, хотя и в школе то и дело что-то происходило — треть учеников не ходила на занятия, многие вообще поуезжали, из учителей тоже постоянно кого-то не было... В общем, мы шли. Если честно, идти было неприятно. Родной Ставрополь мне больше всего напоминал ежа, который сжался в комок и выставил иголки. Честное слово. На перекрёстках стояли — как повыврастали из-под земли за ночь! — самоходные зенитки. Было много солдат, а с ними — МЧСовцы в оранжевых беретах, но при оружии, которого я раньше не видел у них вообще. милицию как отрезало. Зато возле мэрии — в строю! — стояли комендантские роты кубанцев и терцев, тоже при оружии, а не просто с нагайками. Чего-то ждали, а в вестибюле через стеклянные двери мы с Витькой разглядели полно офицеров — и казачьих, и армейских. Флага над мэрией не было вообще — и мне это почему-то показалось каким-то жутким. Мы уже прошли мимо, когда на верхнем этаже мэрии вдруг начали стрелять — нас тут же распёр МЧСовский патруль... Казаков было полно и в других местах города, и даже возле нашей школы дежурил не обычный наряд, а не меньше двадцати человек и какое-то несуразное сооружение, в котором мы с трудом опознали КАМАЗ, закрытый, как черепаха, листовым железом. Из-под этого панциря торчали пулемёты.

Позабрасывав сумки в класс, все пацаны из нашего 7-го Б отвалили за школу, на

"наше место" на заборе — покурить и обсудить ситуацию в оставшееся до уроков время.

Как раз когда мы рассаживались согласно классной "табели о рангах" — над улицей совсем низко прошла пара вертолётчиков. Шара — Шарип Тагишев — последний из оставшихся в классе кавказцев-предкавказцев, остальные за последние недели поразъезжались из Ставрополя — тут же выпучил глаза и стал врать, что его дядя сказал его отцу что знакомый сестры жены видел... Он что-то там гнал, а я вдруг понял, что на вертолётчиках не было привычных нам — мы видели машины с аэродрома часто — звёзд и бело-сине-красных полос. Я ведь чётко разглядел: на них были сине-малиново-зелёные полосы, кубанские войсковые — и Георгии Победоносцы, тоже как на гербе войска. Но с какого перепугу у казаков — вертолётчики?! Казачата в нашей школе не учились, но кто-то из ребят сказал, что его приятели из бабычевского корпуса говорят: всех реестровых казаков войско мобилизует, и даже старших кадетов держат под ружьём — на самом деле, с автоматами в спальниках...

Мы уже собирались идти в класс, когда на улице показалась колонна — несколько открытых УАЗов с пулемётами и чёрно-жёлто-белыми флажками (я вспомнил, что это вроде бы считается императорский русский флаг, я даже на митингах такие видел) и не меньше двухсот мужиков с оружием. Все они были одеты в разные камуфляжи, обуты тоже кто во что — от сапог до кроссовок — но вооружены до зубов, на головах — одинаковые чёрные береты, и у каждого на рукаве — большой шеврон таких же цветов. Наши охранники-казаки их сперва резко остановили, но потом быстро пропустили дальше и даже кого-то дали в провожатые.

Звонка всё не было, и мы стояли около ограды. Да, собственно, вся школа высыпала наружу, все смотрели кто куда. Через какие-то пять минут по улице проехали несколько танков — тоже под чёрно-жёлто-белыми флажками, потом прошла колонна пеших терцев — в камуфляжах, вооружены кто чем, но все в папах и с кинжалами, под своим чёрно-зелёно-красным флагом. А ещё через четверть часа, когда звонок всё-таки дали, появилось полсотни чеченцев (их ни с кем не спутаешь) — тоже в форме и при оружии; что самое странное — казаки их пропустили почти без разговоров. Шара, кстати, что-то завопил по-своему, кому-то замахал, сиганул через забор и исчез в этой группе. Ему крикнули про сумку, но он отмахнулся:

— А! — и замешался среди камуфляжей. Кажется, я узнал там его отца, Тагишева-

старшего. Но мог и ошибиться.

А Шару я и не видел больше...

Первый урок у нас был физра. Я потом иногда думал, что было бы, окажись другое расписание... или вздумай физрук проводить урок в спортзале...

Но расписание было, какое было, и физра у нас была на школьном стадиончике.

Я потом подсчитал, что в тот день в школе было человек четыреста детей. И не меньше тридцати преподавателей. В самой школе, я имею в виду. Я не особо интересовался оружием — не больше, чем обычный мальчишка. И не знал, что есть такая штука — GBU-43/B, которая весит девять с половиной тонн. Управляемая, особо мощная.

Ещё потом я часто думал, с чем можно было перепутать нашу школу? Или это была просто "ошибка"?

В общем, я лежал на песке ямы для прыжков и не мог пошевелиться. По небу летели какие-то горящие ключья, и я слышал только "у... у... у... у..."

Потом я сел.

Наши ребята и девчонки были разбросаны вокруг. Почти все возились и умом я понимал, что сейчас стоит вопль и крик — но ничего не слышал. Ещё потом я увидел опрокинутый КАМАЗ казаков и тела вокруг него. Хотя не мог этого видеть, и машина, и казаки были за школой.

А совсем потом я понял, что школы нет.

Просто нет. Вместо двухэтажного большого здания была огромная горящая воронка, по краям окаймлённая зубастыми развалинами. На одном из зубцов висел триколор — из кабинета директора. Как раз когда я на него посмотрел, он вспыхнул, затрепетал и сгорел дотла за какие-то две секунды.

Понимаете, мы к той яме даже не смогли подойти. От неё несло жаром, как от костра, ещё шагов за тридцать. Мы хотели подойти. Честное слово, хотели — раскапывать, искать... Но не смогли.

Кто-то сказал, что взорвался газ. (Я как раз начал слышать опять) Мы стояли около этой ямы и вели себя довольно спокойно — помогали тем, кого ударило обломками или ещё чего, физрук по мобильнику пытался куда-то позвонить... А потом мы услышали взрывы вокруг. Много-много...

...Ставрополь бомбили с аэродромов в Грузии. Тут было несколько минут лёту. Но это мы узнали потом. Как и то, что вторая волна атаки — крылатыми ракетами с кораблей, вошедших в Чёрное море — была немного позже, когда мы уже разбежались по домам. А тогда — тогда мы просто понеслись прочь.

Я бежал и орал. Не плакал, а орал — от страха. Это было позорно, позорней некуда, но вокруг взрывалось, рушились дома, я не верил тому, что видел; я бежал и орал. Два раза меня бросало наземь — как будто било огромной мягкой подушкой. Один раз за меня уцепился катающийся по мостовой человек без ног и лица. Я вырвался и побежал дальше.

Я бежал и орал.

Так я и влетел к нам домой.

Мамы и отца не было, всё нараспашку. На полу — побитые стёкла, мебель опрокинута, осколки... Я выскочил в садовую дверь. Тоб, наш пёс, висел на соседском заборе мертвый, посреди огорода была воронка — небольшая, а многоквартирной девятиэтажки, что стояла за ручьём, не было совсем. Там что-то горело и кричали люди. В ручье сидел маленький ребёнок — лет пяти, не поймёшь, девочка, мальчик — сидел и стонал — тяжело, страшно. Лицо, плечи, грудь, спина — всё у него было чёрное, и он то и дело окунался в воду — как-то медленно, как будто играл.

Я шархнулся обратно. И наткнулся на вбегающую в дом мать...

...Отца мы не нашли. Недалеко от его офиса разгребали завал из десятков горелых машин, и почему-то остававшийся на посту охранник сказал нам, что, когда всё началось, Реузов сразу поехал домой. Я понял всё. Мама, по-моему, тоже. И больше мы про отца не говорили.

Если честно, не знаю, зачем мы выбрались из города. Могли и остаться... Мы сперва хотели идти на север — тоже не знаю, почему. Но там всех заворачивали патрули МЧС. Оказывается, по линии Ростов-на-Дону — Астрахань все пути были перерезаны. Кое-кто всё равно ломился туда, и казаки таких пропускали, но мы повернули на юг. Никто ничего не мог объяснить, мы тащили рюкзак и два чемодана — сперва хотели навьючить на мой мопед, но потом посмотрели на дороги и не стали. Как выяснилось — правильно...

Дома Фальков тоже не было. Развалины. Около них сидел Витька, держа на коленях обожжённые руки. На нас он посмотрел пустыми глазами, и мы уже прошли метров сто, когда я — сам не знаю, почему — поставил чемодан, побежал обратно и, подняв его, потащил с собой. Витька шёл, передвигая ноги и глядя куда-то непонятно куда. Маме я сказал, что он пойдёт с нами, и она молча послушалась.

Я вообще заметил, что она стала слушаться меня. Смешно, но это так.

Из города выбирались десятки тысяч людей. По-моему большинству, как и нам, было некуда идти, никто ничего не понимал — все просто бежали, куда глаза глядят. Мы шли и шли — то с другими людьми, иногда — одни. Разбегались, когда появлялись самолёты. Временами мне казалось, что это затянувшийся кошмар или какой-то фильм о войне. Я — честно — плохо помню дорогу. Где спали, что ели... Знаю только, что в конце концов мы оказались среди каких-то мелких детдомовцев — не старше десяти лет, не меньше сотни — с которыми шли две женщины, пожилая и совсем молодая. Не помню, чтобы мы о чём-то говорили. Но мы выбросили свои вещи, и я поволок на плечах то одного мелкого, то другого. И увидел, что то же самое делает Витька (о котором я думал, что он просто сошёл с ума...). А мама — я и не знал, что она столько умеет! — начала помогать воспитательницам.

Кстати, они и рассказали нам подробно, что к чему. Правда, тогда я не поверил. Это отдавало фантастической книжкой. Этого просто не могло быть в реальности — война, оккупация, капитуляция, трим-трим-трим... Пустые слова без смысла.

Если бы не почти каждый день появлявшиеся над дорогами чужие самолёты...

Старшая из женщин — Ирина Тихоновна — была родом из Упорной. И вела младших детдомовцев туда. Вывозить их было некуда и не на чем. Когда она это поняла, то просто повела всю эту малышню к себе на родину. Не худший выход.

Раньше я с детдомовцами дела не имел. Они оказались без претензий — как видно и в мирное время жили не очень-то хорошо — некапризные, дружные и тихие. Каждый нёс рюкзачок с кое-какой одеждой, одеялом и консервами, пластиковую бутылку для воды. И они почти никогда ничего не просили. Мы с Витькой и Тонькой — это так звали младшую воспитанку — просто шли в хвосте колонны и подсаживали на плечи на какое-то время тех, кто был совсем маленький и видно было, что устал.

Кажется, я тоже очень-очень устал. Мне вообще думалось, что мы уже много-много недель куда-то идём, идём, и конца этому пути нет. Нам встречалось много людей, но всё это были или такие же беженцы, или бойцы — казаки, ополченцы, военные — торопившиеся по своим делам. Правда совершенно неожиданно Ирину Тихоновну узнал какой-то казачий офицер и написал записку станичному атаману Шевырёву, чтобы помог разместить детдом.

Однажды — не помню, на какой день мы наткнулись на листовки. Их было много вдоль дороги и на дороге. Я подобрал одну.

Не буду говорить, что там оказалось написано. Ирина Тихоновна, неожиданно построжав, сказала своим подопечным:

— Дети, соберите эти бумаги сюда. Все, какие найдёте.

Следующие полчаса мы собирали листовки. Сложили их в кучу в кювете и подожгли. Помню, что какая-то девчонка, держа меня за локоть, спросила еле слышным шепотком:

— Коля, там же неправда написана?

— Неправда, — твёрдо ответил я. Но тем вечером, когда мы укладывались спать, перед моими глазами, стоило их закрыть, всплывали строчки "шапки":

К НАСЕЛЕНИЮ ЮЖНОЙ ТЕРРИТОРИИ!

ВАШЕГО ГОСУДАРСТВА БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ!

Потом мы пришли в Упорную...

...Тут уже было полно беженцев. А самое главное, как выяснилось, мы пришли почти на фронт. Правда, как я понял, то же самое случилось бы, куда бы мы не пришли вообще.

В реестре Кубанского и Терского казачьих войск числилось около 75 тысяч человек. Не знаю, удалось ли их собрать и вооружить всех. Но войсковое руководство отказалось подчиняться ТОМУ — ну, тому, что было в листовках. Ещё были какие-то отдельные части — воинские, МВД, МЧС; добровольческие отряды организации Русское Национальное Войско, просто разные группы и группки ополченцев. В общем, защищать край в принципе было кому. Не хватало только техники, оружия и боеприпасов, очень плохой стала связь, не было электричества... С юга наступали турецкие и грузинские войска вместе с частями из нескольких стран ООН, наёмниками и поддерживавшими всё это американцами. У них было много авиации, Кавказ насквозь простреливался ракетами с Чёрного и Каспийского морей. "За нас" были абхазы, армяне и осетины, но помочь, конечно, ничем не могли — они сами едва-едва отбивались на своих землях.

Впрочем, всё это я узнал потом. А тогда — просто понял одно: мы дошли куда-то, где можно остаться. Я уже еле передвигал ноги от постоянной усталости и страха, не говорю уж о том, что кроссовки развалились.

Селить нас было, конечно, негде. Для детей место нашли, и мама устроилась работать к ним воспитателем. Моя мама, которую отец так и не смог уговорить на второго ребёнка! В станице работали хлебзавод, консервировали фрукты-овощи, ремонтировали технику и на том же консервном заводе клепали ручные гранаты. Я и сам не мог сообразить, как так получилось, что мы с Витькой оказались на скотном дворе, по уши в... в работе, скажем так. Зато теперь было где спать — по крайней мере, до холодов. Под навесом на соломе.

Как будто так и было надо.

Может, и правда так было надо? Хотя, если честно, я задалбывался. Верите, не верите — но я ведь ни овец, ни свиней, ни коров, ни кур, ни гусей до этого "в реале" не видел никогда. На лошадях катался в парке культуры и отдыха. А тут — соизволь свести со всей этой живностью близкое знакомство. Но с другой стороны — до меня как-то сразу дошло, что, если бы кто-то не возился вот так с вилами по колено в навозе — человечество передохло бы от голода. Здорово прочищает мозги. В отличие от вонючих туалетных будочек, с которыми я впервые познакомился тоже здесь и смиряться не хотел...

...Я узнал того, кто через меня переступил. Это был мой тёзка — тоже Колька, Колька Радько, заводила и командир местных мальчишек, которым ещё не исполнилось шестнадцать и кого не записывали в реестр. Кольке было пятнадцать — невысокий, крепкий, с тяжёлыми кулаками парнишка, носивший совершенно киношный светло-пшеничный чуб. Кстати, казачата нас — "иностранцев" — не задевали и не чморили, хотя могли бы. Но и в свой "круг" не допускали. Тот же Колька цедил слова через губу и только по работе.

Ну да ладно. А вот куда его понесло?

Мне вдруг стало очень интересно. Живое ощущение, выходящее за рамки непосредственных реакций на то, что меня окружало, я испытал впервые за эти три недели.

Я привстал и бесшумно съехал на выложенный досками пол. Нашарил сапоги. Другой обуви у меня просто не было — только эти кирзачи, выданные станичным кругом хорошо ещё, что по ноге. Это было смешно, и я хихикнул. У меня осталась одна пара обуви, и я сплю на сене. Кажется, дальше уже некуда валиться.

Колька маячил у загородки неподалёку. С кем-то разговаривал негромко. С девчонкой, что ли, болтает? Я натянул сапоги на босу ногу и подкрался ближе.

Нет, не девчонка. Там собралась целая компания — братья Ищенко, Борька с Андрюшкой, близнецы, оба крепкие, невысокие, лобастые и белобрысые, а ещё — черноволосый, тоже чубатый, но лицом похожий на девчонку Димка Опришко.

— Не знаю, — шептал как раз он, — чихает, как сатана. Я и так и сям... чихает.

— От этой барды зачихаешь, — буркнул Борька. — Как ещё вообще работает... Ну всё равно ж надо идти. Пошли глянем... Может, ещё Барбаша позовём?

— Не дёргай его, знаешь ведь, на дядю Семёна похоронка вчера пришла, — сказал Колька. — Пошли сами.

— Суки, бля, — энергично высказался Андрюшка. — Не дождусь, когда мы начнём. Рвать буду гадов, как червей давить.

— Один, что ли, такой? — уже на ходу спросил Димка.

Они пошли куда-то в темноту. Ну, точнее, не совсем было темно, я уже неплохо видел и только благодаря этому вовремя сумел нырнуть в лебеду, когда, перебравшись через загородку, нечаянно хрустнул чем-то — и все четверо обернулись.

— Это что? — спросил тихо Борька, а мне показалось — рядом сказал, над ухом. Я в лебеде перестал дышать.

— Да ладно тебе, — сказал Димка. — Не диверсанты, в самом-то деле...

— Ага. А в пятницу бензозавод в Отрадной сам взлетел?

— Разбомбили его...

— Х...я тебе-то. Он у них в бункере был — офигеть. Взорвался... Сыпанут овцам какого цианистого калия, зимой будем подмётки от кедров варить...

— Не дури, где овцы, а где мы... Пошли.

— Э, ты чего, до зимы в окружении сидеть собрался?

Они всё-таки ещё постояли молча, потом разом повернулись и пошли дальше — по тропинке через высоченную лебеду. Я выждал и стал красться следом.

Куда вела тропинка — я не знал. Скорее всего, это были какие-то заброшенные ещё в незапамятно-советские времена поля, а окрестностей станицы я и приблизительно не представлял. Просто шёл, стараясь ступать как можно тише и ориентируясь на негромкие голоса впереди.

Так мы шли, наверное, с полчаса, не меньше, в довольно быстром темпе. А потом...

Потом на меня свалилось что-то тяжёлое и живое, закутало голову, я втянул в себя воздух — и отрубился, задохнувшись чем-то приторно-сладким.

\* \* \*

— Морду подними!

Я получил сильный удар по щеке, всхлипнул от боли и открыл глаза.

В небольшом помещении пахло то ли водкой, то ли ещё чем-то таким... Побулькивал у дальней стены сложный агрегат, сильно напоминавший аппарат из старой комедии "Самогонщики". Горел костёр из какого-то мелкого сухостоя и фанерных обломков. Возле огня сидели на ящиках все трое мальчишек. Нехорошо глядели на меня. Борька с Андрюшкой курили — самокрутки, здоровые, как поленья. Димка стоял возле меня.

— Вы чего, пацаны? — пробормотал я и вдруг чихнул. Ещё раз. Ещё. Они засмеялись — сухо, нехорошо.

— Как наш табачок? — поинтересовался Борька.

— Какой табачок? — спросил я, только теперь обнаружив, что плотно привязан к стулу — за руки и ноги — а мои сапоги лежат у ещё одной двери — в глубине помещения.

— Такой, дурачок, — срифмовал Борька. — Ты думаешь, что с тобой было? Я отстал, тебя подкараулил и на башку мешок набросил. А там махорочная пыль. Апп — и готов. Мой брательник старший так чехов крутил. А до него...

— Ладно, — прервал его Колька. — Ты чего за нами шёл? Шпионил?

— Да на кой мне чёрт?! — возмутился я не вполне искренне. Что ни говори, а я именно шпионил...

— Ясно. Шпионил, — подвёл итог Андрюшка и щелчком пальца бросил хабарик в костёр. — Теперь осталось выяснить — зачем.

Мне стало не по себе. Они совсем не были похожи на играющих мальчишек. Ни чуточки.

— Пацаны... — начал я, но Колька меня перебил:

— Значит так, тёзка, — он, оказывается, помнил, как меня зовут! — Ты извини. Как в кино говорили до войны — ничего личного. Но таких, как ты, за последние две недели в округе уже несколько человек отловили, так что... рассказывай давай, что и как, а потом пойдём атамана будить.

— Да я просто так за вами шёл! — возмутился я, ощущая какое-то нехорошее кисельное подрагиванье в животе. Мальчишки засмеялись — все четверо:

— Ага, — сказал Димка, — играл просто, — и они опять засмеялись.

— Ну тогда так, — Колька усмехнулся. — Тогда мы сейчас вон тот кусок жести нагреем докрасна и тебе под ноги положим. Давай, Борь.

Борька сделал ещё одну затяжку, тоже бросил окурок в костёр и, поднявшись, переложил в огонь большую прямоугольную жестянку. Сел на своё место.

У меня в животе сжался комок.

— Да вы чего! — вскрикнул я.

— А ты что думал — это и правда игра? — и Димка вдруг сжал мои щёки с обеих сторон пальцами — как клещами. Я увидел совсем близко его осатаневшие глаза. — Ты знаешь, сколько у нас похоронок в станице?! Сорок три уже! Тридцать шестая на моего папку была! Ещё добавить решил?! На кого работаешь, гадина?!

— Пу... фти... — с трудом выговорил я. Он правда отпустил, тяжело дыша. — Пацаны, — я постарался говорить спокойно. — Если вы правда меня мучить будете, то как же вы не понимаете — я всё, что угодно скажу. Что вы потребуете, то и скажу.

— Вообще-то он правильно говорит, — заметил вдруг Борька.

— Ты же сам его скрутил, — повернулся к нему Димка.

— Скрутил, потому что про наше дело лишним знать нечего. А что он шпион... — Борька покачал головой. — Чего ему тут, у нас, вынюхивать?

— У меня отец тоже погиб, — сказал я. И первый раз по-настоящему подумал об отце, как о мёртвом. К горлу подкатил комок, а страх почти исчез. — Ну хотите — давайте, пытайте, если вам охота послушать, как человек кричит. А я наслушался уже... Казаки, пуп земли! Не бомбили вас, из дому вы не убегали...

— Горло не дери и на жалость не дави, — сказал Колька.

— Ну тогда убейте, чтобы я никому не рассказал, как вы тут самогонку гоните! — выдал я.

Странно. Они опять засмеялись, но уже по-настоящему, весело.

— От дурак, — заметил Андрюшка. — Разве самогонка так воняет?

— Не нюхал, — огрызнулся я.

Они опять засмеялись. А мне — мне вдруг до дрожи внутри захотелось узнать, чем же они тут занимаются?

— Ладно, — Колька встал с ящика, в руке у него блеснул длинный, чуть изогнутый нож с наборной рукояткой. — Иди... шпион.

Он ловко полоснул по верёвкам — раз, два, три, четыре — ножом, и я почувствовал, что свободен.

— Может, всё-таки... — начал Димка. Колька махнул рукой, убирая нож в рукав:

— Да ясно всё...

— Пацаны, а что вы тут делаете? — не удержался я, подбирая сапоги.

— Пацана ты в зеркале увидишь, — сказал Борька, — а мы, слава богу, казаки.

Он сказал это без наигрыша. Я вздохнул. Пожал плечами. И, натягивая сапог, увидел сбоку от той, второй двери предмет, небрежно закинутый рваным брезентом.

Предмет, мне хорошо знакомый.

Я выпрямился.

— Это что, MZ-34?

— Откуда знаешь? — быстро спросил Колька.

— Отцовская фирма аэроклуб спонсировала, я летал. На "грифе". Такой же точно MZ-

34 на нём стоял.

— Отец шишкой был, что ли? — усмехнулся Борька.

— Был, — кивнул я спокойно. — Исполнительный директор. Ну и что? Его бомбой накрыло. Не стали разбираться...

— Погоди, не об этом речь, — Колька подошёл ко мне. — Ты в движках что, разбираешься?

— Пока техминимум не сдашь, летать не допускали, — ответил я.

— Слушай... — Колька задумался. Андрюшка недовольно сказал:

— Ну не вздумай, сотник, он же иногородний...

— А по-моему можно, — заметил Борька. — Зря ты, братишка, на него прёшь. Дим?

— Не знаю, — отрезал Димка. И тут же добавил: — Но вообще-то не помешало бы.

— Слушай, тёзка... — Колька подошёл ко мне, усадил на стул, с которого всё ещё свисали обрывки верёвок. — Ты вообще как про эту войну думаешь?

Я промолчал. Мне пришлось сделать усилие, чтобы осознать тот простой факт, что вот сейчас, вот в этот самый момент — идёт война. И я сказал честно и растерянно:

— Я не знаю.

— Ну например, тебе нравится, что они в своих листовках пишут — России больше нет? — Колька усмехнулся. — Нам, например, очень нравится. Янки что обещают? Все казачьи области — самостоятельными республиками сделать. Казакам — всякие льготы. В армию набирать к себе, за хорошую плату. Так и пишут! Пять лет отслужил — дом и пожизненную пенсию. Даже чеченские земли нам отдадут — вон, терцам. Наши генсеки отняли, президенты не вернули, а они — отдадут. А Россия — да пошла она... — он пожал плечами.

— Да пошли вы сами! — вдруг вырвалось у меня. Я вскочил, чувствуя, как неожиданный, неведь откуда взявшийся гнев наливает мои непроизвольно сжавшиеся кулаки свинцом. — Предатели! Правильно я про вас читал, что вы ещё в Великую Отечественную фашистам продались! Ваши старшие тоже только и думают, чтобы им сэндвич долларами намазали, или вы тут одни такие умные?!

Слова у меня кончились. Вот странно, откуда они вообще взялись-то, я ж ни про что такое и не думал никогда, а тут — выдал, как из пулемёта! А теперь стоял и тяжело дышал, обводя всех четверых взглядом.

— Ого, — сказал Андрюшка.

— Ну тогда пошли, — сказал Колька.

— Куда?! — ошетинился я.

— Пошли-пошли, — он положил руку мне на плечо. — Посмотришь, какой самогон мы тут гоним... иногородний.

\* \* \*

Их было девять. Точнее — восемь; четыре хорошо мне знакомых "грифа", три "блюза", один ТХ-42. Двухместные парапланы стояли вдоль щелястой стены низкого ангара в ряд. Девятый "гриф" висел на стропях в полуразобранном — или полусобранном? — виде.

Вообще-то они отличались от тех ярких машинок, на которых я летал в клубе. Снизу покрашенные серо-синей, сверху — маскировочно-пятнистой гаммой. Движки закрыты какими-то коробками, под двойным сиденьем проходит толстый стальной лист. На сиденьях — номера, на носовых обтекателях — сине-малиново-зелёный круг; три буквы: ККВ; названия — на каждом своё: "Атаманец", "Потёртый Гарри", странное "Саш'хо", ещё какие-то...

А ещё потом я понял, что чехлы на "грифах" — это пулемёты.

— Вот так, — сказал Колька тихо. — Вот это, значит, наши коняшки. Тут раньше — давно — аэроклуб был. Потом разорили его... лет пять назад — восстановили, матчасть в другое помещение вывезли, подальше. Мы там занимались, в этом клубе... А тут осталось всякое-разное. Мы пошустрили, глядим — можно машины собрать, только руки приложить.

Вот и... приложили.

— И что вы хотите делать? — спросил я, хотя ответ знал отлично.

— Воевать, — ответил Колька.

— На этом?! — я уставился на него.

— Э-э-э... — протянул он. — Да ты, я вижу, только кино про ночной дозор и Гарри Поттера смотрел...

— Да ты объясни! — у меня не было сил злиться.

— Лады. На парапланах ещё двадцать лет назад абхазы с грузинами воевали. И очень хорошо получалось...

— С грузинами! — я аж всхлипнул. — А сейчас против нас что — грузины?! Да янки ваших

бумажных голубей своими "пэтриотами"...

Общий смех не дал мне договорить.

— Вы что в больших городах, правда все такие дикие? — добродушно спросил Борька. А Колька терпеливо продолжал:

— Значит так. Как раз в том-то и фишка, что ни фига они ни "пэтриотами", ни радарам параплану не сделают. Он может идти над травкой, где его ни радар, ни ракета не возьмут. А может планировать по сто с лишним км с выключенным двигателем. Хочешь — гранату прямо в танковый люк положишь.

— Не мы первые такие умные, — сказал Димка, похлопывая рукой по каким-то ящикам. — У терцев есть парапланщики. Взрослые мужики, конечно... У нас вообще авиации почти нет, только переделки, настоящих боевых машин мало — вот уж точно в небо соваться опасно, заклюют. Ближайшие наши — ну, русские — самолёты в Саратове, в Воронеже... А мы чем бог послал обходимся. Но тут дело в том, что вот такими машинками врага можно здорово покалечить.

— Понимаешь, — снова заговорил Колька, — у них вся сила — тыл. У них бойцы фиговые, я тебе правду говорю, особенно тут. Ни турки, ни грузины, ни даже янки сами против казачков наших — не вояки. Немцы там разные — вот они могли бы с нами потягаться. Но они-то своих солдат амеросам давать не спешат... Беда в чём? Мы патроны экономим, раненых сколько гибнет, продуктов на фронте не хватает — тыл у нас плохой. А у них даже почта чок в чок приходит. Тылы работают, как часики швейцарские. А вот если им тылы расшатать — тогда ещё неизвестно, чей верх. Забомбить мы их не можем — сил нет, правильно Димка говорит. А вот зажалить — запросто.

— Погодите, — я покрутил головой. — Ну ладно. Ну, сделали вы эти машины. Ну и отдайте их в войско, чего лучше?!

Какое-то время все четверо молчали. Потом Колька сказал:

— У меня дружки есть... Коломищевы. Игорек, Денис, ещё один Борька... Ты видел, наверное, разве что не запомнил пока. А у них братьев-то четверо было. Старший, Лёшка, в этом году школу должен был закончить. А как всё это началось — он в реестр записался. Шестнадцать-то было уже... И во втором бою, прямо у отца, у дяди Антона на глазах... миной его. Он ещё жил сколько-то, Лёшка. Дядя Антон рассказывал: "Батя, — говорит, — не надо, я умирать не хочу, я жить хочу, прогони, прогони..." Это он про смерть, значит... А потом маму позвал — и вытянулся. Вот так... Он нам, младшим, прохода не давал, на учёт его ставили, колонией уже грозились... А теперь всё. Фотки одни остались... Ребята говорят — мать с работы придёт, на столе их разложит и смотрит, смотрит...

— Понимаешь, Коль, — Димка так и сказал — "Коль", но обращался он ко мне, а не к Радько. — Он берёт двести, ну — двести десять килограмм. Параплан. Если взрослый один летит — неудобно. Пробовали. Это ему надо за всё работать. Если двое — это считай сам. Сто шестьдесят килограмм, не меньше. Остаётся пятьдесят. А защита двигателя, а экипаж хоть чуть защитить? И выходит едва тридцать. А если двое мальчишек — это не больше ста двадцати. Плюс сорок килограмм. Семьдесят кг боевой нагрузки. Семьдесят — и тридцать.

Сравни.

— Вам не разрешат, — покачал я головой.

— А кого мы спросим? Где цели — знаем не хуже взрослых, не дурные. Как говорится — курочка по зёрнышку...

— С миру по нитке — амеросам верёвка, — добавил Борька. — У нас только с последним движком проблема. И с горючкой. Но горючку мы... это... делаем.

— Так это вы горючку бодяжите?! — дошло до меня.

— Ну... ещё до войны, когда отец живой был, из Инэта один рецептик скачал, — признался Димка. — Хотел из рапса горючку делать на продажу. Типа частного бизнеса. Да вот не успел. А мы сейчас делаем. Не бензин, конечно. Но пойдёт. А рапса на стане — сила.

— У него ёмкость одиннадцать с половиной литров, — вспомнил я характеристики движка, — расход топлива четыре на час... И жмёт он тогда сто пятьдесят. А на вашем самогоне

как?

— Скорость такая же, — готовно сказал Димка. — Но жрёт по пять литров на час. И дымит, если фильтры не менять то и дело.

— Фильтры сами делаете? — уточнил я, присаживаясь возле недоделанного "грифа".

— Делов-то, — Димка присел рядом.

— А оружие? — вспомнил я. — Вы воевать чем думаете?

— Сашка Гуляев на консервном сегодня в ночную, он бы тебе расписал всё... — Колька присел рядом с нами. — Вообще у нас с оружием хреново. В основном ружья фермерские и старьё с Великой Отечественной; с боеприпасами, правда, без проблем. Ещё в мирное время натаскали. На "грифах", вон, пулемёты поставили — два немецких ЭМГэ, два наших дегтяря и ещё этот... блин! — он щёлкнул пальцами. — Магазин сверху у него...

— "Зброёвка", чешский, — напомнил Андрюшка.

— Ещё есть тоже немецкий, поновей, — сказал Борька. — Этот у нас в наземной охране... А на парaplанах — гранаты пороховые, бутылки с коктейлем, противотанковых гранат немецких много, они почти как бомбы небольшие шарашат... На "блюзах" ракетные установки поставили, с электроспуском. По шесть ракет под крыло, есть осколочные, есть зажигательные. Ничего, почти не осекаются. Правда, рассеиванье дай бог. Но если по площади лупануть...

— Кино... — я помотал головой. — Сколько же у вас человек-то?!

— Около трёх десятков, ещё набираем, — сказал Колька. — Самых проверенных, выбор есть, пацанов полно...

— Слушай, мы тебе всё рассказали, — вдруг как-то растерянно сказал Димка. — Ну мы конспираторы, на х...й...

— Погоди, — оборвал его Колька. И посмотрел на меня: — Ты, может, думаешь: вот, пацаны в войну решили поиграть, вообразили себя казаками... А ты на кладбище на наше сходи. Мы даже не про могилы старших говорим. Там сектор целый есть. Больше ста могил, и на всех — "неизвестный мальчик", "неизвестная девочка"... или просто "неизвестный ребёнок". Откуда? А в самом начале там, за станицей, на дороге, турки ракетами со штурмовиков три автобуса разбили. Автобусы детей из Сухуми везли. Наши, русских, которые там отдыхали где-то. И абхазских тоже, каких запихнуть успели... Штурмовики как по ним ракетами дали — и всё. Потом наши собирали и хоронили. Старшие хоронили. Хоронили и плакали. Мы ведь даже узнать не успели — кто такие, откуда родом. Не выжил никто. Автобусы-то гражданские были. Слепой различит. Мы не герои никакие. Мы до войны казаками звались, да, форму на парадах носили, а так были такие же малолетние упыри, как и другие. Но теперь-то так жить нельзя. Ты пойми, Коль — нельзя. Теперь воевать надо. Теперь мы и правда казаки.

— Летающие, — усмехнулся Борька.

А я... что я?

Я вспомнил, как лежал на песке и смотрел оцепенело на воронку на месте нашей

школы.

— Пошли движок перебирать, — буркнул я. — Чего теперь.

И мне вдруг показалось, что плеснувшая в лицо чистая и холодная вода промыла мне глаза.

Как будто пелена какая-то с них спала.

Честное слово.

Дмитрий Ляляев.

### КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ноченька морозная за моим окном,  
Спит Отчизна грозная, спит тяжёлым сном.  
Сомкнутые веки ей не разжать никак,  
Видно, сон навеки ей злой навеял маг.

Песни соловьиные больше не слышны,  
Уханья совиные больше не страшны.  
Взоры белоснежная ослепляет даль,  
А в душе мятежная прячется печаль.

Ночью — тьма суровая, не видать ни зги,  
Знать, кручина новая, новые враги.  
Сколько прежде было их на Руси Святой,  
Только время смыло их вешнею водой.

Сколько ни впивается в горло супостат,  
Здесь не прививаются жадность и разврат.  
Злом не покупается доброе житьё,  
Кто во лжи купается, тем грозит битьё.

Многие на наш кусок разевают пасть,  
Но в определённый срок им придётся пасть.  
Выхватив и выстегав, Русь прогонит их.  
Здесь земля не извергов, а земля святых.

Вздрогнет и поднимется скорбная страна,  
И с народа снимется всякая вина.  
Мы ещё потрудимся, славы накуём,  
Выстоим, прорубимся, песню допоём.

А пока — не ясная на небе луна  
И вокруг — опасная, злая тишина,  
И не видно солнышка в этом раю.  
Спи, моя сторонущка, баюшки-баю!

### 2. КРЫЛАТАЯ СОТНЯ

В старом альбоме нашёл фотографию  
Деда — он был командир Красной Армии.  
"Сыну на память — Берлин сорок пятого!"

"Любэ"

Белёсый, поблёскивающий аппарат вынырнул из-за рощи. За ним волокся хвост дыма. Не помню, как я оказался в канаве, откуда осторожно высунул нос, не в силах преодолеть природного любопытства. Сверху на меня грохнулся Витька Фальк, вмяв меня в канаву — и почти тут же неподалёку хлопнул взрыв и послышалось "урррррааа!!!"

— Чё это? — спросил я прямо в обалдевшие Витькины глаза. Он помотал белыми лохмами:

— Не знаю. Я гляжу — летит. Я прыгнул.

— Слезь, — я отпихнул его ногой. Наверху хохотали ребята и недоумённо визжала свинья.

— О, как устроился!

— И замаскировался!

— Пошли вы! Я, блин, упал!

— А тебе там идёт, один в один!

Мы кое-как выбрались наружу. Все обитатели скотного двора столпились около загородки, в которой обитал "N54, 135 кг. на 4 июня", как свидетельствовала табличка на дверце. N54, 135 кг. на 4 июня с оскорблённым видом торчал пятаком через загородку. Пятак ему почёсывала сестра Олежки Гурзо, Дашка, приговаривая: "Напугалась, маленькая, убилась, маленькая..." Через загородку лез — рук ему опасно не подавали — Сашка Радько, младший брат Кольки. Сашка был сильно маскировочного цвета и было видно, что он полезет в драку, как только переберётся наружу. Остальные ржали.

Наверное, правда была бы драка — в отличие от сдержанного Кольки Сашка был без тормозов — но мимо по улице пробежала вопящая толпа пацанов поменьше (разбавленная несколькими девчонками) — и станичных, и беженцев, и детдомовских. В их воплях слышалось на всю свободную область Кубанского Войска одно ликующее слово: "Сбили!"

Верхняя слега ограды скотного двора хрястнула и просела — через неё одновременно попытались перескочить восемь мальчишек. Из забойного цеха понёсся густой отборный мат старика Игоря Николаевича — зав. двором.

По копошащимся (тоже с матом, хотя и более звонким) телам я и Витька прорвались в первые ряды...

...Атаман Шевырёв — похожий на кряжистый волосатый пенёк с огромными кулаками, на который натянули казачью форму — поспел к мету падения первым — верхами. Я его побаивался — атаман постоянно был зол от количества хлопот и от того, что станичный круг "приговорил" не брать его "на линию", хотя по возрасту он ещё "вполне годился". Такая же судьба постигла ещё тридцать казаков — в основном 16–17 и старше 50 лет. Их оставили для обороны станицы (хотя было ясно: если уж враг дорвётся сюда, то какая там оборона...). Но вот получилось так, что именно они — из имевшихся в распоряжении круга ЗУшки-спарки и четверённого КПВТ, кое-как прикрывавших станицу с воздуха — сшибли беспилотный "прэдатор", неожиданно вынырнувший из-за рощи. И теперь атаман метался вокруг лежащего в небольшой воронке переломанного аппарата, грозил нагайкой, сипло матюкался, не допуская ближе любопытствующих, а школьный учитель физики и ещё какой-то малознакомый мне гражданин возились около этих обломков.

Мы остановились в отдалении. У Шевырёва не заржавело бы и врезать. Я передёрнул плечами, вспомнив, как позавчера он полоснул мне по задку, когда я — тащил бочку — не успел убраться с дороги вовремя. Я тогда взвился, буквально задохнувшись — не столько от боли, сколько от возмущения. Меня! Которого ни разу! Пальцем! Никто! Но, пока я собирал заряд негодования, чтобы уложить атамана наповал, он уже заговорил с Игорем Николаевичем на тему "ты, дед, хоть лопни, а мясо чтоб было не только на линию, но и для ребятишков..." — и мой запал пропал сам собой. Я потёр задницу, хлопнул и покатил бочку дальше.

А обида почему-то пропала сама собой...

..."Прэдатор" был страшен. Он походил на какого-то головастого крылатого червя, белёсого и склизко-блестящего, совершенно не имеющего отношения к нашему миру.

Кажется, не я один подумал что-то похожее, потому что, когда в обломках что-то скуляще скрипнуло и шевельнулось — шархнувшись в стороны все. И мелкие пацаны, и женщины, прибежавшие с молочной фермы, и мы, и казаки из конвоя Шевырёва, и сам Шевырёв.

— Да всё нормально, это камера! — крикнул учитель физики.

И мы увидели глаз.

Я не знаю, как вам это передать. Слов не хватает.

Антрацитово-чёрный, непроглядный, но в то же время какой-то рубиновый, большой, выпуклый, блестящий — глаз смотрел на нас из обломков. Неотрывно. У меня мурашки побежали по голым рукам, плечам, спине. Я понял, что где-то — очень далеко — кто-то в чужой форме, сидя за пультом, видит нас всех. Меня — красного от загара, в драных джинсах и перепачканных навозом кирзачах. Сидящего на заду Шевырёва — он поскользнулся. Конвойцев с "егерями" в на ремнях. Детей, женщин. Всех видит. И ничуть нас не боится. Может, даже смеётся — вот они, эти русские. Дикари, решившие противостоять нашим армиям... Сбили беспилотник и пляшут вокруг, как папуасы. Ну-ну...

Разве это — война, если мы даже не можем добраться до них?! Ведь те, кого убивают казаки и добровольцы "на линии" — это турки, грузины, наёмники со всего белого света. А как же эти?! Вот этот, который сейчас смотрит на нас через кроваво блестящий глаз объектива?!

— Они нас что, видят? — Шевырёв поднялся, отряхивая свои галифе с лампасом. Подобрал кубанку.

— Скорее всего — да, — ответил тот, полужнакомый мужик. — Тут даже записывающие устройства целы. Снимаем?

— Осторожней там, — буркнул Шевырёв. — Чего встали, станичники и прочие?! А ну — по работам! Живей! Все дела переделали, что ли?!

Народ стал расходиться, переговариваясь, что соседи (в смысле — в Отрадной) позавчера аж турецкий штурмовик завалили... а вот такого ещё никто не сбивал...

— Пошли, Ник, — толкнул меня в плечо Витька. Я кивнул.

И увидел Димку.

Опришко спустился ближе к камере, которую — соединённую пучком ярких проводов с какими-то ещё деталями — положили на вспаханную взрывом землю. Присел на корточки. Приблизил лицо к объективу камеры.

— Я тебя убью, — услышал я тихий, какой-то даже нежный и от этого особенно страшный голос Димки. — Ты слышишь меня, пададь? Не прячься. Я тебя найду и убью за моего батю. Жди.

Он встал и, не глядя на нас, прошёл мимо.

\* \* \*

Тем вечером самозванная отдельная мотопланерная сотня Всекубанского Казачьего Войска, не значившаяся ни в каких реестрах и волевым порядком присвоившая себе название "Крылатая Сотня" — в полном составе собралась в старых ангарах аэроклуба.

Полный состав насчитывал тридцать одного человека, так что "сотня" оставалась лишь условным названием. Я уж не говорю, что, кроме меня и Витьки в её рядах были ещё двое "иногородних", записанных как "добровольцы" — отлично разбиравшийся в технике Ванька Тимкин и сын офицера горных стрелков Ромка Барсуков.

Тридцать один человек плюс девять пригодных к использованию парашютов.

Было жарко, даже душновато. В щели не задувало — снаружи стояла плотная, чёрно-звёздная южно-летняя ночь. Горел на этот раз не костёр — три керосиновых лампы, заправленных "самогоном". Мы сидели на ящиках вдоль стен и, если честно, впечатления боевого подразделения не производили. Казачата ещё так-сяк — по крайней мере, на них на всех были кубанки (и как у них не плавятся мозги?!). Но и из них полный камуфляж был только на четверых-пятерых. А уж мы-то и вообще...

А вот машины выглядели неожиданно солидно. Около каждой — два шлема,

переделанных из мотоциклетных, глухие, в мирное время — мечта любого пацана. Подготовленный боекомплект: пороховые гранаты, сделанные из консервных банок, с тёрочными запалами-самоделками; разнокалиберные бутылки с "коктейлем" и пристёгнутыми охотничьими спичками; немецкие противотанковые гранаты, напоминавшие капли, повисшие на ручках; ракеты, сделанные из обрезков труб и снаряженные в самодельные кассеты... "Свирепый Карлсон" — ТХ-42 Макса Дижонова и Жорки Тезиева — был снаряжён блоком из шести ППШ, направленных вниз; кто-то где-то читал о такой штуке, использовавшейся во время Великой Отечественной, и ребята соорудили такую же из "некондиционных" ППШ (с разбитыми или отломанными прикладами) — нажал на спуск — и ППШ хором лупят вниз. Правда, при длинных очередях "Карлсона" начинало кидать так, как будто это был его живой тёзка, который увидел, как Малыш изменяет ему с домохозяйкой...

Честно? Меня по-прежнему нет-нет, да и посещало ощущение, что всё это — сон. Игра какая-то. Даже увлекательная; ну не будем же мы, в самом деле, куда-то лететь, убивать людей (вот бред-то?!), рисковать быть убитыми... Чушь. Не может быть. Но вообще мне тут нравилось. Всё-таки — коллектив великая вещь. Витька Фальк отошёл от своей тормознутой обалделости. Кругом хорошие ребята... Посидим, на гитаре поиграем, пивка выпьем — и по домам.

Пивка не было. А вот гитар было две, и Тимка Задрыга (о господи, как хорошо, что я не казак — а ведь их целая семья с такой фамилией; вон он — Антон Задрыга, мой ровесник, брат Тимки, тоже тут сидит!) брякал по струнам и напевал себе, как ни в чём не бывало — будто и нет никакой войны; совершенно неказачье напевал:

— На стеклах, седых от пыли,  
пиши имена,  
Выкуривай за ночь пачку и жди эпилога.  
Семь женщин тебя любили,  
осталась одна, -  
Она бесконечно просто зовется — Дорога.

А ей — то леса, то степи,  
то черный остов  
Заброшенного вокзала да годы иные.  
Одни оставляли пепел  
сожженных мостов,  
А ты за собой оставил мосты разводные.

А после ты будешь плакать  
слезами вовнутрь  
О том, что другой дорогой полжизни протопал.  
Душа твоя, как собака,  
попросится в путь  
По ржавым осенним листьям к утиным протокам...  
Вздыхнул кто-то... Мне тоже взгрустнулось, я подумал, что уже два дня не видел маму — ну что стоит дойти?! Тимка пел:

— Уставшие от скитаний  
вагоны скользнут  
С оборванных рельсов в небо и грянутся оземь...  
Семь странных твоих свиданий,  
семь верных разлук  
Проводят тебя глазами в последнюю осень. (1.)

---

## 1. Стихи А. Земскова.

— Ладно, хватит, — Колька Радько поднялся, одёргивая "афганку". — Потом попоём, а сейчас... Короче, господа казаки и прочие... В общем, вот что, пацаны. На фронтах плохо, сводку вы читали сегодня. Но держимся. Они на части Россию порубили — а мы держимся, не сдаёмся. Вон как — за Уралом стоят, и Воронеж держится в блокаде, и Саратов, и туляки с брянцами, и от Петрозаводска их попёрли пинком под зад. и хохлы воюют, и Крым бьётся, и бульбаши сражаются, и греки с югами в горы ушли и бьют этих, как могут... В общем, бьёмся. Бьются, — поправился он. — А мы сидим и заборы чиним... — кто-то зафыркал. — А чего ждать? Пока турки придут, попользуются нашими мамками и сёстрами, а нам концы обкромсают и в Эмираты продадут? У них не заржавеет. Вон, абхазы с осетинами отступали вчера по дороге, такое рассказывали — да вы и сами слышали...

Слышали. Слышали. Слышали такое, что не верилось. Бомбёжки, жечь города — это было как-то... ну я не знаю. Страшно, жутко... но понятно. Враг при этом всё равно оставался человеком. Жестоким, безжалостным — но человеком. А вот эти рассказы... Я не мог поверить, что так бывает. Что могут насадить животом на кол маленького ребёнка и возле него, умирающего, насиловать его мать. Что могут разрывать людей джипами. Закапывать по горло в землю на солнцепёке и на голову надевать металлическое ведро. Снимать кожу и посыпать солью живого ещё человека. Что могут кастрировать схваченных мужчин и мальчишек, а потом на их глазах рубить руки, ноги и головы изнасилованным женщинам и девчонкам. Что могут молиться — и опять убивать. Это не укладывалось ни в какие рамки никакой войны. Это было страшнее разбомбленного Ставрополя.

А самым жутким было то, что я ощущал — где-то внутри — это всё правда.

— А кроме турок там и чеченцы есть, и ингуши, и много кто — из тех тейпов, где у нас кровники, — говорил Колька. — Терцы вон, — он кивнул в сторону братьев Дорошей, братьев Тезиевых, Сашки Тасоева, — знают, что это такое есть... Чего нам ждать? Мы готовы. Тренировались? Тренировались. И летать, и стрелять, и бомбить. Разрешат нам воевать? Не разрешат, беречь будут. Для взрослых, может, и правильно это. Может, они вообще правы. Я не буду судить. Не знаю я. Я не президент, не атаман, я пацан, как вы. Мы вместе в школе учились. Сады вместе обтрясали. В комп рубились. Купались, дрались... Кое с кем уже и девчонок вместе щупали... а кое-кто и не щупал уже... Короче — в мирные дни жили вместе. А теперь воевать будем вместе. Кто жив будет — победит. Кто умрёт — тех бог приберет.

— Ты бы так сочинения писал, как говоришь, — с ласковой насмешкой сказал Андрюшка Ищенко.

— Может, и про нас сочинения будут писать, — задумчиво заметил Макс Дижонов.

— Славы хочешь? — усмехнулся Колька.

— Хочу, — Макс встал, тряхнул тёмно-русый чубом. В свете керосиновых ламп блеснула "заклёпка" в ухе. — Честно скажу, пацаны — хочу славы. Хочу, чтобы меня все знали, враги боялись, свои восхищались. А что?

— Ничего, — Колька, дотянувшись, хлопнул его по плечу. — Кто б чего не хотел — а воевать будем вместе... — он толчком развернул на ящиках большой лист бумаги — Вот и наша роспись. Подходите все сюда, глядите.

Мальчишки столпились над бумагой.

— Примерно так, — Колька вздохнул. — Вылеты будут по ночам. А днём на работе будем прикрывать друг друга, чтобы высыпаться. Иначе ножки протянем.

— Ну а первый вылет когда будет? — спросил Тошка Задрыга.

Все умолкли. Могу поклясться, что стало не по себе не только мне одному.

— Завтра, — тихо ответил Колька. Вокруг прошло легкое движение. — Два экипажа. Думаю, никто не будет возражать, если я и Игорь, — он хлопнул по плечу Коломищева-

старшего, — будем первым экипажем. Хотя бы по праву командира. А второй разыграем.

— Сейчас, — сказал Колька.

Не надо, хотел сказать я. Но не сказал. Было тихо.

Мой пилот — младший из братьев Барбашовых, отца которых убили недавно, тринадцатилетний Витька, стоял рядом со мной с неподвижным лицом.

В этой тишине и неподвижности Колька стал готовить жребии — бумажки с номерами аппаратов, кидая их в свою кубанку.

— Кто достанет? — сказал он каким-то не своим голосом. — Давай ты, Игорь, — он протянул кубанку своему бомбардиру.

Коломищев не стал тянуть. Он сунул туда руку и тут же достал бумажку.

— Пятёрка, — сказал он.

— Саш'хо (1.), — выдохнул Володька Тезиев, кладя руку на плечо своему бомбардиру Сашке.

---

## 1. Шашка (осетинск.)

— Это неправильно, сотник, — вдруг сказал Андрюшка Колпин. — Летишь и ты и Сашка. Если что — как ваша семья?

— Есть ещё Ирка. И Дениска, — сказал Колька. И посмотрел на Сашку, который сильно побледнел, но улыбался — по-настоящему, искренне. — Ну что, брат?

— Летим, брат, — сказал Сашка.

— А какие цели? — спросил Володька.

— Вот и цели, — Колька достал из-за голенища сапога карту. — Но это чуть потом, обсудим, когда остальные разойдутся... А пока... — он подмигнул Борьке Ищенко. — Подарок. Не сказать, что от войска, но около того...

...Подарком оказались камуфляжи — куртки и штаны — ботинки-берцы и коричневые грубые перчатки-краги. Всё ношеное, но прочное. Не знаю, где Колька и Борька их добыли, да я этим и не интересовался. На правом рукаве каждой куртки был наших шеврон кубанских цветов, на левом крепился металлический значок — голова хищной птицы над малиновой планкой с белой надписью "КРЫЛАТАЯ СОТНЯ".

— Барахло будем хранить здесь. И пользоваться только в полётах, — сказал Колька.

Нет, не сказал — приказал.

\* \* \*

— Месяц

взвился в небо ятаганом, -

Как его клинок остер!

То ли

светят звезды над курганом,

То ль вдали горит костер...

Путь наш

никогда не будет близким,

Хоть всю гони коней

Степью

по камням, по обелискам

Да по волнам ковылей...

Голос Тимки удалялся вместе с гитарным перезвоном. На юге били орудия.

— Думы,

как сухарики в котомке,  
Переломаны, черны.  
Воля, -  
а мы все рыщем, словно волки,  
Да все бежим, как от чумы.

Долго  
слышно, как тоскует песня,  
Уплывая за курган.  
Только  
все грозит из поднебесья  
Нашим душам ятаган. (1.)

---

### 1. Стихи А. Земскова.

— Ну что — спать? — спросил Витька, толкая меня локтем.  
— Иди, — я ответил таким же толчком. — А я в станицу.  
— К тёте Нине? — спросил он. Я кивнул. Витька вздохнул.  
— Пошли вместе, — предложил я.  
— Нет, я спать, — ответил он. Ускорил шаг, потом остановился: — Ник... Коль... Я не знаю, может, моих не было дома, когда бомба... Может, они живы?

— Мы их найдём, — ответил я. — Найдём, конечно, живы. Ты тогда просто растерялся. Что им днём делать дома? Наверняка были на работе и теперь тоже ищут тебя... Вот станет полегче, поедем в Ставрополь и найдём твоих...

...Пыль на дороге казалась серебристой в свете луны. Ещё она была тёплой и мягкой. Я шагал босиком. Раньше я никогда не ходил босиком просто так, не ради удовольствия или не на пляже.

Но сапоги надо было беречь для работы.

Мне уже с полминуты казалось, что впереди — там, где дорога ныряла в рощу — кто-то стоит. Я не боялся, да и вообще не был уверен, что это человек, а не куст; ускорил шаг и услышал:

— Коль, это ты?

Девчонка?

— Я... — я сделал ещё несколько шагов и увидел Дашку Гурзо. В спортивном костюме и драных кедах она стояла возле дороги. — Ты чего тут делаешь?

— А я задержалась, а через рощу боюсь одна идти, — сказала она, переступая с ноги на ногу.

— Ночевала бы на дворе, — буркнул я. — Куда тебя понесло?

— Мне домой надо... Бабушка болеет, Олег дома не появляется, и мама тоже всё время занята...

— Пошли, пошли, — я подтолкнул её — получилось, пожалуй, грубовато, но она ничего не сказала и пошла рядом.

В роще, как всегда бывает в жаркие безветренные ночи, сами по себе таинственно шептались деревья. Дашка шагала рядом молча. Молчал и я. Если честно, девчонки у меня не было и я их побаивался, хотя и мечтал о разном "таком", конечно. И вот так — почти локоть в локоть, ночью — я шёл куда-то рядом с девчонкой впервые. В голову полезли разные мысли на половую тему. Я сердито отогнал их и подумал, что это всё-таки глупо — шагать рядом с девчонкой молча. Но о чём с ней было говорить?

— А ты прямо в Ставрополе жил? — вдруг спросила она.

— Угу. Да, в смысле, — сказал я, даже вздрогнув.  
— А я всю жизнь здесь. Я больше и не была нигде, только в райцентре, и всё.  
— У вас тут красиво, — сказал я совершенную глупость. Но Дашка почему-то отозвалась готовно:  
— Ага. Можно курорт делать. Тут недалеко целебные родники. Ты не видел?  
— Я пока почти ничего тут не видел, — сказал я ещё глупее. Не видел — что тогда красиво?  
— А за границей ты был? — не обратила она на это внимания.  
— В Турции два раза. И много раз в Крыму, но отец всегда говорил... — я передохнул спазм в горле, — ...что Крым — не за граница. Там правда все по-русски говорят, и вообще.  
— Там тоже война сейчас, — вздохнула девчонка. — Везде война... Я сегодня осетинкам  
молоко носила, они такое рассказывают... Дети у них все перепуганные, даже не плачут... Господи боже, а если сюда придут?  
— Не придут, — ответил я. — Не пустим.  
— Ты непустишь? — без насмешки, грустно сказала она.  
— Надо будет — и я не пушу, — отрезал я. Тоже серьёзно. Дашка вздохнула:  
— Мальчишкам хорошо... Они воевать могут. А ты сиди и жди...  
— Не хватало ещё, чтобы девчонки воевали.  
— Женщины же многие воюют...  
— Ну и неправильно. Пришли, вон же твой дом?  
Мы и правда вошли в станицу. Нас окликнули с поста КПВТ, потом сказали проходить.  
— Спасибо тебе... — Дашка остановилась. — С тобой правда не страшно.  
И мне с тобой, подумал я, признавшись себе самому, что одному идти через ту рощу было бы жутко. Постоял, поглядел вслед быстро идущей к своему дому Дашке.  
И зашагал к школе, где теперь располагался интернат и жила в небольшой комнатке мама.

\* \* \*

Я проснулся уже под утро — как раз когда надо было подниматься на работу. Проснулся от того, что лежу не на соломе и рядом никто не возится.

Я спал на раскладушке. В окно падали самые первые солнечные лучи, и мама спала, сидя за столом.

Как я оказался на раскладушке? Я помнил, что вошёл и что мама — она сидела за столом, вот за этим же, вместе с Тонькой, шили они что-то — заплакала. А дальше...

Мои джинсы и рубашка — вычищенные и зашитые — висели на спинке старого стула. Трусы сушились на открытой половинке окна. Ёлочки зелёные, она меня раздела, уложила... похоже, даже искупала перед этим!

На миг мне стало дико стыдно. Но только на миг. Я сел, прикрываясь простынёй, дотянулся до трусов. Они были ещё влажные. Я натянул их — и увидел, что мама подняла голову.

— Уходишь? — спросила она.

— Пора, — я встал.

Она сидела за столом и молча смотрела, как я одеваюсь. Потом так же молча сунула пластиковый пакет — там были полбуханки хлеба и две банки консервов.

— Не возьму, — отрезал я, — нас хорошо кормят.

Это было правдой. Я положил пакет на стол перед ней. Выпрямился.

— Мам... — начал я. И сказал то, что не говорил уже лет пять, не меньше. — Я люблю тебя, мам.

Дмитрий Ляляев.

ДАЙ ЗНАК!

Предстоящее лето поманит листвою  
Коронованных тополей.  
Ты вступаешь в жизнь, как в неравный бой,  
Становясь в ней сильней и злей.

И порою не знаешь, куда идти:  
Со столба указатель снят.  
От добра до греха — полшага пути,  
Но добра тебе не сулят.

Где знак, что не напрасно надеемся,  
Где знак, что будет жребий иной?  
Где знак, что мы к добру переменимся  
Весной, цветущею весной?

Не покончил с собой и пока не убит,  
Не споллистрился от тоски,  
Не исчерпан ещё до конца лимит  
Прохождений через штыки.

Голос звонок как прежде, а волос рус,  
И густа молодая бровь.  
Эта грозная дева зовётся Русь,  
У неё в поэзии — кровь.

Дай знак, что не напрасно надеемся,  
Дай знак, что будет жребий иной!  
Дай знак, что мы к добру переменимся  
Весной, цветущею весной.

Здесь краплёной колодой играет Лесть  
С титулованным дураком,  
Здесь пророкам частенько вручают честь  
Вместе с холмиком и венком.

Здесь ни баксы, ни марки и ни рубли  
Вам не купят правды о том,  
Как взлетают с края родной земли,  
Распрямляя крылья крестом.

Дай знак, что не напрасно надеемся,  
Дай знак, что будет жребий иной!  
Дай знак, что мы к добру переменимся  
Весной, цветущею весной,  
Весной, грядущею весной,  
Весной, поющею весной.

### 3. ЗЕМЛЯ В САПОГАХ

И встань! Ты не должен лежать!

Встань, даже если ты мёртв!  
Ведь ты родился здесь!  
Твоя сила в том,  
Что ты родился здесь!  
Здесь твоя земля,  
Здесь твой дом!

Американская песня XVIII века.

Я проснулся от того, что через меня переступили.

— Куда тебя черти несут? — прошипел я, хватая Дениса Коломищева за щиколотку. Он ойкнул, присев; средний из их тройки, Борька, замер неподалёку в позе охотящейся цапли.

— Пусти, Колян, — так же по-змеиному зашипел в ответ Денис. — Мы ребят встречать... Они сейчас прилететь должны...

— Андрюшке скажу, — пригрозил я авторитетом подхорунжего Ищенко, зама Кольки в отсутствие того.

— Стуканёшь?! — продолжал шипеть Денис.

— Не выспитесь, днём падать будете, — безапелляционно отрезал я.

— Пойми, у нас там брат же! Ну будь человеком, иногородний... — начал давить на жалость Денис.

Хм. Не дерущимися братьев я видел только когда они работали или спали. А так даже процесс поглощения пищи не был исключением. Или Игорь колотил кого-то из младших, или они объединялись и били его, или — для разнообразия — дрались между собой, причём доходили до такого остервенения, что начинали хрипеть и капать пеной, и даже взрослым их сразу разнять не удавалось. Я даже не мог понять, что служит поводом для той или иной драки.

И вот.

Нате. Они брата идут встречать.

Между прочим, было уже около трёх. Рассвет скоро. У меня захолонуло сердце.

Тут так говорили, когда кто-то волновался — "сердце захолонуло", причём и пацаны тоже. Я не понимал. А теперь понял.

— Вместе пошли, ладно, — я поднялся на колени. Справа вскинул голову Фальк:

— Ник, ты куда? — сипло и ничего не соображающее спросил он.

— Ссать, спи, — отрезал я. Витька тупо кивнул и ткнулся виском в набитый соломой мешок.

Мы втроём сползли с сеновала.

Земля была тёплой, дул ветерок — тоже тёплый. Где-то — не так уж далеко — стреляли. Шёл бой. Я ещё не научился различать, что где стреляет, но Борька прошептал, потирая нос:

— Калаши... а вот немецкие винтовки, гэшки... Наверное, диверсантов ловят.

— Сюда не пройдут? — вдруг забеспокоился я. Борька со смешком помотал головой:

— Не. Это за рекой, сейчас их, наверное, уже со всех сторон обложили.

— Всё щупают, думают, что у нас все на линии, голыми руками возьмут... — вмешался Денис. — Батька с дядькой дома три "сайги" оставили. Так что пусть и прорвутся. В оборот возьмём, хоть рэмбо самого.

— Слушайте, а если у вас в каждом доме оружие — что мы им-то не пользуемся? — спросил я, шагая между братьями. Борька хрюкнул:

— А как ты это себе представляешь? "Мать, я ружьишко возьму, слетаю кой-куда!"? Да и зачем нам "сайги" в воздухе? У наших машин главное оружие под крыльями. А так у меня вон "архар" есть, я не летаю. И Денис — техник, ему и тольтолича хватит. А тебе вон вообще пыпыску выделили, радуйся.

— Радуюсь, — буркнул я. — Много я с ним навоюю, если что. Точно пыпыска, пули

даже каску не пробивают.

— Если "что" — от тебя даже шкварок не останется, — популярно объяснил Денис. — Так что не тренди. Летунам личное оружие для самоуспокоения. И всё.

— Э, я вчера видел, когда масло отвозили, — вдруг вспомнил Игорь, — наши два "леопарда" тащили. Трофей.

— Зачем? — удивился я. Что такое "леопард" — я уже знал; немецкий танк, ими воевали турки.

— Дурак, — свысока заметил Игорь. Я нацелился дать сопляку по шее, но Денис миролюбиво сказал:

— Да не цапайтесь... Турки мусульмане. Они страсть как боятся в закрытом помещении помереть. Наши "леопарды" разули, и турки сразу из них удрали. Ну а гусеницы натянут — и будем воевать.

— Сколько техники перед самой войной на складах поспавали, — вспомнил Игорь. — Придурки — "нам приказя-али, нам приказя-али..." — он явно передразнил кого-то.

— Им правда президент приказал, — сказал Денис.

— Ну и сволочь, — отрезал Игорь. — А нашим теперь приходится голыми руками танки останавливать.

— Не голыми... — начал Денис. Но прервал себя: — Конечно, сволочь.

— Он думал, что все сразу посадутся, — вмешался я.

— Ну и посадались все, одни казаки сначала воевали, — отрезал Игорь.

Я дал ему по шее. Он сжал кулаки, но Денис ткнул его в спину:

— Иди давай. Хрень какую-то порешь.

А может, правда было бы лучше сдаться, подумал я. Сдаться. Это было бы просто. Тогда все были бы живы. Что такое родина, что такое честь, что такое все эти слова? Да ты и сдался, подумал я снова. Вернее, не сдался, а... ты просто не думал, что такое война. И если бы в тот день в школу пришёл какой-нибудь американец и сказал — мол, всё, детишки, отныне тут Америка — ты бы возмутился? Или побежал бы домой, потому что в такой день точно не было бы уроков? А что бы сказал отец? Может быть — ничего, только бы ему оставили его небезуспешный бизнес?

Интересно, кто были те люди, которые всё "заварили"? Из-за которых погиб мой отец и гибнут сотни (сотни тысяч, холодно поправил кто-то внутри меня) других людей? Кто первым сказал, что тут не будет Америки и выстрелил?

Я вспомнил фильм, который видел за год до войны — "1612". Про Смутное Время. Мы как раз в школе в этом году про него проходили. Как там воевода говорил людям: "Мы ему спасибо сказать должны за то, что нас наш долг исполнить заставил!" Что-то в этом роде.

Долг... Я ведь ничего не знаю об этом слове. Долг. Это когда ты должен деньги или тебе должны деньги. Вот так. Но ведь есть, есть у него и другое значение... Честь... Это не в суд подают "о защите чести" те, кто её и не имел никогда... Это — тоже другое. Родина... Что такое — Родина? Почему я должен умирать за Родину? Что мне было бы, не окажись её у меня? Какая мне-то разница? Глупые слова, наивные слова, средневековые слова... Может, мне надо просто заплатить и дать уехать куда-то, где не стреляют — и я брошу всё это? Может, просто вовремя не заплатили? Говорят, в начале 90-х был такой план — каждому русскому заплатить по сто тысяч долларов и дать им уехать, кто куда хочет. А территорию поделить... Может, так было бы всем лучше?

Но это не территория, вдруг подумал я. Это Родина. Это моя Родина. Я ничего не понимаю, я тупой, я пепсикольное поколение. Это всё правда. Но я знаю — моя Родина. Вот она. Под моими ногами — тёплая ночная земля. Над моей головой — звёздное небо. Вокруг меня — моя страна и мои друзья. Это — тоже правда. Моя правда.

Я ничего этого не отдам. Ни за какие деньги. И нечего гадать, что там было бы, если бы. Есть так — как есть. И лучше так, чем...

У меня опять не стало слов. Но я твёрдо знал: лучше так.

\* \* \*

Первым, кого мы увидели на нашей взлётке, был Жорка Тезиев. Он сидел на бочке, как символ казачества (донского, правда, кажется; пацаны говорили, что у донцов на гербе казак верхом на бочке), болтал ногами и, глядя в небо, начинавшее чуть-чуть светлеть на востоке, бухтел гимн терцев:

— Не из тучушки ветерочки дуют,  
Ой, не дубравушка во поле шумит.  
То не серые гусюшки гогочут,  
Ой, по-над бережком они сидючи.  
Не сизые орлы во поле клекочут,  
Ой по поднебесью они летучи,-  
То гребенские казаченьки,  
Ой перед Грозным царем гуторят:  
Ой ты, батюшка, ты, наш царь Иван  
Васильевич,  
Ой, православный ты наш Государь,  
Как бывалоча ты нас, царь-надежа,  
Ой, многа дарил нас, много жаловал...

Честно говоря, несмотря на осетинское происхождение, особыми талантами певца Жорка не обладал. Тем не менее, мы не стали перебивать и остановились, слушая, как он напевает неумоимо:

— А теперича ты, наш царь-надежа,  
Ой, скажи да скажи нам казакам,  
Чем пожалуешь нас, чем порадуешь  
Ой, чем подаришь нас, чем пожалуешь?  
Подарю я вас, гребенски казаченьки,  
Ой, рекой Тереком, рекой быстрою,  
Ой, всё Горынычем со притоками,  
От самого гребня до синя моря,  
Ой, до синя моря, до Хвалынского... — он  
вздохнул и пробормотал: — Бля, где же они... — и стукнул пяткой по бочке.

Как раз в этот момент две ширококрылые тени бесшумно прошли над полосой и, одна за другой упав в её конце, растворились в темноте. Послышались шорох и посвистыванье, навстречу которому мы все побежали.

Вынырнувший из темноты "Атаманец" чуть не сбил меня крылом — я еле успел пригнуться, схватил аппарат за растяжку. Честное слово, я и представить себе не мог, что вот так буду за кого-то волноваться — я буквально глазами впивался: все прилетели, всё цело?

— Не спите? — Колька тяжело сполз с сиденья, расстегнул шлем. Руки у него подрагивали. — Я что говорил? У нас что, парад победы — встречать?

Игорь уже облаивал своих младших — те против обыкновения отмалчивались. Володька с Жоркой обнимались. Колька, положив шлем на сиденье, спросил Сашку — тот подходил, неловко покачиваясь:

— Ты чего мне там орал?

— Испугался, когда ты пикировать начал, — угрюмо ответил тот. — Дениска, — он дёрнул за плечо младшего Коломищева, — ты глянь там... у меня из правого блока ни одна ракета не вышла. И пить дайте.

Жорка оказался предусмотрительней нас — оторвавшись от брата, притащил волоком пятидесятилитровый пластиковый бачок с водой, к которому все четверо тут же присосались. Мы стояли и ждали.

— Как слетали? — вырвалось у меня. В мою сторону все уставились почти с возмущением. Но я уже не мог удержаться: — Ну чего вы молчите, как слетали?!

— Если ты про вообще — то тут не расскажешь, — ответил Колька, садясь прямо на

выбитый бетон и расшнуровывая ботинки. — Не обижайся, но — не расскажешь. А если про результат — не шикарно. Но почин есть. За линией фронта на подлёте к аэродрому весь груз вывалили на два грузовика. Рвануло не слабо, и не наши заряды, а в кузовах что-то. Но на сам аэродром ни шиша не осталось. Погорячились... — и он улыбнулся странной медленной улыбкой.

— А самое главное — они нас правда не видят, — сказал Володька, садясь рядом. Только сейчас я разглядел, какие у всех у них усталые лица. — Мы летали, как у себя дома. То планировали, то движки включали — не видят. Хотя войск там полно. Если только случайно напоремся, но ночью не летает почти никто. А на нашей высоте — никто.

— Значит что? — Денис присел на корточки. — Значит, их можно правда бить?

— Можно, — кивнул Володька, тоже принимаясь за шнуровку. Жорка водрузил ему на голову папаху.

— Ура? — предположил Борька.

Все засмеялись. Колька, перевернув левый ботинок, высыпал из него то ли землю, то ли пыль, то ли песок...

— Это что, в воздухе накидало? — удивился я. На меня опять посмотрели все — но уже не с возмущением, а как-то странно. — Вы чего? — удивился я.

— Ничего, — покачал головой Колька, проделывая ту же процедуру со вторым ботинком. — Не, это не там. Это мы тут в ботинки немного земли насыпали. Перед вылетом.

— Зачем?! — изумление моё росло.

— Затем... — вроде бы неохотно отозвался Колька, но потом пояснил немного смущённо: — Понимаешь... есть такое поверье. Если перед боем насыпать в обувь немного земли... то можно сказать: на своей земле стою, за свою землю дерусь — где бы ты ни был в это время. А если и убьют, то опять-таки — на родной земле.

— А... — начал я.

И заткнулся.

— Зароемся в сено и будем дрыхнуть, — пробормотал Сашка, вставая и покачиваясь. — Дрыхнуть. Шесть часов. Не, восемь. Десять тоже можно...

— Будете спать, пока не выспитесь, — через плечо сказал Денис, уже ходивший около парапланов. — Пацаны, как придёте на двор — поднимите Олежку Барбаша, пусть сюда идёт, мы с машинами должны разобраться. И ракеты снять... Кстати, Сашок, ракеты и установка тут ни при чём. Ты так дёргал, что провод электроспуска оборвал. Лучше б руки себе...

— Да пошёл ты... — вяло отозвался Сашка. — Не могу, спать хочу.

— Нет, в самом деле, всё отрываешь, что гвоздями не приху...рено, — не унимался Денис, с натугой катя "Саш'хо" к незаметному входу в ангар. — С цветомузыкой та же история тогда на дискотеке была... Так Олежку пришлёте?

— Давай-ка сами всё сделаем, — сказал Колька. — Ты да я. Остальные — марш спать, это приказ.

— Я с вами, — вызвался я. Колька секунду смотрел на меня. Потом кивнул:

— Ладно. Втроём.

\* \* \*

Четырёхдневный бой за Светлоград закончился вечером.

Было душно. Ветер с Маныча пахнул горелым металлом, соляром, жареной и гниющей человеческой плотью.

Дальше северных кварталов Светлограда бронечасты и мотопехота турок, поддержанные бандами калмыцких фашистов и американскими вертушками, не прошли. Попав в ловушку городских улиц, мгновенно потеряв присутствие духа, они начали метаться, стремясь только к одному — выбраться обратно. На улицах и за окраиной лежали сотни трупов в новеньких камуфляжах, чадили коробки танков и бронемашин... Снаряжение и оружие убитых — раньше трофейных команд! — уже начали растаскивать вездесущие

пацаны... Подбирали и еду и, если оружие у них старались отобрать, то еду не отнимали даже самые свирепые из "трофейщиков"...

...По самым скромным подсчётам наступающие потеряли не менее четырёх тысяч убитыми, около пятидесяти единиц бронетехники, семь вертолётов и два истребителя-бомбардировщика. Разгромленные и деморализованные части 4-го турецкого корпуса бежали в сторону Маныч-Гудило, где их уже ожидали высаженные со старых вертолётов и надёжно укрепившиеся отборные десантные группы. По полевым аэродромам оккупантов вокруг Элисты молотила вся наличная артиллерия.

Отряды Северной Армии потеряли убитыми больше пятисот человек. Сейчас их свозили на окраину Ставрополя, где ещё в начале войны возникло само собой огромной кладбище. Ряды трупов вытягивались вдоль самодельной ограды, на которой жаркий ветер трепал разноцветные, разнокалиберные листки: "Уехали... ищи нас... ждём... погибли... адрес... сынок... папа, мама, я... бабушку похоронили..." Они лежали вместе — казаки, чэзэбэшники, военные, менты, эмчээсовцы, ополченцы... Русские, немцы, эстонцы, осетины, армяне, абхазы, греки, болгары, украинцы, сербы, калмыки... Православные, католики, ламаисты, протестанты, мусульмане, атеисты, язычники... Мужчины, женщины, старики, подростки, юноши, девушки, дети...

Православные священники отпевали всех, медленно продвигаясь вдоль растущих рядов.

На площади перед полусожжённой мэрией, прямо на земле, огромной, какой-то неживой кучей сидели пленные. Их было больше трёхсот — в основном турки. (Полсотни пленных калмыков калмыки же — из калмыцкого казачьего отряда "Наран Арслан" — забрали себе и, связав, деловито зарыли живыми в землю на старом карьере; помешать этому было просто невозможно...) Муравьино-жестокие со слабыми и пленными, сейчас они сидели неподвижно, глядя на окружавших их русских тусклыми мёртвыми глазами, в которых была только покорность. Отдельной группкой сидели наёмники из "Дунсогр" и двое штатовских вертолётчиков. Эти выглядели живее, но в глазах почти у всех был скрываемый из всех сил страх, у американцев мешавшийся с недоумением: как же так?! Они — в плену?! У кого?!

Атаман Громов прибыл на совещание штаба армии прямо с позиций. Его конвойцы — набранные из старших кадетов бабычевского корпуса и тоже старших детдомовцев — отлично вооружённые и обмундированные, подтянутые, рослые мальчишки с закопченными лицами, кое-кто в бинтах — попрыгав с трёх "гусаров", бэтра и двух мотоциклов, немедленно свернули вентиль пожарного гидранта и, оставив троих на карауле, принялись с воплями и хохотом плескаться, вызывая добродушные улыбки у охранявших пленных ополченцев. Казалось, что ребята ничуть не устали; между тем за последние четыре дня конвой атамана потерял семнадцать человек из сорока... Лишь пятеро мальчишек, подойдя к пленным, встали возле них стеночкой, плечом к плечу. Стояли молча, ничего не делая, только глядели. Но среди турок многие вдруг начали истерично молиться, а один из американцев громко заговорил по-русски, путая слова:

— Мы пленные... мы только выполняли приказ... мы находимся под защитой Женевских конвенций...

— Лучше молчи, — сказал кто-то из мальчишек, и американец умолк.

\* \* \*

— В общем так, — атаман Громов пожал плечами. — Совершенно непонятный эпизод. Вроде бы мелочь — два грузовика с боеприпасами, одиннадцать убитых — но странно. И нелепо как-то всё... Машка, это не твои?

Мария Лагутина, командующий авиацией и в прошлом знаменитая спортсменка-лётчица, пожалала плечами и ехидно заметила:

— Раз нелепо — точно не мои... — и уже серьёзно добавила: — Да нет, не летали наши там.

— Может, осетины? — кивнул атаман начальнику разведки. Полковник Ботушев покачал головой:

— Я уже выяснял. Ни осетины, ни абхазы подобных операций не проводили.

— Может, у них самих что взорвалось? — предположил кто-то из офицеров РНВ. — Первый раз, что ли? Или партизаны...

— Там столько вражеских войск и такая маленькая территория, что партизан просто нет, — отозвался атаман. Задумался, хрюкнул горлом и подвёл итог: — Наверное, правда что-то у них само грохнуло...

— Между прочим, там твои конвойцы пленных убивать собрались, — заметила Лагутина, глядя в окно. — Петельку такую красивую на столбе наладили, тросик разноцветный... ой, это же шнур из театра, красиво как...

— П-п-пар-р-ршивцы! — вскочив, атаман рысью выбежал из кабинета.

\* \* \*

Всё это совсем не было похоже на воздушный бой — даже из кино. С глухим громом невероятно высоко в небе крутили какие-то петли и зигзаги не меньше десятка серебристых точек, то и дело выстреливавших длинные прямые хвосты белёсого цвета, размазывавшиеся чёрными кляксами.

Мы с Витькой Фальком и Тошкой Задрыгой, задрав головы, следили за происходящим. Лошадь тащила сама. Бидоны с молоком грозили выпасть. От того, что я не понимал даже, где там, наверху, наши, а где чужие, всё происходящее над нашими головами напоминало сильно тормознутую компьютерную игру с плохой графикой.

Неожиданно одна из точек превратилась в алую звёздочку, потом — окуталась чёрным и рассыпалась на быстро светлеющие дымные струйки. Буквально через несколько секунд то же произошло со второй, ещё через полминуты — с третьей. Розка наша остановилась и стала невозмутимо жрать траву на обочине. Мы не обратили внимания — игра обретала некоторую динамичность.

Две точки, резко снижаясь, помчались на юг. За ними гналась третья. Ещё две продолжали крутить карусель. И опять-таки две свернули в нашу сторону, а следом — ещё одна.

— Еб... — выдохнул Тошка. Мы и дёрнуться не успели, а прямо над нашими головами проскочили показавшиеся невероятно огромными короткокрылые серые машины с жёлтыми носами; следом — машина поменьше и поразлапистей, серо-серебристая с алым. Что-то сверкнуло. Нас накрыл жуткий грохот. Розка взвыла (именно взвыла, а не заржала!), освободилась от лишнего груза в виде меня и Тошки и помчалась в светлые дали через кусты, унося в телеге самоотверженно упавшего на бидоны Витьку.

Что-то подобное я испытывал уже — в тот страшный день, когда бомба ударила в мою школу. Я опять сидел на траве, ни фига не слышал, хотя Тошка, судя по всему, мне что-то орал, поднимаясь из придорожной канавы. По щекам у него текла кровь.

— ...мотри!!! — прорвалось мне в голову.

Я обернулся в сторону вытянутой руки. И окаменел.

Метрах в ста от нас, не больше, горел и взрывался снова и снова самолёт. В стороны отлетали куски. К этому пожару вела вспаханная чёрная полоса. Она начиналась и того ближе от нас.

Бум. С тупым, мешочным каким-то, звуком на дорогу рядом с нами упало тело в оливковом комбинезоне. Мы вздрогнули и вскочили на ноги.

— Блин, лётчик... — выдохнул Тошка. Рядом с телом опустился неразборчивый оранжевый комок.

Осторожно, на цыпочках, мы подошли ближе. Ясно было, что лётчик мёртв, как колода. Он лежал, раскидав ноги в могучих башмаках, на опущенном стекле шлема четырёхконечной золотой звездой горело солнце. Комбинезон украшали многочисленны нашивки, но мне в глаза бросилась только одна — алый прямоугольник с белыми

полумесяцем и звездой.

— Осман, сука, — процедил Тошка с такой ненавистью, что мне стало даже неприятно. — Не, ты въехал, Коль?! Наши их уделали! Не меньше четырёх сбили!

Я подумал, что среди сбитых вдали могли быть и наши машины. Но верить в это не хотелось.

— Готов, — Тошка толкнул ногой тело лётчика, огляделся и, расстегнув ширинку, принялся поливать шлем, бормоча: — На, освежись... виски из моей пиписки... тварь...

— Прекрати... — попросил я. Смотреть на это было противно. — Надо лучше сказать кому-нибудь про него.

— Точно, — опомнился Тошка. — Пошли телегу найдём, эту дуру Розку выпряжем — верхом быстрее.

— Пошли, — я шагнул, но заметил, что Тошка остался и быстро посмотрел на... — Ага, — уличил я его. — Ясно. Пестик заныкать хочешь?

В набедренной кобуре у мёртвого лётчика явно был настоящий "вальтер".

— Чего заныкать?! — ошетинился Тошка, выдвигая плечо. — Военная добыча!

— В зубы дам, — предупредил я. — Не косячись. Лучше давай разыграем — кому. У тебя всё равно уже есть "вальтер".

— Не... — он вдруг погрузился. — Нельзя брать. Сразу начнут — куда дели, а ну вернули, паршивцы...

— Точно... — я ещё раз покосился на кобуру. — Пошли?

— Пошли, — согласился Тошка.

— Ну пошли.

— Пошли, я и говорю.

— Пошли! — я потащил его за собой за плечо...

...Розку, телегу и Витьку мы обнаружили недалеко от исходной точки — в кустах. Розка жрала траву. Витька сидел на бидонах, мрачно сплёвывая розовую слюну и трогая попеременно то левый глаз (он заплывал синяком), то правое ухо (оно опухло).

— Пришли? — поинтересовался мой старый друг. — Я зуб себе вышиб.

— Молоко цело? — Тошка принялся распрягать удивлённо на него покосившуюся Розку.

— Там теперь масло, — Витька снова сплюнул. — Я не знаю, как жив остался... Чё это было?

— Турецкий самолёт, — я запрыгнул на край телеги. Витька покосился на меня:

— Иди ты...

— Слово... Тошниловка! — окликнул я Тошку. — Если спи...шь по дороге пистолет — чесслово заложу!

— Не! Й-иии! — он хлестнул Розку ладонью и мгновенно исчез с глаз.

— Хорошо сидит, — заметил Витька не без зависти. — Время бы выбрать, научиться тоже...

— Ты не забыл, что мы сегодня тройкой летим? — тихо спросил я. Витька медленно завалился на спину, покачал головой:

— Не... — он смотрел в небо. Почти не щурясь. Потом сказал: — Молоко скиснет на такой жаре... Ник. А покатали эту телегу так?

— Чего? — я засмеялся. — Перегрелся?

— А чего? — он сел. — Всё равно просто так валяемся. Чего мы, не сдвинем её, что ли? Тут и осталось-то километра полтора. Вон же цех. Видно даже.

Я хотел ему сказать, что он придурок. Но вместо этого соскочил наземь и хлестнул Витьку по коленке сорванной былкой:

— Пошли, впрягайся...

...Вообще-то это было довольно тяжело. Ну — трудно, в смысле. Не совсем уж трудно, но нелегко — да ещё по жаре. Но Витька шёл рядом, встряхивал мокрыми от пота лохмами и чему-то улыбался. И я поймал себя на том, что тоже улыбаюсь. Улыбаюсь, хотя пот тёк по

спине (мокрыми насквозь были даже трусы), в рот, в глаза и даже в уши.

— Ник, — Витька посмотрел на меня сбоку и снова улыбнулся. — Вот, послушай. Я стихи сочинил.

И, раньше чем я успел хоть как-то отреагировать на это сенсационное заявление, он начал читать — без выражения, просто говорить, глядя на дорогу впереди:

— В веках вытачивает русло,  
Зовется и несется Русью,  
Вскипая пеною берез.  
Накрыла нас глухая весть.  
И камни прыгают по следу.  
Дотянем вряд ли до победы,  
Но стать героем время есть.  
Мы рвем арканы кадыком.  
И головы, как камни, седы.  
Пусть не дотянем до победы,  
Так хоть дотянемся штыком.  
В потоке времени броня  
Царапает бока ущелий.  
Глаза, как смотровые щели,  
Полощут вспышками огня.  
У нас мужик всегда солдат,  
Пока бугрятся кровью вены,  
Пока нас всех через колено  
Не переломит перекат.  
Но грудой сломанных хребтов  
Точить еще сподручней русло.  
Несемся и зовемся Русью.  
И не удержит нас никто. (1.)

---

1. Я искренне прошу прощения у неизвестного мне автора этих стихов.

\* \* \*

— Во-от... Ну я стою, гляжу там перчатки. Боксёрские, в смысле. Больше никого нет, будний день... А продавец с каким-то своим знакомым ля-ля. А этот знакомый держит в руке диск. Я краем глаза смотрел, но всё равно видел — там классика такая, Вивальди.

— А, знаю... — Дашка смотрела на меня смеющимися глазами.

— Во. А я не знаю до сих пор, — я сел удобнее, булькнул ногой в воде. — И этот, в смысле, знакомый спрашивает у продавца: "А ты чего это, классику слушаешь?" А тот ему: "Не, просто когда сюда пацанва набивается — я этот диск ставлю, и они сразу сдёргивают."

— Признайся, что анекдот! — засмеялась она, толкая меня плечом, на котором ещё не высохли капли воды после купания. У меня мгновенно пересохло не только во рту, но и в кишках. Плечо было твёрдым, горячим и... и ещё каким-то. Обалденным, в общем. Я нашёл в себе силы и замотал головой:

— Честно — нет! А вот ещё. Витьку — ну, Витьку знаешь, Фалька, дружка моего? — она снова кивнула. — Вот, мы один раз тусимся на спортплощадке, вдруг он подваливает — а одет под кислотника. Тут всё оранжевое, тут всё зелёное — вырвиглаз. Мы обалдели. А он говорит: "Да не, пацаны, я так одеваться не люблю, просто когда я так одет, предки меня с собой никуда не тащат вечером..."

— Анекдот! — взвизгнула Дашка, шлёпнув меня по колену. — Коль, ты трепло! Это анекдот!

— Правда! — округлил я глаза.

— Перекрестись! — потребовала она. Я смутился.

— Ну... я некрещёный...

— Правда, что ли? — удивилась она.

— Ну... вообще-то крещёный... В смысле — меня крестили, всё, как положено... Но я ни крестик никогда не носил, ни даже не думал про это... — я посмотрел на Дашкин серебряный крестик, который лежал точно между... и выругал себя за тормознутость, вынудив отвести глаза.

Мы сидели в ветвях здоровенной ивы, наклонившейся над самой водой — так, что с нижней толстенной ветви можно было опустить ноги до колен. Остальная масса — вы вырвались искупаться — орала, брызгалась и плюхала как бы за пределами окружавшего нас со всех сторон зелёного шатра. Сейчас бы самое время... Дашка была так близко, казалась такой весёлой и доступной... Ну я же не маленький, в самом деле, и сегодня ночью — через четыре часа каких-то! — я полечу на настоящее боевое задание! А если я не вернусь?! Тогда чего?!

Я выдохнул и положил ладонь — правую — на Дашкину грудь. Левую. Слегка сжал пальцы.

А потом увидел её глаза.

— Пусти, — сказала она тихо. И у меня даже в мыслях не возникло послушаться. Я убрал руку. Ладонь горела, храня ощущение... но ещё больше у меня горело лицо. — Уходи, — так же тихо приказала Дашка. Я поднялся в рост на иве. — Стой, — я так и не сделал первого шага, послушно замер. — Сядь, — я опустился обратно, глядя на чёрную воду, закручивающуюся возле наших ног водоворотами. — Коль, зачем?

— Ты... — горло стало узеньким, а слова — огромными и шипастыми. — Ты мне... нра... — я глотнул, пискнул чем-то. — Нрав...вишься.

— Тогда зачем ты так? — требовательно спросила она. Я глупо пожал плечами. — Думаешь, девчонкам это по душе? — я опять дёрнул плечами и сказал:

— У ммммм... меня никого не было. Я даже не целовался. Ни разу. Я думал, что... — мне стало так стыдно, что я всерьёз подумал соскочить с ивы и больше не всплывать.

— Что девчонкам это нравится? Когда вот так хватают? — спокойно, с каким-то холодком в голосе, допытывалась Дашка, покачивая ногой в воде. Вокруг ноги обвилась длинная водоросль.

Издевается, тоскливо подумал я. И ответил:

— Пацаны говорили...

— Или ввали, или им попадались такие девчонки. Такие тоже есть, — какой же у неё спокойный был голос... — Хочешь — отведу. Хоть общупайся. Они против не будут. И вставить дадут, если захочешь. Без вопросов. Потренируешься...

— Даш... — мучительно подавился я. — Можно, я пойду?

— Иди, — ответила она. Или приказала?

Я встал. Перешёл на берег. Стараясь, чтобы никто меня не заметил (получилось), отошёл подальше по берегу, забрался поглубже в камыши. Сел там на какую-то склизкую корягу.

И в первый раз за последние четыре года заревел, обеими руками размазывая по лицу слёзы.

\* \* \*

Ветер этой ночью был прохладным. Даже хорошо, потому что меня лихорадило. Я дрожал, как мокрый щенок. И все это видели, я был уверен.

Летели "Жало" Дороша-старшего и Фалька, наш с Витькой Барбашовым "Ставрик" и — как прикрытие — "Гриф" Андрюшки Ищенко и Олега Гурзо. Нас провожал — как техник —

сам Димка Опришко. Больше никого — Колька настрого пресёк все эти проводы-встречи.

Мы переодевались в ангаре. Держа в руках ботинки, я спросил Витьку:

— Слушай... где тут это... ну...

— Что? — он проверил, как "ходит" забрало шлема.

— Ну это... — я решился. — Земли где можно набрать?

— Я лично со двора взял, — не удивился он, показывая небольшой пластиковый пакетик. Я расстроился — по-настоящему. И пробубнил:

— Ну а я-то... где?

— Знаешь... — он внимательно посмотрел на меня. — Возьми моей. Тут на двоих хватит. У нас же один экипаж. И вообще. Родина ведь тоже одна. Ага?

— Давай! — обрадовался я.

Витька улыбнулся. Протянув мне пакетик, тихо сказал:

— Батя тоже взял, когда уходил... Но его привезли и похоронили. Хорошо, что хоть так...

... - Готов?

— Готов, — я проверил страховочный ремень, застёжку шлема (с поднятым забралом), рычаги управления, гнёзда с бутылками с зажигательной смесью... — Готов, — повторил я.

Чах, сказал мотор. Чах-чах-чах... чах-чах-чах-чах-чах... тррр... Дробный звук превратился в ровное посвистывание. Подбросило — несильно. Качнуло — влево-вправо. Темнота побежала рядом, как большой молчаливый пёс.

Толчок. Больше не было качания. Я вдруг увидел — внизу рассыпались огни. Каждый раз на тренировочных полётах в прошлые ночи (и до этого — в аэроклубе) я удивлялся тому, как это бывает — раз — и ты в небе.

Огни становились мельче, но их было всё больше. Мы лезли вверх. На миг — на фоне неба — я увидел смутные тени; выше — "Жало", ниже — "Гриф". Мы выстраивались "этажеркой" — наши "бомбовозы" почти крыло в крыло выше, "Гриф" с его пулемётом — ниже. Чуть накренило вправо; в воронке звукопровода надтреснутый, неузнаваемый голос Витьки:

— Выключаю.

И стало тихо. Сразу. Нет. Не тихо. Пел ветер в растяжках, посвистывал под крыльями, гудел внизу. Эта музыка была дружной и чуть тревожной, как труба. Вивальди... Я не врал Дашке насчёт этой истории. Была она. Вивальди... Интересно — что за музыка? Может быть, если я останусь жив, достать и послушать?

Я прикрыл глаза. Тело ощущало — Барабаш "поймал ветер", и тот сам нас несёт, поддерживает под крылья, как руки друга. Музыка ветра продолжала звучать.

Да, вдруг подумал я. Вот что я сделаю. Я буду воевать. За всё — за Родину, за отца, за друзей... Но ещё — как в средние века — ради Дашки. Я стану самым лучшим бомбардиром сотни. Мы с Витькой изрисуем нашу машину значками разбитой вражеской техники. И потом, когда станет можно, я приду к Дашке. Встану на колено. И скажу: "Смотри, это всё я дарю тебе! Прости и пойми, позволь хотя бы глядеть на тебя..." Можете смеяться, но я так думал, качаясь в небе в ладонях ветра под его музыку.

— Линия фронта.

Я распахнул глаза. Уже?! Я что — уснул?! Но тут же я понял, что не спал. Нет. просто фронт — фронт был близко. Под боком. Рядом с Упорной. Мы скользили вниз, чтобы проскользнуть на бреющем каким-то известным ребятам путём. Кажется, мы пролетели над рекой, хотя я не взялся бы сказать точно...

Фронт спал. Не было привычной днём отдалённой слитной пальбы. Даже часто гремевшая по ночам канонада молчала. Правда, нет-нет, да и вспыхивало что-то внизу, летели огненные точки, трассы, мелькало пламя. Иногда падали в ночь столбы прожекторного света. И всё. Это было так странно, что я ещё долго выворачивал голову, когда мы пролетели над этим странным фронтом. И опомнился только когда понял: мы над чужой землёй!!!

Нет, поправил себя я. Не над чужой. Это наша земля. Только захваченная врагом.

Тут было меньше огней. Вернее — меньше жилых огней — тёплых россыпей в окошках домов, где — керосиновых, кое-где — ещё электрических... Здесь, под нами, виднелись холодные огни — белые, сиреневые, магниевые; упорядоченные, в геометрических порядках. Сволочи, подумал я, когда понял, что это такое. Без затемнения живут! Уверены в своей ПВО, в своей неуязвимости с воздуха... Я вспомнил, старшие говорили: авиации едва-едва хватает на то, чтобы худо-бедно прикрывать небо, на бомбёжки летают вот такие, как мы, парашютисты с минимумом груза, да переделанные из грузовых машин суррогатные бомбардировщики — уязвимые, тихоходные...

Ладно.

Что интересно — мне не было страшно. Нет, на этот раз мне не казалось, что всё окружающее — игра или сон. Просто не было страшно. И всё.

— Колян, до цели две минут лёту, — сказал переговорник.

Я расстелил на колене планшет. Положил на него светокристалл. Синеватое свечение — бледное, но достаточное, чтобы рассмотреть кроку — зажглось на бумаге.

Я вспомнил — отчётливо, как на хорошо выученном экзамене — схему в ящике с песком. Околица станицы. Брошенная бензозаправка ЛукОйл. Ряды спиралей колючки. Спичечные коробки — турецкие кунги с продуктами. Вокруг — зенитки, дежурит пара "кобр". Мои цели — слева полосой.

— Колян, минута.

Будут два захода. Первый бутылки. Второй — ракеты по живой силе. Позавчера у Илюшки Лобова ракеты опять заклинили... Могут рвануть. Могут. Я начал выкладывать бутылки на желоба — вправо-влево, головками спичек к себе. Приготовил зажигалку, пригнулся, чтобы не задувал ветер.

Магниевые огни спереди. Я отчётливо видел макет. Точно как Колька сделал. Макет. Откуда тут макет?

Нет, не макет. Всё по-настоящему.

Господи, боже мой. Вот она — ВОЙНА.

Я стал поджигать охотничьи спички. Они загорались сразу и через три-четыре секунды горели все. Слева и справа. Металлически блеснули ряды колючки вниз. Кунги росли.

Пора.

Я рванул заслонки. Бутылки полетели вниз. Молча. Почему-то я так и подумал — "молча". И сразу же внизу стало расплёскиваться тёмное пламя.

Это сделал я? Я поджёг?!

Разворот — мой пилот закладывал его так, что я охнул. Площадка, над которой мы пролетели, горела, и я вдруг слышал гортанные крики, а потом — потом взревели сирены, сразу несколько, мощно и тягуче. В этом вое бежали люди — люди в форме и полураздетые, они выскакивали из других кунгов и явно ничего не понимал.

Я нажал кнопки электроспусков.

\* \* \*

Когда земля толкнулась в колёса, я дёрнулся, как от удара током.

— Прилетели?!

— Прилетели, — Витька обернулся ко мне, снимая шлем.

Нас встречали Ванька Тимкин, Витька Тимко (не путать!) и Захарка Дорош с Сашкой Тасовым. Мне помогли сойти на землю, сунули кружку с холодной водой, и я выхлебал её всю, потом сел на бетон и стал разуваться. Я чувствовал себя не усталым, а пустым и каким-то холодным. Мне казалось, что я слышу, как просыпаются, шуршат в траве букашки, как шелестит солнце, готовясь встать из-за горизонта...

Из моих ботинок на бетон просыпалась земля. Наша земля. Моя земля.

— Колька, тебе помочь дойти? — спросил Захарка, трогая меня за плечо. Я помотал головой, поднимаясь. — Как слетали?

Бетон был тёплым и почему-то качался под ногами.

— Всё в ажуре, — ответил я. — Ну ладно. Мы спать. Из мне не казалось, что всё окружающее — игра из грузовых машин суррогатные бомбардировщики — уязвимые, ют вот такие,

Дмитрий Ляляев.

ПРИМИ СВОЙ КРЕСТ, РОССИЯ!

Каменным монстром застыло время,  
Всаднику точка опоры — стремя,  
Власть облачила брюхо в бронежилет.  
Мрак рассекают зигзаги молний,  
Крик нарастает в морях безмолвий,  
Слово — не пуля, защиты от слова нет.

Сор из избы выметают швабры,  
Рыбам немой сушит ветер жабры,  
Рты перекошены мукой от лютых бед.  
В душах людей полыхает пламень,  
Первым Иуда в нас бросил камень,  
Ложь стала символом этих позорных лет.

Прими свой крест, Россия,  
Неси и не роняй!  
Сердца людей босые  
Построже охраняй.

Мир тишины до основ развален,  
Ветер гуляет среди развалин,  
Новое племя забыло родную речь.  
Волки лесные ворвались в город,  
Чует добычу звериный голод,  
Жертвы объаты страхом опасных встреч.

Нынче для нас ничего не свято,  
Продано тело, душа распята,  
Родину рвут зубами на сто кусков.  
Только не выйдет у них, дай сроку —  
Будет кому указать дорогу  
И вознести Россию до облаков.

Прими свой крест, Россия,  
Неси и не роняй!  
Сердца людей босые  
Построже охраняй.

Напоминаю для иноземцев:  
Мы разгромили татар и немцев,  
Шведов, французов, хотя и не без труда.  
Все, кто врывались сюда с мечами,  
Гибли холопами под бичами,

Горько рыдая, что сунулись не туда.

Так берегитесь будить медведя!  
Грозен во гневе российский Федя,  
Слёзы смывает он водкой и кровью псов.  
Будет Иудам тогда награда,

13.

Мы вам раскрутим спирали ада!  
Близится утро, слышится бой часов.

Прими свой крест, Россия,  
Неси и не роняй!  
Сердца людей босые  
Построже охраняй.

#### 4. МОЛНИЯ СУВОРОВА

Посвист пуль. Веток хруст.  
Штык. Кинжал. Винтовка.  
Каждый пенёк и каждый куст  
Бьют фашистов ловко!  
Взрывы яростных гранат  
Молниями блещут  
И сплошной свинцовый град  
По убийцам хлещет!

А.Гончар. Брянский лес.

— Вы должны понимать, что ваша страна не в силах более позаботиться о вас! Что вас ждало на этих диких, охваченных бунтом просторах?! — высокая худая женщина в брючном костюме и с бело-голубой ООНовской повязкой на рукаве патетично подняла руку. Несколько сотен детей 4-14 лет, построенных в пять плотных прямоугольников, безмолвно слушали её. По краям строя замерли с винтовками наперевес солдаты армии США; около трибуны стояли ещё несколько международных наблюдателей и трое американских офицеров, возглавляемых майором. — Голод, страдания, гибель в конечном счёте! Но международное сообщество не забыло о вас! Вас собрали сюда, вырвав из лап физической и нравственной гибели! О вас всеми силами заботятся! Вас не оставляют вниманием! Теперь, когда России больше нет... — в строе в нескольких местах возникло и тут же улеглось неуловимое движение. Женщина обвела детей взглядом. — Теперь, когда России больше нет, — повторила она с нажимом, — у вас есть лишь один выход: как можно скорее покинуть эту территорию! И здесь Организация Объединённых Наций тоже окажет вам — и тысячам таких, как вы! — всю необходимую помощь. Теперь вы будете вывезены отсюда и переданы в руки тех, кто вас ждёт! Вас с радостью примут цивилизованные, культурные страны — и вы забудете прошлые годы, как страшный, дикий сон о варварской земле... Я и мои коллеги, — жест вниз, — представляем здесь интересы всего человечества, которое позаботится о вас и которому отныне будете служить и вы...

Коллеги — тощий седой негр, смуглый потный толстячок, снимавший всё происходящее небольшой камерой и европеец с длинными челюстями дегенерата — с важным видом кивали в знак согласия. На лицах офицеров не читалось ничего — они были замкнуты и безразличны; только лицо майора оживилось, когда женщина с повязкой закончила говорить, и выбежавший из середины строя светловолосый мальчик лет десяти,

подав ей, сходявшей с трибуны, букет цветов, оттарабанил по-английски:

— Ви а глэд ту си ю ин ауа кэмп. Ви а риэлли хоуп чу хэлп оф Юнайтид Нэйшнз. Сэнк ю вэри мач, мисс! Итс флауэрз из ауа пресент — май энд май фрэндз — фо хим! (1.) — и быстро посмотрел на майора, который довольно кивнул.

---

1. Мы очень рады видеть вас в нашем лагере. Мы действительно надеемся на помощь Объединённых Наций. Большое спасибо, мисс! Эти цветы наш подарок — мой и моих друзей — для вас! (искаж. англ.)

— Какой милый мальчик, — женщина продолжала говорить по-русски, взяв ребёнка за плечо и не забыв развернуть его в сторону камеры, которую одарила широчайшей улыбкой. — Как тебя зовут.

— Саш... — мальчишка метнулся взглядом к майору. — Алекс.

— Алекс, ты хочешь поехать в Америку? — женщина снова улыбнулась — поощрительно.

— Да... в смысле ес, мисс, — громко сказал мальчишка.

— Скажи несколько слов, — женщина подтолкнула мальчика к камере. — Мы продемонстрируем твои слова детям в других лагерях.

— Я очень хочу в Америку, — заговорил мальчишка. — Это богатая и сильная страна. Здесь, в России, мне было плохо, моих папу и маму убили... — мальчишка вдруг затравленно оглянулся и замолчал. Его губы задрожали. Женщина поспешила:

— Славянские террористы, православные фанатики, верно? Бедный ребёнок!

— Да... террористы... но меня подобрали американские солдаты и поместили сюда...

Я

очень благодарен американским солдатам... Я очень хочу поехать в Америку...

Строй молчал.

\* \* \*

— Я вижу, вы очень неплохо поработали, — благосклонно кивнула женщина. — От так называемого русского духа, о котором было столько разговоров, у них ничего не осталось...

— Ну, весь цивилизованный мир тут немало сделал ещё до войны... — скромно ответил майор. — Мы лишь завершили начатое...

Женщина, оглянувшись, чуть нагнулась к нему:

— Скажите... ведь некоторая часть этих детей на самом деле пойдёт на усыновление?

— Младшие, мисс, — еле заметно улыбнулся американец. — Остальные...

— О нет-нет, — замахала руками проверяющая, — избавьте меня от подробностей, это такой ужас... Может быть, вы могли бы поспособствовать мне? Так сложилось, что я бездетна... а иметь рядом живое существо хочется... — глаза ООНовки на миг шмыгнули в сторону, как две маленькие хищные крыски. — Может быть, вы подберёте мне девочку? Не старше семи лет... я видел тут несколько милых мордочек... Обещаю, что окружу бедную малышку заботой и вниманием...

— Нет ничего невозможного, мисс. Свяжитесь со мной через три дня, — улыбнулся американец и, дождавшись, пока женщина отойдёт к машине, процедил: — Похотливая сука... В блоки, быстро! — заорал он охране.

— В блоки, марш в блоки! — дублируясь десятком мужских глоток, разнёсся приказ над головами послушно повернувшегося строя.

..."Пункт К76", как официально именовалось это заведение в документах, был одним из более чем тысячи подобных "пунктов", созданных под патронажем ООН на оккупированной территории России. Эти заведения решали проблему детской безнадзорности. Если учесть, что, согласно отчётам, на оккупированной — или, как говорили

чаще, "подконтрольной" — территории находилось не менее 8 миллионов детей младше 16 лет, то поле деятельности открывалось широчайшее. Русские дети — вопреки тому, что указывалось в отчётах в мирное время — были в массе намного здоровей (особенно если дело касалось генетики, психических и хронических болезней) своих сверстников на Западе. Поэтому восьмимиллионная масса была просто кладом для ООН. С начала боевых действий уже было вывезено не менее 200 тысяч детей; в "пунктах К" содержалось ещё около четырёхсот тысяч, и контингент по мере сил пополнялся. Желая усыновить здорового белого ребёнка в мире было множество. Впрочем, это касалось только тех, кому ещё не исполнилось 5–7 лет. Но и остальные в демократическом мире не должны были пропасть — их с распростёртыми объятьями ждали "студии", "агентства", "клубы", фармакологические, парфюмерные и трансплантологические предприятия... Предоплата со множеством нулей капала на сотни счетов...

...Вильма ванГельден, Джереми Джадд, Томас Обонго и Альваро Рохас — комиссия ООН, посещавшая К76 — слегка гуляла на банкете, устроенном для них председателем комиссии по проблемам детства в Южной Зоне Максом Шапиро. Тут, среди своих, можно было расслабиться — тем более, что, как тщательно не отбиралась охрана "К" (предпочтение отдавалось военным, склонным к садизму и тупым даже по стандартам США), очень многие из охранников на такие комиссии глядели волками, а к своим подопечным относились неожиданно мягко. Возмутительно часты были случаи, когда охранники способствовали побегам!!! А недавно — буквально два дня назад — в К104 под Тамбовом произошёл вообще вопиющий случай: офицер охраны и один из сержантов (кстати, имевший несколько условных сроков за драки и не имевший даже среднего образования), заперев своих же товарищей в казарме, разоружили караулы и увели куда-то в леса больше двухсот детей! Вызванный на поиски спецназ рейнджеров "послал" представителя ООН и демонстративно заселился на отдых в один из опустевших блоков... В довершение безобразий эти расисты — о ужас! — выпороли ООНовского представителя хворостиной, многократно назвали "чернозадой сволочью" и "грёбаным ниггером" (несчастный был афроамериканец; но что самое дикое — точно так же его оскорбляли двое афроамериканцев из состава "рейнджеров") и выгнали из лагеря пинками, не отдав штанов и нижнего белья...

Впрочем, здешний комендант майор Келли гуманностью не страдал — но и он ООНовцев не любил, так что его не пригласили.

Джереми Джадд, порядочно нагрузившись русской водкой, обмочил штаны, ползая по полу, заснул в углу и в вечеринке толком не участвовал (дегенерат-англичанин, закончивший несколько знаменитых учебных заведений исключительно благодаря протекциям своей матери — виднейшей феминистки Соединённого Королевства — не знал, что потребил невесть где надыбанную "палёнку" довоенного производства под названием "Путинка" — и что к утру внезапно ослепнет и будет отправлен на родину). Старый педофил-садист, южноафриканец Том Обонго (многократно страдавший от властей ещё в расистской ЮАР именно за это, но позднее втюхавший всем, что его преследовали по неким "политическим мотивам" и добившийся немалых политических постов в ООН), обалдевший от обилия в лагере белых мальчиков, затребовал себе сразу троих — 5, 7 и 11 лет — и "уединился" со связанными детьми, плачущими от страха и унижения, в смежном помещении. Мексиканец Альваро Рохас и голландка Вильма ванГельден в своих пристрастиях сходились — им обоим нравились маленькие девочки и оба вполне могли держать себя в руках. Тем более, что впереди ещё столько интересного... Втроём с Шапиро они продолжали "гудеть".

Кстати, Шапиро, ещё в мирное время ратовавший за как можно более широкий вывоз русских детей "прочь из этой безумной страны" и немало сделавший для пропаганды "усыновления за рубеж", вежливо выслушивал полубезумные излияния ООНовцев, храп Джадда, крики и плач за дверью...

Его лично дети не интересовали ни с каких позиций. Кроме одной.

За них он получал неплохие деньги...

...И древние Боги и молодой Бог уже нахмурились. Но, если бы этим людям сказали об

этом, они просто рассмеялись бы.

Эти существа, пьянствовавшие и развратничавшие в аду под названием К76, в замершей от ужаса и гнева России, уже давно не верили ни в каких богов.

\* \* \*

"Не дрищи!" Андрюшки Ищенко и Олега Гурзо долетел как в той песне. На честном слове и на одном крыле. Вернее, слава богу, крылья уцелели оба. А вот двигатель был разворочен капитально. Настолько капитально, что, заглянув в обед в ангар, я обнаружил всех наших техников мрачно сидящими вокруг "грифа".

— П...ц, — сказал Ванька Тимкин в ответ на мой молчаливый вопрос. — Металлом.

Я посмотрел. Иного названия движок не заслуживал. Вернее — до войны его приняли бы не во всякий металл; побоялись бы.

— Чего хоть было-то? — уточнил я.

— Олег говорит — вертушка за ними погналась. Ещё на пути к цели, сразу за фронтом. Выскочила из-за холмов, кэ-э-к... — Денис Коломищев сделал многозначительный жест. — Короче, движок Олег потушил сразу, из ручного огнетушителя, Андрюха в балку нырнул, вертушка мимо прошла. Они к реке выскочили этой балкой и кое-как допланировали.

— Блин, если бы не двигатель... — начал я. Димка Опришко меня перебил:

— А если бы в гранаты угодило — вообще одна пыль осталась бы.

— Наверное, вертолётчики и не поняли, что это такое было, — сказал Ванька. Димка поморщился:

— Да поняли. Решили, что это терский параплан, конечно.

Я вздохнул. За три недели — и за одиннадцать боевых вылетов — это была первая такая неудача.

— Пошли обедать, — предложил я. — Потом ещё посмотрим.

Вот что всегда было тут хорошо — нас здорово кормили. Ни о каких карточках мы и слыхом не слыхивали — вернее, именно что слыхивали. Кубанское руководство учло ошибки Великой Отечественной, когда власть чуть-чуть не уморила деревню, стремясь как можно лучше накормить фронт. По крайней мере, так нам объясняли. (1.)

---

1. При всём моём уважении к Сталину и Советской Власти, распределение продуктов во время Великой Отечественной было далеко от рациональности. Из-за этого часто голодали одновременно и фронт, и тыл — и это не было чьим-то злым умыслом или глобальным воровством. Просто — махровая некомпетентность... В условиях даже полной блокады достаточно большой сельскохозяйственный район при условии разумного руководства вполне может не испытывать дефицита продуктов даже учитывая активные действия врага.

Правда, кормёжка не баловала разнообразием. И дело не в том, что нам не готовили гамбургеров (сунуть кусок мяса между двумя ломтями хлеба и полить томатным соусом может любой) и не поили колой (ну нету, где взять?). Просто меню было, так сказать, ограниченным. Залейся молоком, зажрись — свежего чёрного хлеба. На завтрак в 6 утра — каша с мясом, самая разная зелень, чай. На обед в час дня — густой суп с мясом, рыба с тушёной капустой, квас. В пять — молоко (захлебнись!) и что-нибудь белое типа пресных пышек (никогда раньше не ел, а они оказались жутко вкусные). На ужин в восемь — пустая каша и чай. И везде хлеб (я не понимал, как можно есть кашу — с хлебом, и привык не сразу... а после того, как три или четыре раза заработал в лоб ложкой от Игоря Николаевича).

Это, меню, например, было вчера. И варьировалось редко... А чего здорово не хватало — так это сахара. Не хватало картошки. А кое-чего — например, кофе — не было вообще.

Именно в Упорной я впервые попробовал настоящее молоко и горячий чёрный хлеб. И понял, что много лет потерял зря. Хотя, если учесть, что та кружка молока и здоровенный ломоть хлеба ко мне в руки попали после того, как мы пять часов ломались, выкапывая силосную яму... Может, от этого всё имело такой обалденный вкус?

Кстати. Сегодня на столах была... кола. По банке на человека. Мы остолбенели, а кто-то из ребят объяснил, что это прислали с линии — казаки отбили какие-то позиции, там был этот груз, и, не долго думая, они разыграли колу по станицам. Упорная была в числе выигравших.

За здоровенным столом всегда было весело. Правило "когда я ем — я глух и нем" тут не соблюдалось. Болтали, пихались, орали, даже пели — самое разное. Немногочисленные взрослые, кучковавшиеся "во главе стола", вели в такие минуты свои разговоры, что нас вполне устраивало.

Разница между казачатами и иногородними осталась минимальной. Почти все — босиком. Пацаны — голые до пояса. Все — коричневого цвета везде, где видно тело. Если честно, я не мог поверить, что два месяца назад...

А, что об этом говорить и даже думать. Это было и прошло. Есть то, что есть сейчас. И надо надеяться на то, что будет. И делать всё, чтобы это "будет" — было.

Дашка сидела на "девичьей" стороне стола. Я на неё старался не смотреть, отвлечься — и это вполне удавалось из-за царившего за столом настроения. Как-то даже трудно было поверить, что идёт война. Что мы пока её проигрываем, как ни крути... Что у двух третей сидящих за столом хоть кто-то в семье — да уже не вернётся домой. И каждый вечер в каждый дом может придти прямоугольный конверт.

Странно. Всё вернулось. Треугольники, которых ждут — и прямоугольники, которых боятся. (2.) И никто не хочет быть почтальоном — это делает одна из девчонок постарше. Её не избыют в случае чего. По крайней мере, задумаются сначала.

---

2. Колька имеет в виду Великую Отечественную войну. В те времена солдаты с фронта писали письма без марок и конвертов, особым образом свёртывая листки бумаги в треугольник — такие письма со специальным штемпелем пересылались бесплатно. А в обычных конвертах рассылались извещения о гибели ("похоронки").

Я уже видел подобное в соседней станице неделю назад, когда мы возили туда корпуса гранат. Женщина била почтальона-старика лопатой. Её оттаскивали двое молодых казаков...

Но и у нас с девчонкой-почтальоном никто не хотел разговаривать. Впрочем, ей было всё равно. Её отец и старший брат погибли в самом начале боёв, а мать умерла от сердечного приступа почти сразу за похоронкой на сына. По-моему, ей даже доставляло удовольствие носить похоронки...печ и старший брат погибли в самом начала боёв, а мать умерла от сердечного приступа почти сразу за похоронкой на сына. такие й)

Бррр...

После обеда нам полагался час отдыха. Правда, сказать честно, многие всё равно чем-то занимались, но лично я — стыжусь и каюсь — просто валялся на траве пузом кверху (или спиной, зависимо от настроения) и ни фига не делал. До войны это было одним из любимых (хотя и не самым любимым) мною занятий. Но на этот раз поваляться не удалось. Колька как-то тихо-незаметно стянул все наши силы на речку — пришли даже ребята из мастерской и с консервного, а и там и там перерыв был меньше.

И я понял, что предстоит какое-то серьёзное обсуждение.

Сначала мы, правда, всё равно окунулись — переплыли на заросший ивой и

тростником островок посередине. Там был небольшой песчаный пляжик. Выглядело это идиллически — пацаны загорают.

На юго-востоке опять шёл воздушный бой. На Кубань прибыли самолёты из Казахстана — под большим секретом все передавали друг другу военную тайну: 12 МиГ-23, 6 МиГ-29, 3 МиГ-31, 5 Су-24, 4 Су-25 и 22 Су-27, все — с русскими экипажами. В Казахстане официально войны не было, но шли бои с мусульманскими радикалами и уйгурскими сепаратистами, и хитрюга Назарбаев, сообразив, что ему в любом случае грозит петля (кто направляет и тех и других, было отлично ясно), стал буквально облизывать и обмазывать маслом тамошних русских (особенно семиреченских казаков) и чуть ли не лично благословил желающих помогать "северному соседу", лобызал на проводах крест в руке опупевшего от такого сценария батюшки и громогласно клялся в вечной любви к великому русскому народу. Ему не поверил никто, но, конечно, полста с лишним самолётов с обученными экипажами — пусть многие и устаревшие — оказались для "миротворцев" неприятным сюрпризом. Тем более, что и у них летали не только современные самолёты, но и турецкие "фантомы", которые, как ни модернизируй, всё равно проигрывают самому хреновенькому МиГ-у...

Колька выложил на песок фотографии. Это были довольно поганенькие снимки — какая-то железнодорожная станция и корабли в море, всё — с разных ракурсов.

— Переснятые? — определил намётанным глазом Ромка Барсуков. Колька кивнул:

— Старой мобилкой нащёлкал и в правлении потихоньку распечатал ночью... Вот это, — он показал на станцию, — узловая под Краснодаром. Тылы 2-го турецкого корпуса. А это — авианосная ударная группа амеросов. Отстаивается в виду Геленджика. По прямой и туда и туда — примерно по двести пятьдесят километров. Две заправки для наших птичек.

— Ты чего придумал, сотник? — тихо спросил Димка Опришко и почесал плечо.

— Пацаны, — Колька сел по-турецки, — под Краснодаром у них — склады на тридцать квадратных километров. Горючего — Манычское море. Это раз. А два... — он провёл пальцем по фотке, на которой угадывался авианосец. — Два — вот эта самая группа... вот эта самая, пацаны... Они наш Черноморский флот потопили. И самолёты с этой консервной банки даже не воюют — пиратствуют. На побережье ни одного целого села не осталось. Наши, греческие, немецкие, болгарские, абхазские, грузинские — всё поносили. За просто так.

Все примолкли.

— Авантюра... — пробормотал Олег Гурзо. — Ты сам подумай, как они охраняют всё это.

— Здорово, не пробьёшься, — кивнул Колька.

— Ну вот...

— Но мы-то пробиваться и не будем.

— А корабли? — спросил Игорь Коломищев. — Что мы с ними сделаем? Насрём на палубы в знак протеста? Им всё наше оружие — плевок слону.

— Ну... хоть так... — смутился Колька.

— Нет, "так" — это глупо, — сказал Сашка Гуляев, наш старший оружейник. — Так — глупо. Но можно ещё кое-как. Лететь вам... — он pokrивился. — И рисковать вам. А наше дело — сказать, что в принципе можно довольно быстро сработать такую штуку, как торпеда.

В старых книгах это называлось "немая сцена". Тридцать пар глаз — в том числе и сами оружейники — недоумённо смотрели на Сашку, словно он объявил, что знает, как взорвать Белый Дом. А Сашка, устроившись на песочке поудобней, продолжал развивать идею:

— Весить она будет килограмм сто пятьдесят, из них сорок — взрывчатка. Двигатель — электрический, запустится от сильного удара о воду. Хо́да в десять километров в час хватит на пять минут, не больше, поэтому сбрасывать надо почти под борт цели; взрыватель — контактный... Ну и, конечно, не стопроцентная гарантия сработки. Процентом 70, скажем

так.

— Погоди, ты что — шутишь? — быстро спросил Колька. — Если шутишь...

— Да какие там шутки? Старые батькины журналы "Радио", "Конструктор-Моделист" и кое-какие мои распечатки с сайтов, сделанные в те времена, пока Интернет ещё работал, — невозмутимо ответил Сашка.

— И когда ты сможешь... её сделать? — недоверчиво спросил Пашка Дорош, рассыпая вокруг себя песок из обоих кулаков сразу.

— Через три дня. Если не взлечу. Гексоген придётся делать.

— Да пошёл ты, гонишь ведь! — не выдержал, сорвался на крик Колька. Сашка пожал плечами:

— Если вам не надо — продам через посредников абхазам. Они заплатят овцами. Сразу стану знатным чабаном. И с девчонками не возиться; овца — она же и удобнее, и полезнее с других сторон...

— Твою мать... — выдохнул Колька, жестом показывая Сашке, чтобы она заткнулся. Вдохнул поглубже. Опять выдохнул. Перекрестился: — Ну ладно. Не победим — так хоть намашемся...

\* \* \*

Мы назвали операцию "Молния Суворова". Как жест отчаянья; успешно провести её нам могло помочь лишь чисто суворовское: глазомер, быстрота, натиск.

Вы сами прикиньте. Прикиньте, оцените.

Железнодорожная станция, прикрытая двумя десятками истребителей постоянной готовности (и пятью десятками — второй волны), полусотней стволов зениток и таким же количеством зенитных комплексов, плюс полдюжины различных РЛС. На неё были брошены могучие силы — аж три парaplана: "Атаманец", "Жало" и "Свирепый Карлсон". Старшему из шести полоумных, летевших на них, было пятнадцать, младшему — двенадцать лет.

Авианосной группе общей численностью девятнадцать вымпелов, имевшей десятки орудий и ракетных комплексов, порядка семидесяти самолётов и полусотни "вертушек", угрожали ещё три парaplана: "Саш'хо", "Аэроказак" и наш с Витькой Барбашом "Ставрик". "Аэроказак" и "Ставрик" должны были нести торпеду в специальной подвеске, что добавочно снижало скорость, увеличивало расход горючего и усложняло управление.

Обе группы летели в притык по темноте: чуть раньше вылететь — ещё светло, чуть позже прилететь — уже светло. И с минимальным резервом горючего. Я не говорю о таких мелочах, как торпеда на подвеске — сам её вид меня слегка нервировал.

На этот раз не было жребия или очерёдности. Честно. Ясно было, что добровольцы — все. Поэтому отбирали по результатам тренировок и прошлых боевых вылетов.

Я не знаю, что движет людьми в таких случаях. Вся затея отзывалась именно что авантюрой. Иначе ну никак не скажешь. Даже не авантюрой, а какой-то клиникой. Но люди ломались в эту клинику, вместо того, чтобы бежать из неё. И я сам был в первых рядах!!!

На этот раз нас провожали все. Колька и не пытался возражать или протестовать. Он только оглядел всех и сказал громко, обращаясь сразу ко всем:

— Если мы не вернёмся — расскажите всё. Что мы делали, что хотели сделать и что не смогли.

Около машин ребята начали вставать на колени. Я увидел, что то же сделал и Витька Фальк — и тоже встал. Перекрестился — наверное, первый раз в жизни. Никто ничего не говорил, хотя у ребят шевелились губы. Тогда я тоже начал — ну, не то чтобы говорить — думать, шевеля губами...

"Господи, я даже не знаю, есть ты или нет... вернее, прости, я не знаю, верю я или нет... я ничего не знаю вообще, я мало что видел в жизни, а настоящего — и вовсе ничего... У меня даже нет крестика... Я не знаю, как говорить с тобой, о чём просить тебя... Ой, прости, я тебя ни о чём и не прошу... для себя — ни о чём, честное слово. Мне ничего не

нужно... правда. Пусть у нас получится, что мы хотим сделать... Я знаю, что ты не велел убивать. Но те, кого мы хотим уничтожить, очень плохие люди. Мы не звали их к себе и не пытались у них ничего отнять. А они убивают наших близких и жгут наши дома... Помогите нам, Господи, победить их. Сделать так, чтобы они никого больше не убили... — и, холодея, я добавил: — А если очень уж надо, чтобы кто-то погиб... пусть это буду я. Я один. Вот и всё, господи..."

Мне почему-то стало немного неудобно, словно я приставал с какими-то мелочами к большому, усталому и сильному человеку. Я опустил глаза. И увидел...

Честное слово, это было правдой.

Прямо возле моего правого колена лежал камешек. Не щебёнка из асфальта и не осколок бетона — а, кажется, гранит. С мои полпальца, не больше.

Он имел форму креста.

Я медленно, как во сне, опустил руку и, накрыв камешек ладонью, опустил его в нагрудный карман — к сердцу.

— Пошли, казаки, — сказал Колька, поднимаясь на ноги. — Пора, нечего ждать больше.

\* \* \*

Майор Келли ничего не понимал. Оглушённый взрывом, он постарался отползти в сторону — и успел раньше, чем начали рваться резервуары с горючим. Их пламя мгновенно и незаметно слизывало людей, технику — не было ни звука, ни крика, только гул и рёв огня, но какой-то отдалённый. Келли мазнул себя по щеке — из ушей текла кровь.

Трудно становилось дышать. Майор поднялся на колени; тут, за баракom, его во всяком случае не достанет огонь и осколки. В пламени что-то мелькнуло — какая-то чудовищная птица пронеслась над станцией. С птицы тоже летел огонь.

— Господь всемогущий, всеблагий... — вырвалось у Келли. Снова взорвалось — подальше, и резкий, оглушающий грохот рвущихся боеприпасов пробился через глухоту. Огонь добрался до складов турецкой горной пехоты... — Господь всемогущий... — повторил Келли, не помня, что там дальше, и, ощутив чьё-то присутствие, обернулся, выхватывая пистолет.

В нескольких метрах от него стояли дети. Старшие мальчишки из барака. Они стояли и смотрели на майора, который тоже смотрел на них, держа в руке беретту. Потом махнул рукой:

— Назад! Марш в барак!

Его власть над ними оставалась реальностью — реальностью в мире, наполненном огнём. Краем глаза майор увидел — снова пролетела птица... а когда посмотрел на мальчишек, то увидел, что они движутся к нему. Плотной стенкой.

— В барак! — крикнул он, пытаясь вспомнить хоть одного по имени, как будто имя могло дать власть, как в любимых в детстве книгах Урсулы ле Гуин. Но имена не приходили в ум, точнее — сбивались, мешались друг другу. Мальчишки шли, и на лицах у них было только пламя. Как они не обжигаются, подумал майор — и увидел, что в первый ряд протолкнулся тот младший, который дарил цветы этой идиотке из комиссии по перемещению. Как же его... он столько с ним возился, вколачивая ту речь... А!!! Алекс, с облегчением вспомнил Келли. И крикнул: — Алекс, в барак!

— Меня Сашка зовут, — сказал мальчишка. Из его руки что-то вылетело, и майор Келли ослеп на левый глаз. В ужасе от этой дикой боли, разорвавшей мозг, он успел выстрелить три раза, прежде чем толпа сомкнулась над ним...

Азартное дыхание.

Через полминуты мальчишки стали по одному отходить в сторону. По лицам их тёк огонь, и руки были тоже в огне... или просто в чём-то красном...

То, что лежало у стенки барака, больше ничем не напоминало человека. Но Саша продолжал, стоя на коленях, снова и снова обрушивать зажатый в красных руках камень на

этот предмет и кричать:

— Меня Сашка зовут! Сашка! Сашка! Сашка-а-а!!!

...Вильма ванГельден умирала. Летевший по воздуху, как боевой метательный диск древности, кусок кунга отрубил ей ноги по бёдра. Голландка, хрипя, тупо смотрела, как ширится и растекается лужа крови вокруг неё, как медленно ползёт с другой стороны язык горящего бензина.

Её первого крика никто не услышал — как раз взорвалась очередная цистерна.

А потом было просто не до неё. Хотя кричала она очень долго...

...Чувствуя, как переливается и размазывается в обгаженных штанах дерьмо, на бегу крестясь и шепча молитвы, Альваро Рохас бежал прочь от лагеря. Он уже поверил, что спасся — феноменальная трусость помогла ему оказаться в первых рядах бегущих — когда его левая нога с размаху задела сторожок самодельного арбалета, установленного на тропе, по которой он нёсся к аэродрому, стапятилетним дедом Кузьмой — старик с двумя правнучками и ещё пятью чужими детьми разного возраста скрывался в плавнях. Дед Кузьма, воевавший ещё в Гражданскую — за красных — "не имел в виду ничего личного". Надо было есть, а по этой тропке нет-нет, да и пробирались к свалке отбросов кабаны.

Метровая стрела с наконечником из куска ножа пробила Рохаса насквозь в районе пупка. Он долго ползал по тропке, нудно стонал и звал на помощь, пока не отошёл в лучший мир — именно туда, где его — человека, считавшего себя католиком — уже ждал слаженный, весёлый, любящий свою работу коллектив.

С открытыми крышками и налаженными жаровнями...

...Томаса Обонго, который, хватаясь за сердце и постанывая, как раз выбрался из помещения, где отдыхал, подкараулил одиннадцатилетний Тошка — мальчишка, которого Обонго неделю назад, во время "вечеринки", "для разогрева" заставил сечь младших ребят. Тонкая верёвка захлестнула горло негра, он завалился назад, ощущая только, как выпучиваются глаза и вылезает язык. В этот миг ему показалось почему-то — последнее, что он понял в жизни: на него напал тот бурский мальчишка, рослый крепкий паренёк, которого он в далёком 1967-м усыпил хлороформом, изнасиловал, немного — тогда ещё неумело — помучил и зарыл за футбольным полем. А потом помогал искать — ведь в доме его родителей он работал садовником.

Мысль о том, что это вернулся тот мальчишка-бур, была ужасна.

Обонго хотел крикнуть казалось бы, прочно забытое: "Простите, юнгбаас!" — и не смог.

Тошка повис на негре, упершись обеими ступнями ему в поясницу и изо всех сил натянув руками капроновый тросик. Замер, окаменел, готовый к тому, что сейчас его будут отрывать, бить, убивать.

Нет. Только гремели взрывы и кричали люди.

Тошка отпустил верёвку. Посмотрел в лицо насильника. И с матом, всхлипывая, стал забивать оскаленный рот с вывалившимся толстым языком землёй. Потом, несколько раз пнув тело задушенного, бросился прочь. И услышал плач в бараке, из которого выскочил через рухнувший угол.

Из лагеря он выбрался, таща на плечах пятилетнего Олежку и ведя за руку семилетнего Толика — своих товарищей по несчастью. Он пока не знал, что скажет им потом. Чтобы они его простили.

Но знал точно — он их не бросит...

...Макс Шапиро спасся.

Он будет повешен через пять лет — по приговору военно-полевого суда общины еврейских беженцев в Мавритании.

"Как существо, виновное своими действиями в создании негативного образа еврейского народа в глазах остальных народов мира и объективно способствовавшее нынешнему трагическому положению этого народа."

\* \* \*

В результате дерзкого налёта русской (предположительно) диверсионной группы, использовавшей, как это было установлено опросом свидетелей, для передвижения парашюта, нами потеряны практически все запасы горючего 2-го турецкого корпуса, большое количество продовольствия, обмундирования, боеприпасов, семь единиц бронетехники, вертолёт "чинук" с экипажем... на данный момент подсчитаны погибшими 217 военнослужащих турецкой, 52 грузинской, 11 нигерийской армии, 19 контрактников частной компании "Close quarters protection association", 7 военнослужащих армии США, 25 горских ополченцев... Большинство погибших визуальному опознанию не подлежат... проводится экспертиза...

Подсчёт материальных и человеческих потерь продолжается.

Потери противника неясны.

Из 512 русских детей и подростков, содержащихся в пункте К76, 27 найдены погибшими, 56 оставались в бараках, 54 пойманы... остальные, видимо, скрылись на территории, контролируемой абхазскими или осетинскими сепаратистами...

Из докладной записки командующему оккупационными силами Южной Зоны.

\* \* \*

Последние полчаса мы планировали — почти всё время в горных ущельях. Я буквально всем телом ощущал, как тяжело Витьке — он откренивал парашют из всех сил. Каждый рывок нашей "спарки" заставлял меня обмирать. Я старался даже не смотреть по сторонам, вверх, вниз. Зачем? Сейчас от нас почти ничего не зависело. Что-то пойдёт не так — и от нас не останется даже брызг. Господи, ведь даже птица навстречу попадётся, сова какая-нибудь ебан...тая, врежется в нос изделия Гуляева — и всё.

Война — это не героизм, не приключения. Война — это страх. Я понял этой сейчас. Страх, который сидит рядом с тобой. Всегда. Постоянно. И от него можно защититься лишь одним: верой во что-то большее, чем ты сам. У кого эта вера сильнее — тот и победит в конце концов.

Во что ты веришь, Колька Реузов?

Верю, подумал я и потрогал карман камуфляжа. Не в бессмертие, не в славу, наверное, даже не в бога. Верю в то, что мы не можем не победить. Потому что не бывает зря то, что делаем мы. А остальное пусть решает сила, которая больше, чем я. Судьба, удача, случай. Или всё-таки бог? Мне это не важно сейчас.

Я знаю, что боюсь не того, что мы погибнем. А того, что — погибнем, не долетев.

Почувствуйте разницу...

— Черноморье, — услышал я голос Витьки. — Смотри, Коль.

Впереди вспыхнуло серебро.

Я много раз был на море и узнал это свечение — ночную флуоресценцию. Но потом — ууу-ххх! — мы свалились куда-то вниз, всё вокруг стало сияющим, ясным и отчетливым, и я ощутил, как плавно сжалось от ужаса внизу живота. "Прожектор!!! ВСЁ?!"

Но это был не прожектор. Мы летели над освещённой луной — неполной, но яркой — морской поверхностью.

— Чёрт, нас же видят! — сказал я в переговорник. Витька вроде бы усмехнулся:

— Нет... Сейчас если кто и смотрит на море — в глазах одна рябь... Жутко, да?

— Да, — не стал спорить я. — Где мы?

— Смотри прямо и вправо... Видишь мыс? Там лежит "Москва". Флагман Черноморского флота. Он один успел принять бой, даже потопил американский эсминец и турецкий фрегат. Тогда группа отошла и ударила с авианосца самолётами. Три или четыре наши сбили, а потом — всё...

Я знал эту историю. И не помню, что я хотел спросить. Потому что за мысом увидел на серебре чёрные силуэты. Казалось, они вросли в сияющую поверхность.

Мы мчались прямо туда. На них.  
Это была цель.

\* \* \*

Над морем выли сирены. Слышалось клочкотанье вертолётных винтов, беспорядочная стрельба скорострелок, и мощные, иссушающее-белые, раскалённые лучи прожекторов метались в небе, временами падая вниз, раскраивая темноту. Грозное, алое пламя в нескольких местах полыхало в ночи.

На мостике атомного авианосца ВМС США "Рональд Рейган" собрался весь командный состав АУГ. Большая группа офицеров замерла в затемнённой рубке "острова"; их лица выражали растерянность и недоумение, поблёскивали стёкла поднятых личных биноклей, и алый огонь пожаров играл на золоте нашивок.

— Сар! — дежурный офицер-связист, отдав честь, вытянулся перед командиром АУГ. Старший контр-адмирал Донован Динэм, опустив бинокль, взглянул на офицера. — С эсминца "Хиггинс" сообщают — пробоина в правом борту, размеры определить не представляется возможным, крен достиг 22 градусов и остановлен, но в трёх помещениях продолжается пожар; убито семеро, получили ранения три человека... с крейсера "Принстон" сообщают — пожары на палубе в нескольких местах, выведена из строя носовая артиллерийская установка, повреждена командная рубка... погибло три человека, ранено — двенадцать... среди убитых — командир крейсера кэптэйн Мандзони...

— На авианосце значительных повреждений и погибших нет, — вмешался командир авианосца. — В пяти местах незначительные пожары, но уничтожен истребитель-штурмовик и выведен из строя аэрофинишер... Совершенно непонятно, кем мы были атакованы, ни радары, ни наблюдатели ничего не засекли... Русский флот уничтожен, но какие-то катера ещё прячутся в бухтах, может быть, это они?

— Это не важно, — сказал Динэм, и все вокруг обернулись в его сторону с недоумением — что говорит адмирал? — Это не важно, джентльмены... — он снял фуражку и вытер лоб носовым платком. — Неужели вы не понимаете, что это не важно? — он повысил голос. — Атакованы корабли флота США! Нашим кораблям нанесены повреждения! Впервые с 1945 года повреждён АВИАНОСЕЦ!!! Мы сбили двадцать шесть русских самолётов, не дав им пробиться в ордер! Нам разгромлен и пущен на дно Черноморский флот противника! А теперь — мы даже НЕ ЗНАЕМ, КТО НАС АТАКОВАЛ! — выкрикнул Динэм. — Так какая, к чёрту, разница...

— Ещё... простите, сэр... — офицер связи робко протянул адмиралу кусок ткани, привязанный к свинцовой плашке, сплюснвшейся при падении. — Это было найдено на палубе недалеко от места одного из пожаров...

Динэм, коротко хмыкнув, развернул на руках чёрную ткань. На ней зазолотились ровные буквы.

— Кто-нибудь знает русский, джентльмены? — обратился он к остальным и передал вымпел козырнувшему молодому офицеру.

Во вновь наступившей тишине тот прочитал — и его голос показался всем страшно громким:

— "Господь над нами! Правда с нами! Россия за нами! А вам сатана будет рад — пизду...те с нашей земли в ад! Так вам пишут казаки с Кубани-реки, да и братья их терцы подсыпали вам на хер перцу. Писать кончаем, числа не знаем, а день у нас посветлей, чем у вас — с тем поцелуйте в жопу нас! " Тут ругательства, сэр...

— Переведите... — начал Динэм.

Бронзовый гром расколол ночь.

На "Принстоне" взорвался боезапас носовой башни. Над эскадрой с визгом и воем полетели в разные стороны снаряды...

...Стоявший на коленях на скальном выступе седой человек молился. Молился и плакал, глядя на пожар в бухте, слыша грохот взрывов...

Ещё недавно он был молодым и имел имя, дом, большую семью в абхазском селе недалеко от Сухуми. Он помнил, как в море появились серые силуэты. А потом пришедшая ночь окутала мир и его память. В ночи пылал огонь и кричали женщины и дети. И этому не было конца, и он бился головой о камни, чтобы прогнать ужас...

Он не помнил, сколько скрывался в скалах, глядел на серые призраки в море и молился... молился... молился... Молился истово, шептал слова, заученные с детства и не растаявшие в черной огненной круговерти.

И сегодня его слышали! Он видел — господни ангелы покарали убийц! Он видел! Серебряными тенями пронеслись над скалами их крылья — и огонь вернулся туда, откуда вышел, и охватил призраков-убийц... А крылья мелькнули вновь — и он услышал в небесах пение.

Значит — есть надежда и он должен рассказать всем, всем! Он пойдёт туда, где живут люди! Он скажет им — не надо бояться! Он скажет им — Господь с нами! Он видел! Он знает! Он скажет!..

...Человек шёл в горы. Впервые за последние дни его поступь была твёрдой, а спина — прямой.

\* \* \*

Почти крыло в крыло три парaplана летели между скал.

Сашка Радько, сидя на растяжке и повиснув над свистящей ночью, заклеивал дыру в правой плоскости и распевал:

— Время идет — не видать пока

На траверзе нашей эры

Лучше занята для мужика,

Чем ждать и крутить верньеры.

Ведь нам без связи — ни вверх, ни вниз,

Словно воздушным змеям.

Выше нас не пускает жизнь,

А ниже — мы не умеем.

В трюмах голов, как золото инков,

Тлеет мечта, дрожит паутина.

Прямо — хана, налево — сума, направо — тюрьма,

А здесь — перекрестье. В нем — или-или,

И шхуна уходит из Гуаякиля.

Не удивляйся — именно так и сходят с ума.

— Плохо, коли на связи обрыв, — дружно отзывались ему Илюшка с Петькой с "Аэроказака". Петька, стоя на коленках на сиденье, заливал в бак горючку из запаски. —

Тускло на дне колодца.

Но встать и выползти из норы —

Что еще остается?

Там, у поваленного столба,

Скорчиться неказисто.

И если медь запоем в зубах —

То значит небо зовет связиста.

Вспомни, как было: дуло сквозь рамы

В мерзлую глушь собачьего храма.

Иней с латуни, пепел с руки — казенный листок.

Вспомни, как вдруг искрящимся жалом

По позвоночнику пробежала

Самая звонкая, самая звездная из частот.

Дышит в затылок чугунный мир,

Шепчет тебе: "Останься!"

Но ты выходишь, чтоб там — за дверьми —  
Ждать своего сеанса.  
Чтоб этому миру в глаза швырнув  
Пеплом своих пристанищ,  
Крикнуть ему: "Я поймал волну!  
Теперь хрен ты меня достанешь!"  
Мы с Витькой молчали. Вернее, я молчал вообще, а Витька мурлыкал мотив, стесняясь  
петь громко:

— Бризы Атлантики целовали  
Руки, горящие на штурвале.  
Под Антуаном — синее море и облака.  
Вдаль, над плечом — не встречен, не найден —  
В небе летит пылающий "лайтинг",  
Краткий сигнал, последний привет на всех языках.  
Выпадет шанс — и некто святой  
Придет спасти твою душу.  
Ты встанешь, схватишь его за грудки  
И будешь трясти как грушу,  
Ты скажешь: "Мне не надо спасительных слов.  
Их своих у меня — как грязи.  
Мне не надо ни стен, ни гвоздей, ни холстов,  
Слышишь — дай мне канал связи!"  
Первые звуки, пробные строки,  
Сладкие муки тонкой настройки.  
Кокон в пространстве — сам себе волк, товарищ и князь,  
Каменный пес, персона "нон грата",  
Вечный дежурный у аппарата  
Ждет, когда небо вспомнит о нем и выйдет на связь...

Что-то мимо нас, мимо нас, мимо нас по касательной, по боку.  
Ты не прячься, небо, не уходи, или уж отпусти совсем!  
Хрупкая снежинка замерзающих глаз, прокуси мое облако.  
Ты не сердись на меня — это я так, пошутил, не сердись... (1.) — затухал голос в  
одиночестве голос Сашки.  
— Все летят?! — послышался в ночном небе гортанный оклик Володьки.  
Все, подумал я. И улыбнулся в темноту. Все летят домой.

#### 1. Стихи О. Медведева.

А неугомонный Сашка уже завопил:  
— Ты, Кубань, ты наша Родина,  
Вековой наш Богатырь,  
Многоводная, раздольная,  
Разлилась ты вдаль и вширь.  
Из далеких стран полуденных,  
Из турецкой стороны,  
Бьем челом тебе, родимая,  
Твои верные сыны!..

\* \* \*

— Опа — не вижу ваших рук! — закричал Тимка Задрыга, вскидывая над собой гитару.  
— В-в-в-ваааа!!! — заорало многолюдное (не меньше сотни ребят и девчонок) сборище

вокруг сеновала. Я оглянулся вокруг — смеющиеся лица, в весёлых глазах отражалось заходящее солнце. Чёрт, а ведь и правда — весело всем, хотя едва треть присутствующих знает, по какому поводу Колька вдруг "замутит" веселье-то... А Тимка тем временем уже распевал со своей импровизированной сцены — под аккомпанемент второй гитары в руках Тошки и стук двух барабанов под палочками Кольки Белозёрова:

— Если ты один остался,  
Если ты с бедой остался,  
Или день твой не задался с утра —  
В жизни важно научиться на мажор переключиться,  
Если вдруг с тобой случится хандра!  
И я знаю отличное средство —  
Вспоминай беззаботное детство! — он тряхнул головой, прыгнул спина к спине с Тошкой, и они, наяривая на гитарах, на два голоса завопили:

— Слева — мама,  
Справа — папа,  
И я — классный такой! -  
Босиком иду по лужам,  
Улыбаюсь прохожим!  
Мне всего четыре года,  
Карамель за щекой —  
И я сам на карамельку похожий!

Плясали все — и все кто во что горазд. Я тоже не отставал — и вдруг рядом со мной оказалась Дашка. Помедлив миг, я протянул её руку — и почти не поверил, когда её ладонь опустилась на мою, и мы запрыгали вместе; даже удивительно, но у нас, кажется, получалось хорошо!

— А чтоб забыть про огорченья —  
Жизнь представь, как приключение,  
А не просто по теченью плыви!  
Да ты плюнь на неудачи — в жизни так или иначе  
Всё случается с подачи любви! (1.)

---

## 1. Стихи В.Третьякова.

— Ой, пить хочу! — Дашка рванула из толпы в сторону бочки с водой. Окунула лицо; я не выдержал и ткнул её туда головой. — Дурак! — рассмеялась она, выворачиваясь и обдавая меня брызгами с волос. — Брppp!!!

Я собрался тащить её обратно к танцующим, но заметил, что около одного из опорных столбов сеновала стоит Шевырёв. Кивнув нам, атаман спросил:

— Чего гуляете?  
Если честно, я немного струхнул. Но Дашка, снова мотнув головой, дерзко спросила:  
— А чего, нельзя?  
Шевырёв неожиданно улыбнулся:  
— Почему, можно, конечно... Ну а всё же?  
— А настроение хорошее-е-е!!! — уже через плечо крикнула девчонка, таща меня с собой.

— Слева — мама,  
Справа — папа,  
И я — классный такой! -  
Босиком иду по лужам,

Улыбаюсь прохожим!  
Мне всего четыре года,  
Карамель за щекой —  
И я сам на карамельку похожий!

\* \* \*

— Получилось, — Колька вытянулся на сене. — Ой, как спать хочется-а...  
Он протянул это совсем по-детски. Я, устраиваясь рядом, сказал:  
— Сам не верю.

Но Колька не ответил — он спал. У меня тоже сами собой закрылись глаза — хлоп, и зашторились, и открывать их не было сил, да и желания. Но я всё-таки ещё не спал и слышал, как Тимка поёт — наверное, сидя за большим обеденным столом:

— Сначала было  
— слово.  
А после было  
— дело.  
Сначала был приказ,  
А следом  
— бой.  
Сначала было — слово,  
И в трубке прохрипело:  
"Высотку удержать любой ценой!"

Любой ценой  
— и значит  
Лишь так  
— и не иначе...  
Что за цена —  
Не нужно  
объяснять.  
В начале было слово.  
И бог теперь назначит,  
Кому на смерть за Родину стоять.

Ну вот и танки в поле.  
И тут мне стало страшно.  
Ведь жизнь кончалась этой высотой...  
Но только вдруг я понял,  
Что жизнь — не так уж важно,  
А важно то, что сзади, за тобой!

А сзади — берег Волги,  
Жена и сын Андрейка,  
И мать с отцом стояли у крыльца...  
...Был бой совсем коротким.  
Что танку — трёхлинейка  
И семь гранат на двадцать два бойца?

Ах, сколько нас тем летом  
Осталось на высотках,  
Собой прикрывших родину свою!  
Но нам с тобой об этом

Уже не скажут в сводках  
Ведь мы погибли в первом же бою...

...Ещё Гастелло Коля  
Не поднял самолёта  
И пропасть отделяла от весны.  
Ещё не лёг Матросов  
На жало пулемёта...  
...Была среда. Четвёртый день войны. (1.)

---

## 1. Стихи В.Третьякова

Одинский Фенрир Локиевич

### БЕЛЫЙ МАРШ

В солнце, в жару ли — в любую погоду  
Лучшие — с нами. Лучшие вместе,  
Чтоб ваши дети не выбрали водку,  
Чтоб ваши внуки не выбрали пепси

Отблески Зигеля пляшут над миром,  
Снова начищены деда медали...  
Чтобы твой сын не родился "кафиром",  
Чтоб твою дочь в гарем не продали

Лица открыты и грудь нараспашку —  
Так мы проходим сквозь снег и метели,  
Чтобы твой сын не сидел в каталажке,  
Чтоб твою дочь не снимали с панели

Слышатся в песне отзвуки стали,  
Вскинуты руки в римском салюте,  
Чтоб ваши дети не голодали,  
Чтоб ваши деды жили в уюте.

Ту ли победу деды добывали,  
Чтоб в наркоте захлебнулось их внуки?  
Чтобы землей и людьми торговали?  
Чтобы родные жили в разлуке?

Флаги России реют над нами  
С неба синь Ирия — Правью пречистой.  
Да, в 41-м не мы умирали.  
Мы — не герои.  
Мы — непофигисты.

## 5. ГОСПОДА КАЗАКИ

...злой чечен ползёт на берег,  
Точит свой кинжал.  
Но отец твой — славный воин,  
Закалён в бою...

М.Ю.Лермонтов. Казачья колыбельная.

— Ложись! — крикнул Витька Фальк, и я буквально нырнул в канаву. Замп, замп — сказало что-то перед моим лицом. Чуть приподняв голову, я увидел торчащие прямо перед носом из земли металлические стрелки — тонкие, длиной в ладонь, с небольшим оперением. — Ник, помоги-и!

Я вскочил и на секунду замер.

Мне показалось, что станица горит сразу вся. Чёрный и жёлтый дым заволакивал её, как жуткое покрывало. Кое-где металось пламя. Четыре штурмовика поспешно разворачивались на юг — с северо-запада мчалась, быстро вырастая в остроклювый силуэт, серебряная точка.

Два штурмовика были турецкие, "дрэгонфлай", мы в последнее время здорово натренировались различать машины... А ещё два — СУ-25.

Грузинские. Но ведь всё равно — наши!!!

— Сволочи! — закричал я, вскидывая кулак. — Какие вы сволочи!

— Ник, да помоги же!

Витька, стоя на колене рядом с Нинкой Пашутиной, девчонкой, которая ехала с нами на телеге, что-то делал. Во все стороны брызгало красное. Подальше лежала сама опрокинутая телега (молоко разлилось) убитая Звёздочка — лошадь, она вся была изорвана в кровавые клочья. Игорь Николаевич, который на этот раз сам ехал с нами, бежал по дороге, тряс своей палкой и что-то кричал, кричал...

...Нинка умерла раньше, чем я подбежал. Одна стрелка разорвала ей шею, ещё две пробили живот, четвёртая вошла точно между ног. Я увидел всё это, увидел мокрое от крови лицо Витьки, его перекошенный рот — и сел на дорогу...

...Упорную бомбили со злости, пришлось под крыло. Это мы поняли только потом. Конечно, наши зентичики не могли отогнать штурмовики. Расчёт счетверенного КПВТ — двое пацанов по шестнадцать лет — погиб на месте. ЗУ-шку обкидало со всех сторон осколками, чудом никто не пострадал. К счастью, и дом-то сгорел всего один, жуткий дымище валил в основном от фосфорных бомб.

Кроме Нинки и ребят-зенитчиков погибли ещё семь человек — три женщины; старик; казак, дядя Сашки Тасоева; двое детей, тоже девочки, игравшие около сгоревшего дома. Наверное, были бы ещё убитые — одна из бомб упала рядом с нашим "интернатом", там тоже были дети. Но Тонька — та младшая воспиталка, с которой мы два месяца назад вместе тащили младших — увидев самолёты, успела загнать игравшую малышню в подвал. А сама спуститься не успела — осколки срезали её, когда она закрывала дверь...

В станице тут и там было полно этих металлических стрелок. Я помню, что, вбежав во двор "интерната", увидел под окном комнатки мамы яблоню. В стволе дерева торчали сразу пять штук — вошедшие глубоко, как молоком заколоченные. Я почему-то сразу обессилел и подумал: "Маму убило!" — но оказалось, что нет, именно та яблонька её и спасла, мама была как раз возле окна.

Хватало и неразорвавшихся бомб. Буквально через час после налёта подрвался насмерть десятилетний младший братишка Тезиевых — полез посмотреть, что за цилиндрок валяется возле калитки на огород...

Так я узнал, что такое кассетные и игольчатые бомбы.

Мне объяснили это позже. А тогда, на станичной площади, старшие — по 16–17 лет — мальчишки из иногородних окружили атамана и начали орать на него, что, если он их не запишет в реестр, то они сами уйдут из станицы, сами найдут оружие, сами...

Шевырёв охрип от мата. Потом вытащил какую-то книгу и стал производить запись —

по-моему, против всех правил. Было не до этого.

Самое смешное было, что я стоял в толпе и... завидовал парням, которые получали форму, боекомплект и оружие — троим дали "сайги", троим — "вепри", одному достался "егерь". Всё под 7,62 на 39...

Это было правда смешно. Я стоял и завидовал. Я — который вчера поджёг грузинский Т-72, бросив гранату прямо в открытый люк.

Дико. Глупо. Но я завидовал.

Потом атаман куда-то уехал, и к вечеру вернулся вместе с расчётом "шилки", обосновавшимся на задах в рощице. "Шилка" была не казачья, с чёрно-жёлто-белыми значками и буквами РНВ на броне, сами зенитчики — в ярких беретах: белый верх, синие выпушки. Это были алексеевцы. (1.), как нам объяснили. Они же сказали, что МиГ-23 сбил оба турецких "дрэгонфлая", но грузинские "сушки" выпустили кучу противоракетных ловушек и смогли уйти за линию фронта по складкам местности.

Жаль. Я предпочёл бы, чтоб было наоборот... Честное слово.

Мы с Витькой возвращались на двор пешком. Шли и то и дело посматривали на небо. Вспоминать, каким неожиданным и стремительным был тот налёт, не хотелось но глаза сами невольно косили вверх.

— Если бы мне дали — я бы их города и сёла до основания развалил, — вдруг угрюмо сказал Витька. Я удивлённо посмотрел на него — у моего старого друга никогда не было ещё таких ожесточённых глаз. — Жаль, что мы туда долететь не можем. Ну ничего... Дай срок...

— Вить, — тихо сказал я, — но там же тоже женщины и дети...

— А мне поеб...ть, по х...й мне, веришь, нет?! — яростно спросил он. — Развалил бы, пусть они получают, что их папочки и муженьки нам готовили! Пусть покушают, как это! Развалил бы, рука бы не дрогнула! А ты?! — он схватил меня за плечо, мы остановились. — Ты — нет?!

Я отцепил его руку от своего плеча. Сказал отдельно, глядя ему прямо в глаза:

— Я — нет.

— Ну и пошёл ты! — крикнул он и, толкнув меня обеими руками в грудь, почти побежал по дороге.

\* \* \*

Атаман Громов налил себе в литровую кружку дефицитного кофе. Задумчиво помешал (сахара там не было, но привычка осталась) и вытянул половину кружки. Выдохнул, сказал: "Х-р-шо-о".

Полковник Ботушев бесстрастно наблюдал за действиями своего патрона. Больше в кабинете атамана никого не было. Со стены отслеживал происходящее атаман Бакланов. За окнами — остались решётки и открытые металлические ставни — горел бывший магазин "СуперХаус". На него упал сбитый зенитчиками "томогавк". В принципе, было не жалко, так как товары из магазина давно вывезли, а жить там — слава богу — никто заселиться не успел.

Громов поставил кружку и посторонним голосом сообщил Ботушеву:

— У нас под носом действует неучтённый партизанский отряд. Это уже не война. Это кино "Неуловимые мстители", часть четвёртая. Ты не снимал такое?

Полковник ответил таким же посторонним лицом. Потом вкрадчиво поинтересовался:

— А что ты так волнуешься? Ну действует. Ну отряд. Ну и что? Они же не нас бьют, а амеросов. Хай им добра по самые шульни.

— Сегодня не нас. А завтра? — прищурился Громов. — А если это второй батька Махно? И вообще, разведка хренова. Тебя, как мой внук говорит, не напрягает, что ты ни хера не знаешь про какую-то воинскую часть?

1. В комментариях к серии рассказов "Будьте бдительны!" я говорил о цветах беретов

Русского Национального Войска.

Ботушев засунув в рот кончик уса. Погрыз его. Выплюнул, явно неудовлетворённый вкусовыми качествами прокуренных волос. И вдруг выдал:

— Слушай... Ты вот говоришь — часть четвёртая... А я вот сейчас подумал... А если это действительно пацаны?

Громов даже отшатнулся на стуле. Усмехнулся:

— Да ну!..

Ботушев покачал головой:

— Смейся не смейся, а кто нам обеспечивает из Элисты семьдесят процентов сведений? Группа "Русский джедай". Старшему шестнадцать, младшим по десять лет. Что, не так? А кто под Новороссийском партизанил с начала войны? Отряд имени Вити Новицкого... (см. сноску в конце рассказа) Двадцать пять человек, от двенадцати до пятнадцати... Кто у тебя связью по нашим местам заведует? "Всадник С Головой", а ему...

— Тихо, об этом не будем, — атаман поднял руку. — Я всё это знаю. Знаю, знаю, знаю и даже понимаю. Потому что подобрать, грубо говоря, автомат и начать палить во врага может любой. И сведения собирать может любой. Любой, у кого храбрости и ума хватает. Но тут-то — совсем другое! Совсем!!! Ты читал, как они ударную группу амеросов отделили? — в голосе атамана послышалось искреннее возмущение.

— Слушай, — не выдержал Ботушев, — ну впечатление такое, что амеросы тебе родственники!

Громов побагровел.

— Ты... ты вот что! Ты не того! Эта группа утопила весь Черноморский флот без особого напряжения! А тут — крейсер и эсминец уволокли в Трабзон чиниться, у них даже хода своего не было. На авианосце сгорел самолёт и ещё какие-то повреждения. И ещё трём кораблям снарядами с крейсера, которые при пожаре разлетались, тоже нанесены повреждения, но мелкие. Диверсия, однако, — ехидно сказал он, успокаиваясь.

— Между прочим, пока они "Хиггинс" буксировали — он у них взял и утонул. А "Принстон" привели без носа по самую палубную надстройку, — добавил Ботушев. — Последние сведения...

Громов тяжело вздохнул:

— Меня из-за Урала сообщениями уже задолбали: кто там у вас так отличился?! А я им что отвечу?! "Не знаю, братья, воюет кто-то..." Ладно. Пусть. С этим я смириться готов. Но у эсминца в борту дырка была — два на три. Автомобиль пройдёт. Это они что — тоже пацаны из рогатки стрельнули?!

— Вот что интересно... — Ботушев бесцельно передвинул на столе бумаги. — Позавчера прилетал Гарба. У них в отрядах какой-то юродивый объявился. Ходит и распространяет воинственно-патриотические слухи об ангелах господних, которые на его глазах сожгли небесным огнём американские корабли. Абхазы верят... Кто некрещёный был — массово крестятся, даже грузинам на ту сторону кричат, что они против бога идут... Ну ладно, я пойду?

— Иди, — Громов кивнул. Глядя в пустую кружку, пробормотал: — Ангелы господни... хм.

\* \* \*

Фронт стал отползать 17 июля.

Конечно, никто нам не сообщал об этом персонально. Но это стало ясно очень быстро — по тому, как приближалась непрерывная стрельба, как в одну сторону усилился поток частей, а в другую — раненых...

Увеличив силы до 220 тысяч (против 42 тысяч защитников), имея многократное превосходство в бронетехнике и авиации и значительное — в артиллерии, "миротворцы" начали теснить Южный фронт...

И этот самый фронт оказался в тридцати двух километрах от Упорной. Что тут ещё сказать?

Утро 20 июля было ненастным, дул со страшной силой горячий ветер, нёс тучи пыли, по временам разражался тёплым дождём, смешанным с грязью. Ещё ночью возле станицы сели несколько Ми-8 и два Ми-24; их экипажи были совершенно остервенелыми и чернейшим матом ругали погоду.

Работ никаких не было. Наверное, можно было что-то делать, но в горячем взвихренном воздухе прямо-таки разливалось что-то нехорошее. Мы сидели под защитой наспех затянутых плёнкой стогов. Тимка, держа на коленях гитару, морщился от пыли, наигрывал и напевал что-то печальное:

— Друзей не обманывают —

Их предают...

А зори туманные

Как прежде встают...

Конь вороной

По полю бежит,

Берег мой родной —

Далеко лежит.

Друзей не теряют —

О них забывают...

И ветры прощальные

В душе умирают...

Мы хором подхватили — настроение вполне соответствовало:

— Эх — конь вороной

По полю бежит,

Берег мой родной —

Далеко лежит...

Берег мой родной —

Далеко лежит...

— Зори туманные,

Ветры прощальные...

Где вы — друзья мои?

Я всех — потерял... (1.)

---

## 1. Стихи С. Петрова.

Мимо стогов быстрым шагом прошли, пряча лица от ветра, Шевырёв и несколько офицеров — и казачьих, и ополченческих. Остановились — то ли не обращая внимания на нас, то ли просто не замечая.

— В общем так, атаман, — сказал алексеевский надсотник, — уводи людей. К вечеру тут будут турки.

— Кого и как я уведу? — буркнул Шевырёв и грянул нагайкой по голенищу сапога. — Куда? Что мы жрать будем?

— Да пойми ты, пень, — у надсотника было совсем молодое лицо, всё в горелом порохе, — они всех вырежут. А мы их больше не удержим. И полк наш почти весь отрезан, и два кубанских полка... Дырка во фронте, ориентируются они — и пипец.

— Ну вертушки-то у вас на что?! — заорал Шевырёв. — У меня одних беженцев почти пятьсот человек! И не мужики, а сопляки! Или их бросить?! Нет, ты скажи — бросить?!

— А что, на твоей долбаной станице свет клином сошёлся?! — заорал в ответ алексеевец. — В моём Ростове вообще оккупанты! Я не знаю, что с моими! А тебе твоих увести дадут!

— Если бы можно было окружённым забросить боеприпасы! — казачий полковник-терец обеими руками стиснул на груди камуфляж. — Они бы на прорыв пошли, мы бы фронт восстановили... а? — он посмотрел на майора-вертолётчика. Тот покачал головой:

— Не поднимутся машины. И так одна уже валяется у реки. Валяет их.

— Были бы тут наши планеры... — терец оборвал сам себя. — Давай, уводи людей, брат, — печально сказал он Шевырёву. — А мы тут их немного задержим...

— Йих! — Шевырёв бросил наземь кубанку. — Ну милые! Ну летуны! Ну попробуйте!

— Атаман, мы не поднимемся, — покачал головой вертолётчик. — Я не за себя боюсь. И не за своих людей. Просто — не поднимемся.

— Дядя Иван, — услышал я.

Мы все молчали, сидели, как суслики у норок и слушали — с ужасом, до нас начинал доходить смысл всей сегодняшней суеты и этого разговора конкретно. Поэтому голос Кольки заставил нас вздрогнуть.

— Чего тебе? — огрызнулся Шевырёв. Колька подошёл к офицерам, прикрывая лицо рукой от ветра. Потом он опустил руку... и я осознал, что встаю, и все кругом встают — молча, не сговариваясь. У Кольки было такое лицо... в общем, тут ничего не сказать.

— Дядя Иван... атаман... — Колька выпрямился. — У нас есть восемь... девять парашютов. На ходу. Можем забросить окружённым полтонны боеприпасов за один заход.

— Иди отсюда... — начал Шевырёв, замахиваясь нагайкой, но вдруг опустил руку. Лицо его стало таким, что кто-то из наших хихикнул — истерически, но хихикнул. — Что у вас есть?!

— Дядя Иван, — Колька сглотнул. Ветер забивал его волосы и глаза песком. — Давайте скорей. Мы можем вылететь прямо сейчас. Полтонны боеприпасов за один раз. Мы долетим, мы летаем под ветер... тренировались...

— На парашютах вы столько не забросите, — сказал алексеевец.

— Пошли посмотрим, но быстро надо. — сказал Колька. И умоляюще добавил: — Поверьте же, ну?!

\* \* \*

— А почему вы их называете парашютами? — спросил надсотник.

— А что это? — спросил Колька. — Мы всегда их так называли. До войны ещё, в клубе.

Мы стояли в нашем ангаре. Стены тряслись от порывов урагана, и с этим ураганом летел звук канонады.

— Мотопланеры, — сказал майор-вертолётчик. — Это может пройти. Честное слово, может.

— Посадим наших... — начал терец. Но Колька крикнул:

— Да как вы не понимаете!!! Это минус восемьдесят килограмм боеприпасов!!! Ну решайте же... взрослые!!!

— Как же вы полетите... — впервые за все эти недели я видел Шевырёва растерянным. — Вы же дети... а если...

— А если турки сюда придут?! — крикнул кто-то. И наши вразнобой закричали:

— Не первый раз!

— Мы не дети!

— Мы что, не казаки?!

— Это наша земля!

— Скорее давайте!

— Дядя Игорь!

— Мы сможем!

Мужчины растерянно озирались. Потом вертолётчик сказал:

— Пацаны... У меня в Архангельске такой же... я не знаю, чего с ним... Но как же вы... А если собьют?!

— А если младших перережут?! — крикнул вдруг я. — Лететь надо, а не трепаться!

— Я ж не отмолюсь, — голос Шевырёва дрожал. — Я ж не отмолюсь...

— А мы за тебя попросим, атаман, — тихо сказал Колька. Он опять стоял перед мужчинами — прямой и совсем не взрослый, я сейчас видел, что не взрослый...

И всё-таки он стоял так, что становилось ясно: за ним — высшая правда и правота.

— Грузимся, — сказал алексеевец. — Сейчас будут наши с боеприпасами.

— Берите больше "мух"! — крикнул терец.

И всё сразу завертелось и закружилось — каруселью. Как всегда бывает, если решение принято — и обратного пути нет.

А мне сразу стало легче.

\* \* \*

Мы взлетали по двое, с промежутком в несколько секунд между машинами и в полминуты между парами. Ветер тянул машины в сторону ещё на полосе; груз, уложенный в моих ногах и на боковых подвесках, тут был даже плюсом — потяжелее... Наш "Ставрик" нёс два десятка "мух", два десятка гранат РГ-42 с нашего же консервного завода и сколько-то цинков с патронами к автоматам и ПКМ. Мы были затарены в перегруз. Если честно, я думал, что не оторвёмся — движок выл и даже скулил.

А когда мы оторвались... Честное слово, если бы я знал, как это будет — я бы вцепился во взлётку пальцами, зубами и вообще корни пустил. Нас рвануло в сторону и, как мне показалось, перевернуло. "П...ц, — подумал я, без наигрыша, — мама, прощай... только бы сразу головой об землю... и чтоб шлем не спас, а то буду жить инвалидом..."

— Бляяяяаааа!!! — услышал я вой Витьки, пронзительный и жуткий. И понял, что мы летим более-менее ровно, а штаны у меня сырые.

Я обдулся. Но в тот момент меня это ничуть не занимало.

Я не мог понять, управляет Витька машиной — или нет. Двигатель был вырублен, но мы летели не меньше чем за сто. Что-то мелькнуло слева и справа — и только когда это мелькнувшее унеслось назад, я сообразил — мы пролетели между двумя танками!!!

— Витька, земля!!! — заорал я в переговорник. Плечи и голова Витьки над спинкой сиденья изобразили что-то типа: "НА Х...Й!!!" Я заткнулся.

Тонко свистнуло, дёрнуло машину, зажужжало. Металл рядом с моей правой ногой вспучился, как асфальт, через который прорастает деревце. Потом был удар в шлем — как будто палкой. В левому глазу взорвалось, и я несколько секунд им ничего не видел, но испугаться не успел — зрение вернулось.

Внизу среди вихрей, поломанных деревьев, взрытой земли, каких-то обломков и огня дрались люди. Кто чем. Как в кино (давно у меня не возникало этого сравнения). Дальше — около разваленного дома — возле растянутого брезента махали руками несколько человек, стоял танк...

— Колька, бросай, сука-а! — Витька закрутил шлемом.

— У-у-у-у-у!!! — взвыл я, не зная, почему, разрывая сцепы груза. Ногами выпихнул ящики из-под ног, надрывая живот и бедра. Нас бросило куда-то в сторону, опять перевернуло... Шарах! Теперь точно перевернуло, кубарем. Господи, пусть сразу, чем такой ужас... не полечу, второй раз — ни за что не полечу!!! Я не хочу! Я жить хочу!

Снизу снова ударило в броню. Так, что нас подбросило. Я плакал и в голос ругался матом.

Мы летели обратно...

...Починенный мотор на "Не дрищи!" вышел из строя на обратном пути. Параплан (ёлки-палки, как же он всё же называется?!) грохнуло оземь рядом с полосой. Андрюшку выбросило наружу — без сознания, со сломанными лопнувшим ремнём рёбрами, головой в

ангар... Олешка Гурзо тут же пересел на "Воина небес" вместо Женьки Битцева, которому винтовочная пуля попала в правый бок и вышла через грудь — прилетел он уже без сознания, в сиденье натекла кровь, как в тазик. Олег смахнул эту страшную лужу рукой — и они взлетели вторично как раз перед нами...

Из второго вылета не вернулся "Жало". Пашка Дорош и... и мой Витька Фальк. Ребята видели, как "Жало" загорелся и сел на турецкой территории, почти в самый бой. Но думать об этом было некогда. Мы, наверное, были похожи на чокнутых приговоренных к смерти, которые сами — причём споро, радостно и бодро — стоят себе эшафот.

Нужен был и третий вылет.

Нужен, что тут делать...

...Это потом мы узнали, что окружённые было алексеевцы, 12-й и 15-й кубанские полки, получив боеприпасы, ударом с тыла прорвали окружение, отвлекли на себя наступавших — и фронт не только удалось восстановить, но и потеснить врага почти на семь километров обратно. А тогда — можете поверить, нас это не очень интересовало.

Мне помогла сойти со "Ставрика" Дашка. Буря вроде бы стала потише, и я видел, что со стороны станицы бежит огромная толпа, вяло подумал: "Ой, что будет..." Дашка стащила с меня шлем (я не сопротивлялся) и обеими руками схватила меня за щёки, глядя мне прямо в лицо ненормальным взглядом — жадным каким-то.

— У тебя... — губы Дашки прыгали. — У тебя... глаз...

— Что? — прохрипел я, расклеивая губы. Она зашарила трясущимися руками по карманам, достала зеркальце, сунула мне под нос и проревела:

— Смотри-и-и... миленький мо-о-о-ой!!!

Ё-моё. Левый глаз у меня был красный. Весь. Целиком. По щеке текли слёзы с кровью. Я посмотрел на шлем и увидел, что он распорот слева. Это вот значит, чем меня ударило — пулей... А Дашка уже висела у меня на шее и целовала, целовала, целовала — в губы, в щёки, в нос, в лоб, в здоровый глаз, шарил руками по голове, по плечам, по лицу и что-то бормотала.

Потом подбежала мама. Пошатнулась и упала на меня. Я не выдержал двойного веса и сел на бетонку. Тело мягко гудело, в голове переливалась горячая ртуть — туда-сюда, плавно и почти приятно. Вокруг говорили, бегали, перемещались, плакали, кричали, даже пели и падали, кажется... и даже смеялись. Смеялись!!! Мне с трудом удалось сфокусировать внимание на прибежавшей из сада Радько — матери Кольки и Сашки. С ней примчалась их сестра, Ирка.

— А ну-ка — иди сюда, сынок, — ласково сказала тётя Света. Я не верил своим глазам — Колька, только что важно разговаривавший с майором-вертолётчиком, попятился от матери, а Сашка оперативно скрылся за его спину.

— Ма, ты чего? — осторожно спросил Колька. Окружающие наблюдали за происходящим с немим восторгом.

— Свет, Свет, — окликнул её Шевырёв, — ты полегче... сын-то у тебя настоящий герой!

— А вот я ему за геройство и медальку припасла, — в руке у женщины возник сложенный вдвое ремень. — Иди-иди, сынок, — с прежней ласковостью она поманила Кольку пальцем. — И ты, младшенький, далече не убегай.

— Не, мам, не пойду — так же ласково ответил Колька, умелым манёвром оставляя между собой и матерью младшего брата и штабель ящиков. Сашка молча рванул в сторону ангара.

— Свет... — начал Шевырёв, но тётя Света, не оборачиваясь, сказала:

— А ты, пенё старый, ещё полезешь в воспитательный процесс — без всего висящего останешься. От бороды и до перчика твоего лежалого.

Вокруг разразились хохотом. Воспользовавшись этим, тётя Света сделала ловкий бросок вокруг штабеля, но Колька был настороже и понёсся в другую сторону, вопя:

— Ма, уйду! Честное слово, вот все свидетели — уйду! Сюда жить уйду, дома вообще

не появлюсь — м-а-а!!!

Отчаявшись попасть по Кольке, тётя Света бросила ремень и... заплакала. Колька остановился, постоял. Осторожно подошёл к матери, тронул её за плечо:

— Ма... ну ма...

— Уйди, изверг! — она оттолкнула сына. — Весь в отца!

— Ну и разве плохо? — робко спросил Колька. Мать вздохнула, обняла его.

— Коль, пойдём домой, — на два голоса произнесли одно и то же мама и Дашка. Я кое-как поднялся на ноги. В этот самый момент закричала — страшно, ужасно закричала — мать Пашки Дороша, зовя Пашку; другие сыновья держали её, обняв с обеих сторон и сами плакали.

— Ма, — сказал я, — Витька у турок остался, — и заплакал. Плакать было больно, слёзы из левого глаза жгли огнём. Я кривился, и Дашка вытирала мне щёку. Они с мамой вели меня под руки, заглядывая в лицо. Меня бросало из стороны в сторону. Было так плохо, что я даже не думал, как это всё выглядит со стороны.

Я тогда думал ещё, что "быть мужчиной" — значит, никогда не плакать...

...В комнатке у мамы лежал на её раскладушке Дениска — восьмилетний мальчишка, которого во время налёта обожгло фосфором. Я сам помогал его затаскивать в комнату — осколки с горящим составом вошли ему в левую ягодицу и в левое предплечье, фосфор горел внутри. Мальчишка не кричал — у него перехватило горло — а только, выкатив глаза и открыв рот, бился у меня на руках, с такой силой, что мне казалось: я держу дрожащие от натуги стальные тросы. Я швырнул его на стол, и мама тут же, прижав его всем телом, ножом достала исходящие жёлтым дымом пластиковые куски...

Сейчас Дениска лежал на животе и читал книжку. Когда он повернулся, я встретился взглядом с его глазами и увидел, что в них нет ни боли не испуга — только удивление: кто пришёл-то? Наверное, он уже забыл, как мучился, как ему было больно (я себе и представить не могу — как!) и как он наконец заревел... а потом мама носила его на руках по комнате, пока он не уснул...

Забыл. Коротенькая память, как же хорошо...

Я упал на скамью у дверей, и Дашка кинулась меня разувать. Из берцев просыпалась земля — я сегодня набрал её прямо на аэродроме, не около маминого окна, как в прошлые вылеты...

— Коля, мальчик, ты цел? — мама села рядом. Она даже не спрашивала, что тут делает Дашка.

— Цел, — ответил я. Подмигнул Дениске — наверное, получилось страшно, потому что он замигал.

— Глаз видит?

— Видит... больно... — пожаловался я. И почувствовал, что очень хочу захныкать.

Мама пошла на интернатскую кухню и в медпункт. Дашка взялась стягивать с меня куртку... и в ладонь ей выскользнул крестик — тот, каменный, который я носил на кожаном шнурке.

— Откуда это? — спросила она. — Коль?..

Но отвечать у меня не было сил. Дениска стал сползать с кровати, но я махнул ему рукой, завалился на лавку и уснул. Сразу.

\* \* \*

Я проснулся и не сразу понял, где я и что со мной, а главное — который час. В голове всё было перепутано, я лениво попытался этот клубок распутать и не смог. Глаз ныл, но я им видел и, дотронувшись пальцами осторожно, понял, что он чем-то смазан.

Я лежал всё-таки на раскладушке. Рядом на скамье "одной половинкой" сидел и читал Дениска — заметив мой движение, он поднял голову и улыбнулся так, как будто я ему был родственник. Спросил — тихонько, но звонко:

— А ты знаешь сколько спишь? Вчера весь вечер. Ночь. Сегодня день. И скоро опять

вечер будет. Никого нет, мне сказали, чтобы я тебе попить дал... — он поморщился, начал слезать со скамейки, но я сел:

— Не надо, я сам.

— Ага, — непосредственно согласился он, — а то... — он посмотрел по сторонам, — ...жопу больно знаешь как?

"Не знаю," — хотел сказать я. Но не сказал. В коридорчике напился из бачка холодной воды, вернулся обратно. Лёг. Денис следил за мной и выдал:

— Все говорят, что вы герои и что вы фронт спасли. Расскажи, а?

Меня внутри передёрнуло. Я ничего не помнил. Почти ничего, только страх.

— Давай лучше... — мой взгляд упал на книжку, которую он читал, это были "Семь подземных королей" Волкова. — Давай лучше я тебе прочитаю?

— Давай, — удивлённо, но обрадовано сказал он и заёрзал на лавке, ойкнул, опять сморщился. Я встал:

— Ты ложись и слушай. А я буду читать сидя...

\* \* \*

Прорвавшиеся окруженцы отходили на отдых через Упорную. Мы с Дашкой шли на площадь, куда всех "героев" собирал атаман, когда на окраине вдруг поднялся крик, шум, даже вой какой-то. Мы рванули туда.

Первый, кого я увидел — ну, так мне показалось — был Витька Фальк.

Витька шагал голый по пояс, с перебинтованным левым плечом и ударами "калашникова", хрипло матерясь, подгонял двух здоровенных турок, которые, закатывая наполненные ужасом чёрные глаза волокли, надрываясь, огромный "браунинг". На Витьку они старались не оглядываться. По-моему, он внушал им даже не ужас, а нечто беспредельное и необъяснимо жуткое. Оказывается, с подбитого парашюта... дельтаплана... аппарата, едри его!.. он буквально скатился к туркам в пулемётную ячейку, ударом какого-то бруса по горлу уложил насмерть успевшего схватиться за оружие офицера, сорвал с его снаряжения гранату и, угрожая ею, заставил пулемётчиков сперва огнём уложить своих, окружавших место падения аппарата, а потом тащить "браунинг" к казакам. Тогда его и зацепило в плечо.

За Пашкой буквально волоклась его мать. Он тоже шёл с оружием и то вежливо отцеплял с уговорами женщину, то целовался со своей девчонкой, то с братьями. Увидев меня, он махнул рукой и крикнул:

— Сгорел наш "Жало", блин!

А Витька, толкнув пленных в руки казакам (те пошли почти с радостью, чуть ли не рысью!), побежал ко мне, навалился и стал целовать и обнимать. Я сперва обалдел, а потом ответил тем же. Мы "расклеились" через полминуты и свирепо огляделись — никто не смеётся?

Никто не смеялся.

Никто.

\* \* \*

Обращение Шевырёва к нам было кратким и ясным, как божий день.

— Молитесь. Завтра атаман Громов по ваши души приезжает.

С этим мы и разошлись. Если честно, я почему-то здорово перепугался. Мы же ничего плохого не сделали (я уж не мыслил категориями "подвига" — плохого не сделали, и слава богу!), так за что ж "по наши души"?! Мама родная, и кстати, мама-то всё время плачет... Может, знает что-то, о чём мы ещё не знаем?! Бли-и-ин, а если посадят?!

В таком состоянии я сунулся было на двор, но на полпути был перехвачен Дашкой. Она стояла на дороге, как заслон враждебным силам — и взяла меня за запястья. Молча. Потом подняла на меня глаза. И положила голову мне на грудь.

И всё куда-то улетело. Мои проблемы... война... даже мама.

Всё-всё-всё улетело.

Мы стояли посреди пыльной полевой дороги и не слышали, как бьёт на юге канонада — "миротворцы", озверев от потерь, пытались вернуть то, что им отродясь не принадлежало.

— Даш-ка-а... — прошептал я в её волосы. — Я же даже прощенья не попросил...

Она вскинула лицо:

— Женька Битцев литр крови потерял, — сказала она тихо. — Мы с девчонками и сиденье, и ниже отмывали... от этой крови. У Андрюшки Ищенко шесть рёбер сломано, сотрясение мозга, трещина в черепе... А если завтра тебя убьют?

— Нам завтра, может, вообще летать не разрешат... — пробормотал я. Дашка засмеялась —

некрасиво перекосив рот:

— И тебя это остановит?

— Нет, — честно ответил я.

— Тогда поцелуй меня, — просто сказала она.

### ИНТЕРЛЮДИЯ:

Вадим Егоров

Эта вечная задачка.

Без решения... Итак,

Звали девочку Чудачка,

Звали мальчика Чудак.

И не важно, сколько прожил

Он на свете и она, -

Не был их никто моложе

Ни в какие времена.

Даже если вы не знали,

То теперь поймет любой:

Как бы мальчика не звали,

Звали девочку Любовь.

Из порочнейшего круга

В этом будничном лото

Что их бросило друг к другу —

То не ведает никто...

Может, радость, может, скука,

Может, годы на плечах...

Звали девочку Разлука,

Звали мальчика Печаль.

Что им мир — дурной и злобный, -

Коль, от счастья онемев,

В нем они мерцали, словно

Две свечи на алтаре...

Краток век любовной блажи...

Зыбким светом одаря,

Их судьба зажгла, судьба же

Их и сбросит с алтаря...

Далеко метнет, далече...  
Словно камешки праша...  
Звали мальчика До встречи!  
Звали девочку Прощай!...

\* \* \*

Громов прибыл в полдень. Мы уже час ждали на площади — одетые в полную форму, но в совершенно варёном состоянии. По-моему, у всех были примерно те же мысли, что и у меня: о наказании. И, собственно, всё, что мы делали, представало перед нами в ином свете: как некая дикая партизанщина, возможно — даже срыв каких-то важных и проработанных планов... Поэтому, когда Громов в сопровождении кучи офицеров и нескольких вызывающе-шикарных конвойцев вышел на крыльцо правления — Колька отчётливо сказал рядом со мной:

— Пи-печ.

Да ужжжжжж... Походило на то. Атаман рассматривал нас тяжёлым, пристальным взглядом крупнокалиберной снайперки. Слева на вынесенных скамьях сидели казачьи старики — те, которые хоть самого атамана могут приговорить к порке по обычаям круга — меня уже просветили...

— Значит, это вы и есть? — спросил Громов. — Ну, чего молчите, вояки? Старший-то у вас имеется? Атаман или кто там... Атаману с атаманом поговорить не грех, пусть выходит!

Колька — вскинув голову и совершенно обречённо — шагнул вперёд строевым: раз, два, три. Отчеканил:

— Сотник Радько!

— С-о-о-тник? — протянул Громов, оглядываясь на своих офицеров. — О как. Да мил друг, за сотника-то люди по десять лет корячатся. А ты, значит, самоприсвоился... угу... — он спустился с крыльца. — База под Краснодаром — тоже ваше дело? — Колька кивнул. — Да ты отвечай, как положено.

— Так точно! — голос у Кольки был отчаянно-высокий.

— И по мелочи разное там...

— Так точно!

— А Зорана Джинджича (1.) не вы убили? — вкрадчиво осведомился Громов.

---

1. Ставленник американцев, предатель сербского народа, инициатор выдачи в Гаагу Слободана Милошевича. Убит снайперским выстрелом в Белграде в Видовдан — День Святого Витта, когда сербы отмечают горестную дату поражения на Косовом Поле.

— Так т... — Колька поперхнулся. — Не мы-ы!!! — он ошалело посмотрел на атамана. — Жаль, — крикнул тот. — Если б вы — точно б тебя на своё место поставил. А раз не вы — подожду...

— Издеваетесь... — выдохнул Колька обречённо, опуская голову.

— Голову подними, сынок, — тихо сказал атаман. Тихо, но все услышали. И, когда Колька поднял голову — Громов вдруг положил ладони ему на виски и поцеловал его в лоб. Развернул, приобняв за плечи, поставил рядом с собой. — Ура, казаки!

И мы покачнулись — всем строем — от обрушившегося со всех сторон громогласного: "Ура!!!" Оно гремело и катилось, снова и снова, никак не могло остановиться, пока Громов не поднял руку. В наступившей тишине подтолкнул Кольку обратно в строй. Лицо Радько горело, глаза были потусторонние, но двигался он чётко.

— Война идёт, братья казаки. Чем окончится — мы знаем. Победой, — твёрдо сказал атаман. — А вот когда — вопрос посложней. Но кончится. И тогда всем дадим, что заслужено — сполна. А пока... — он кивнул, подошёл один из офицеров — с большой коробкой. — Пока — что могу. Как атаман. И кубанский и терский, потому как Шевцов, атаман терский, пал позавчера смертью храбрых в бою... — вокруг раздались возгласы, видимо, терцы этого ещё не знали. — У меня такое право есть... В общем, так, — он переждал что-то, и я вдруг понял: ему просто тяжело говорить. — Тем, кто в налёте на Краснодар и авианосную группу участвовал — Героя. Остальным — не важно, где они бились, на земле или в воздухе — Георгия четвёртой и третьей степени разом... Радько Николай!..

...У вас такое было?

Я просто ничего не понимал. Мне казалось, что я живу в каком-то сне, и реальность окончательно отодвинулась в невероятную даль. Журчал цифровик в чьих-то руках. Снова и снова. А на моей груди висела маленькая золотая звезда на чёрно-жёлто-белой ленточке. Совсем небольшая, я вам говорю.

Ну не могло же этого быть по-настоящему?

Знаете, когда я смог убедить себя, что это — по-настоящему? Когда, немного опомнившись, вспомнил, какие у атамана были глаза. Когда он прикреплял мне звезду.

Как у любого из нас после вылета. Только мы поспим — и всё. А у него эта усталость наврное — навсегда.

— Мне известно, что двое из вас — в станичной больнице, — сказал Громов, когда наградил последнего. — Отсюда я отправлюсь к ним.

— Господин атаман, разрешите обратиться! — вдруг шагнул вперёд Колька. Громов кивнул. — Господин атаман, а как же... дальше?

Вот оно.

Вот когда я вернулся в реальность.

— Дальше? — атаман обернулся, поглядел вокруг. — А что дальше...

— Дальше-то мы как? — напряжённым голосом спросил Колька. — Ну. Наша сотня.

— Повоевали, хватит... нам оставьте... — попытался пошутить Громов. Но Колька вдруг крикнул:

— Тогда берите награды обратно! А нам разрешите воевать!

— Воевать!

— Забирайте награды!

— Что мы — за них воевали?!

— Сорок километров до линии!

— У меня вчера отца убили!

— Дядю!

— Брата!

— Воевать!!!

— Да вы ж не казаки! — замахал рукой Громов. Лицо его стало отчаянным.

— Верстайте! — отчаянно заорал Колька. — Верстайте нас всех!

— Верстайте!

— Да родителей-то пожалейте! — уже надсаживался Громов.

— ЭТИ придут — никого не пожалеют!

— Верстайте!

— Сынок! — крикнул кто-то, я не понял кто. И не понял, чей голос в ответ прозвучал:

— Мама, молчи, не смей!

Только бы моя ничего не крикнула, подумал я. Громов водил растерянными глазами. Потом кивнул молчащим старикам:

— Вы как, старики?

Я прикрыл глаза.

Если бы я мог — я бы заткнул уши.

Я знал их ответ.

\* \* \*

— В бога веруешь? — спросил атаман. Я кивнул, потом быстро ответил:

— Верую.

— Добре. Водку пьёшь?

Я онемел. Что отвечать-то?! Вокруг раздались смешки и подначки:

— Да ты про что его спрашиваешь, атаман, ты его про молоко спросил!

— Ага, из сиськи ещё...

— Отвечай по обычаю, — тихо сказал Громов. В его глазах был какой-то тёплый свет, и я, придя в себя, отчеканил:

— Пью!

— Перекрестись, — я выполнил требование. — Отче Наш читаешь?

— Отче наш, иже еси на небеси, да святится царствие твое... — начал я, с ужасом сообразив, что знаю ещё только одну строчку — но Громов махнул рукой:

— Будет... Значит так. Быть тебе, Николай Сергеев Реузов, казаком станицы Упорной войска Кубанского.

Опустившись на колено, я поцеловал станичный стяг. Встал. Вернулся в строй.

Когда принимали Витьку Фалька, кто-то сказал: "Немец, вы чего?!" — и я понял вдруг, что ко всему этому относятся серьёзно. Витька побледнел. Но Громов повысил голос:

— А скажи, старики, — обратился он с поклоном к старикам, — как наши Азов у турок брали — кто стену миной взорвал?

— Крещёный немец именем Иван! — отозвался тут же Игорь Николаевич, стукнув палкой в землю. — Витька на работу злой, наш, казак!

— И воевать хорош!

— Пленных с пулемётом голыми руками взял! — закричали отовсюду. Громов кивнул:

— Ну и дело.

Солнце пекло. А мы стояли, и снова, снова повторялся этот обряд. С каждым повторением становилось казаком больше. Я не ощущал ничего возвышенного, всё напоминало конвейер. Но никакого протеста это у меня не вызывало. Когда идёт война и с конвейера сходят танки — никто не смотрит, чтобы на них ровненько легла краска. Главное, чтобы танки были. Чтобы было чем заменить сгоревшие...

Я думал о себе, как о танке. Как о машине. Не как о живом человеке. Ещё три месяца назад я бы просто не понял, попытайся мне кто-то объяснить такую позицию. А теперь — сам дошёл. Своим умом.

Отдельная "Крылатая сотня" была оформлена, так сказать, официально. В заключение Громов сказал, что в самое ближайшее время мы будем оснащены "по полной". Правда, он не стал объяснять, что имел в виду, а мы не спрашивали — и так уж много чего натворили, так сказать.

Нас поздравляли и, кажется, снова фотографировали, уже по отдельности. Потом кого-то потащили к машинам. А я разыскал маму и мы пошли домой. Дашка было мотнулась следом, но я еле заметно покачал головой — и она тут же исчезла, послав мне воздушный поцелуй.

Мы шли молча. Я нёс новенькую кубанку в руке.

— Что же ты наделал, Коля... — тихо сказала мать. — Что же ты натворил...

— Я не сделал ничего, чего не надо было делать, мама, — твёрдо ответил я. — Только то, что был должен.

Она остановилась. Посмотрела на меня — так, как смотрела до войны, когда я что-нибудь вытворял и не хотел признать вины. Но... но сейчас я не отвёл глаз.

Опустила глаза мама.

— Пойдём домой, — я взял её под руку. — Пойдём, ма?

Дмитрий Ляляев.

## РАЗДУМЬЕ

... слова "Родина" и "Отчизна" —  
Не разменная медь в кошельке!  
Если Родины Вам не видно  
Посмотрите на жизнь вдалеке.

На бардак, что в стране творится,  
И виновных нам не сыскать!  
Призывной народ "шухериться",  
Не желая идти "воевать"!

Говорите, что нет России,  
Может вправду и вам видней,  
Но какие у нас большие  
Легионы из "косарей"!

Нет, не тех, что траву косили,  
Убирая ее в стога,  
Тех, что голову не побрили  
Опасаясь открыть рога!

" — там уроды одни, дебилы!  
Я же умный, я не такой!",  
Это как же тебя растили,  
Что ты вырос такой "герой"?!

" — эта армия, что дает — то?  
Неохота два года терять!",  
Но мужчина ль, сказавший это?  
Да, мужчина, мужчина — Блядь!

Вы простите меня, пуритане,  
Нецензурна моя молва,  
Только что обижаться, если  
Не относятся к Вам слова!

Те, кому довелось "откоситься",  
Пусть спокойненько груди мнут,  
Проституткам и просто девкам,  
Что услуги свои продают.

Только если вас с ней перепутают  
И предложат пройти в постель,  
Не валите вину на Путина,  
Что страна превратилась в бордель.

Здесь и ваша заслуга "косарьская",  
Вы же умный, вы не простой!

Легионы в стране "гейсарские",  
"Мальчик-гей" — это "деффка" такой!

Где же сказки о древних русичах?!  
Или сказки сплошная ложь?  
Ну, дремучие. Жили в урочищах,  
А с дремучих — чего возьмешь?!

Ну не знали они, что лучше бы  
Под татарами "полежать",  
И Сусанин, поляками мученый,  
Не хотел им Москву показать.

А французы — какая радость,  
Научили б, как надо любить!  
Но Кутузов устроил "гадость",  
Приказал всю Москву запалить!

Приходили в Россию немцы.  
"— Матка! Яйки, брот, молоко!"  
Не понравились нам чужеземцы  
Хоть и жили недалеко.

Столько клиник сегодня по городу,  
" — Пять минут — ваше тело с концом!"  
Только женщинам, видно отроду  
Никогда не бывать отцом.

А отец завещает сыну  
Свою Родину защищать.  
Я с альбома карточку выну,  
Вот он Дед, вот Отец, вот Мать...

Видно хватит мне с вами ругаться,  
Есть проблема и надо решать!  
Нам не гоже сегодня пугаться,  
Своей слабостью мир потешать!

Не слепой я и четко вижу,  
"Эта" армия нам не нужна!  
А какая? Какую надо?  
Вот, высказывайся страна...

### ВИТЯ НОВИЦКИЙ

Витя Новицкий жил в городе Новороссийске, в доме на Октябрьской площади. Этот старинный дом-башня нравился Вите. Из окон его квартиры хорошо была видна не только площадь, но и школа, в которой он учился, отсюда открывался вид на окрестные улицы.

Мальчик рано осиротел. Своих родителей не помнил. Его приютила семья Михаила Ивановича Новицкого, в которой было ещё двое детей.

Витя очень любил свой город, Черное море, пионерский отряд.

...Шел июль 1941 года. Фронт был далеко. Но в Новороссийске уже многое

напоминало о войне. Приемный отец Вити ушел на фронт. Вестей от него не было. Мать, Мария Петровна, стала строже и молчаливее. Витя старался во всем ей помогать.

Весной 1942 года, никого не предупредив, Витя неожиданно исчез из дому. Вернулся через три месяца, раненый осколком снаряда в ногу. Матери рассказал, что убегал на фронт, был под Керчью, в самом пекле сражений.

Враг наступал на Новороссийск. Линия фронта приближалась. Фашистские самолеты бомбили город, расстреливали с воздуха мирных жителей.

И вот на окраинах Новороссийска появились вражеские танки. Советские воины отстаивали каждую улицу, каждый дом.

Когда начались бои в городе, Мария Петровна вместе с детьми перебралась из своей квартиры в подвал одного из соседних домов. Но Витя не пошел с ними. Он остался в покинутой жителями башне и помогал нашим матросам устанавливать пулемет на втором этаже, подносил патроны и гранаты. В башне их было трое: два пулеметчика и Витя. Шестеро матросов с затонувшего под Новороссийском эсминца "Бдительный" находились недалеко от дома.

8 сентября 1942 года эта маленькая группа бойцов непрерывно отбивала атаки фашистов. И когда оба пулеметчика и матросы были убиты, к пулемету перебрался Витя. Несколько раз Витя, оставив пулемет, выбегал на крыльцо башни и бросал гранаты.

Днем немецкие танки, развернувшись со стороны улицы Горького, стали расстреливать башню прямой наводкой. Но Витя продолжал борьбу.

Фашистам все же удалось проникнуть в башню. И они зверски расправились с Витей: облили его бензином, подожгли и сбросили ещё живого горящего мальчишку на мостовую...

Указом Президиума Верховного Совета СССР Витя Новицкий награжден орденом Отечественной войны посмертно.

Имя Вити Новицкого занесено в Книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Его именем назван теплоход. В Новороссийске и Волгореченске Костромской области именем Вити Новицкого названы улицы.

## 6. ОРЛИНЫЕ КРЫЛЬЯ

Нет. Ни дробинки не скользнуло мимо,  
А сердце — и орлиное ранимо.  
Орёл упал. Но... лишь у дальних скал.  
Чтоб враг не видел.  
Не торжествовал.

Ф. Искандер.

Тимка, по своей вечной привычке держа гитару на коленях, напевал нарочито хрипло:  
— Как на сколе льда сидит черный гриф,  
Сиплым голосом материт Весну.  
Как мою ладонь жжет каленый гриф.  
Пой до одури, дурак, приструнив струну,  
Да хмельной отвар пей до донышка, -  
Может, что-нибудь и пригрезится.  
Покати шаром — красным солнышком,  
Завернись клубком — белым месяцем,  
Беспредельная Весна!

Сведены счета, взведены курки.  
В полынье — полынь. Головам пустым

Отдавая честь, раздавай долги.  
Вместо Вечного Огня — только Вечный Дым...  
А на посту солдат спит кошмарным сном:  
По нему опять пушки бьют "отбой".  
Связки связаны в горле злым узлом,  
Не до песен им теперь. А ты возьми да спой,  
Беспредельная Весна! (1.)

— Сбацал бы что повеселей, — сказал тоскливо Сашка Радько. Тимка изобразил первые три такта "Мурки", потом поставил гитару на носок ботинка, крутнул и сказал:

— Йупс! Заценили?

Ангар вяло поаплодировал.

Начало августа прокатилось по нашим местам чудовищной жарой. Такой, что на любом металле, достаточно долго пребывшем на солнце, можно было жарить яичницу, чем многие и занимались.

Если честно, я опасался, что нас "записали в казаки" для проформы и будут мариновать в станице под предлогом: "Ждите приказа!" По-моему, после того, как отхлынула эйфория, остальные боялись того же.

Где там. Не знаю, к добру или к худу, но мариновать нас не было возможности. И было не до угрызений совести по поводу нашего возраста. Враг ломился вдоль рек на север с упорством, честное слово, достойным на мой взгляд лучшего применения. Северный фронт вёл контрастступление и почти дошёл до Элисты. У нас дела, как видим, были похуже.

Впрочем, не у нас лично. Нам-то как раз прислали ещё три "грифа" (один даже новенький) вместо наших сгоревшей и разбитой вдребезг машин (+ одну как бонус), подтвердили все самоприсвоенные звания и, довооружив-перевоеоружив, подчинили 1-му полку фронтовой авиации, куда входило всякое-разное типа терских мотопланеров и парашютов (настоящих), Як-52 и "антошек", переделанных под лёгкие бомбардировщики и штурмовики. в общем, в этой каше и мы смотрелись вполне прилично. Да и наша

---

— Стихи А. Земскова.

Восстановленное оружие и прочие самопальные ракеты ушли в прошлое. В наземке теперь служили старшие ребята, которым, правда, было поперёк подчиняться Борьке — но куда денешься, не игрушки... А окончательно я понял, что мы — воюем, когда нас перестали привлекать на работы и возле нашего аэродрома установили и замаскировали три спаренные ЗУ-шки и один расчёт "иголки" — все алексеевские.

Наши раненые лежали в госпитале. Женька получил какие-то внутренние разрывы от пули, а у Андрюшки при малейшем резком движении голова начинала кружиться и из носа шла кровь. Ясно было, что они встанут не скоро (и будут ли летать вообще?), поэтому мы перетасовали номера. Димка Опришко в мат разругался с Колькой, который наотрез отказался перевести его в лётный состав, и вообще было много мелких кусалок, прежде чем всё утряслось.

Кстати, нам — "Героям" — оказывается, полагались продуктовые пайки, в которых были разные приятности типа — ого! — красной икры, сахара и кофе. Первый паёк, скажу честно, я съел с мамой. А потом... короче, потом четыре из наших двенадцати "геройских" мы стали оставлять на всю сотню, а восемь — сплавляли в интернат.

Не знаю. По-моему, так было правильно. Еды хватало всем, но попробуй объясни семи-восьмилетнему, у которого нет папы и мамы (и хорошо ещё — господи, прости! — если с рождения нет, а если были — и вдруг нет?!), которому хочется шоколадку, что шоколадки нет и не будет? Проще отдать свою...

В общем, мы сидели в ангаре. Мы в нём чаще всего и ночевали — на чинёных раскладушках, и ели, и вообще... "Воин небес" и "Свирепый Карлсон" отсутствовали — несмотря на белый день, летали, забрасывали куда-то в приречные ущелья медикаменты и консервы горным стрелкам. (Отец Ромки Барсукова воевал там, Ромка страшно жалел, что не летает). По рукам ходили три номера "Казачьего стана" — фронтовой газеты Южного фронта. Передний лист — из плохой серой бумаги — был плотно украшен, как паркетом вымощен, нашими физиономиями в обрамлении текста глупейшей и напыщенной статьи. Я даже не знал, что такие ещё можно писать. Нет, она была вполне патриотическая и вообще даже ура-патриотическая, но мне так и казалось, что в мирное время её автор писал про кастинг малолетних "звёздочек"... Однако, многим ребятам статья отчётливо нравилась; кое у кого дома я даже видел вырезанные из неё фотки с кусками текста, хотя номеру уже исполнилось почти три недели.

Ужасно, но у мамы тоже был. Был и у Дашки, но я потребовал выкинуть и проконтролировал процесс...

— Дайте свежий номер, — раздражённым от жары и самому себе неприятным голосом попросил я.

Номер мне дали. Новости были самыми разными; внешние — более-менее радостные, похоже, что попытка оккупировать Россию здорово всколыхнула весь мир. Но напрямую нам помочь никто особо не торопился — а если кто и хотел, то у них были свои проблемы. Смешно; у меня дома лежали два письма, невесть какими окольными путями добравшиеся до адресата "на деревню Колюшке". Одно — из Греции, от 10-летнего Андроса Зафариса. Он написал несколько строк, которые мне не мог перевести никто, даже наши местные греки-беженцы, зато нарисовал очень выразительную картинку: некто, очень похожий на бога Зевса, разил с невообразимого летательного аппарата жалкий американский авианосец под большим — видимо, автор очень хотел, чтобы неясностей не осталось — звёздно-полосатым флагом. Да, смешно, но... приятно. Второе письмо прислала с Украины, а точнее — из Харькова Оля Приходько, 13 лет. Девчонка писала, что у них "тоже идёт война" и "город часто бомбят, но никто давно не боится", что её старший брат тоже Коля, ему 16 лет и он "воюет с бендеровцами". Она ничего не просила, не восхищалась мной — просто как бы рассказывала о своей жизни. Но в конце были несколько строчек: "Если ты будешь живой после войны, приезжай к нам." Тоже без объяснений, просто — вот приезжай и всё...

Возьму и съезжу, подумал я. Вот возьму и съезжу. Вон, до Витьки Барбаша добралось письмо аж из Боснии!!! Тоже от девчонки: "Незнакомый друже русс..." Мы все угорали, а он отбрёхивался, покраснев, как помидор... Но письмо аккуратно носил в кармане.

— Коль, в шахматы сыграем? — подал голос Витька.

— Вспомни о дураке... — вздохнул я. — Ладно. На что играем?

— На ку-ка-ре-ку. Кто продует — влезет на ангар и будет...

— Я вам влезу, — сказал из-под кубанки предположительно спавший сотник. — Крышу проломите... петухи.

— Попишу за петуха, — пообещал я. Колька, не поднимая кубанки, показал мне кулак. Потом превратил его в фигу.

— Не на ангар, на тополь за двором, — торопливо поправился Витька, расставляя шахматы.

— Давай. Десять раз кукарекаешь, — предупредил я.

— Идёт... Э, а чего сразу я кукарекаю?!

— А потому что ты точно продуешь... Ходи, раз белых к себе повернул.

— Хожу...

\* \* \*

Макс Дижонов заложил вираж. Жорка Тезиев, прижав к плечу приклад РПК, дал очередь по бегущим — двое последних упали обратно в укрытие. Казаки, лезшие вверх по склону, поддерживали "авиаторов" дружным рёвом. Первые их гранаты уже долетали до

спешно покидаемых турками позиций.

"Воин небес" заходил с другого конца. Олег Гурзо, почти стоя на сиденье, поливал врага короткими очередями ПКМ. Макс поднял над плечом руку с оттопыренным пальцем — от последнего стрелявшего по казакам "браунинга" сыпанул расчёт, но почти тут же попадал под огнём Гурзо. "Свирепый Карлсон" ещё какое-то время преследовал бегущих, но казаки, занявшие позиции, уже неистово махали снизу руками, и оба планера пошли на посадку.

Сели почти крыло в крыло. Подбежавшие терцы бросились качать экипажи. Смеющиеся мальчишки отбивались, крича, что и так нарушили приказ, что им велели груз сбросить, а не садиться — и уж тем более не турок разгонять...

— Мы эту высотку уж миномётами пахали — без пользы! — кричал молодой есаул. — Просим авиацию — как в трубке: "Ждите... ждите... ждите..." А они сверху жарят, они сверху всю округу поливают! А тут вы...

— Нам вот ещё за эту самодеятельность такой фитиль в попу вставят, что он изо рта вылезет! — Андрюшка Колпин нахлобучил шлем, который всё время, пока его подбрасывали, держал обеими руками на животе. — Не, станишники, нам лететь пора. Лететь, лететь, лететь...

Отсмеиваясь и уже привычно матерно отругиваясь, мальчишеские экипажи попрыгали в свои лёгкие машины. Крыло в крыло, подскакивая на кочках и камнях, рванулись вперёд — мимо раздавшихся терцев. Андрюшка оторвал "гриф" первым, чуть ли не вертикально, показал Максу "fuck". Дижонов погрозил кулаком, пошёл ниже; "Воин небес" замер на миг в высшей точке подъёма, круто скользнул, лихо сваливаясь на крыло, к земле...

...и напоролся на метнувшийся снизу — из-за реки — белый тугой след.

Вспышка.

\* \* \*

Их привезли в станицу и положили на разостланный брезент — на площади перед правлением.

Андрюшка лежал первым, руки у него сильно обгорели, и куртка на груди — но лицо осталось чистым, и синие глаза смотрели недоумённо и, как это ни жутко, весело. Словно он спрашивал: "Ой, что это со мной, ёлы? Не встаётся..." Голова Олега была расколота, и кто-то укрыл жуткий подтёк из пролома краем брезента.

Дашка стояла возле него на коленях.

— Вот они... лежат наши орлята... сломались у них крылышки... — сказал Шевырёв. Голос у него сорвался, атаман медленно встал на колено и без раздумий, без брезгливости, поцеловал обоих мальчишек в лоб. По очереди, Олега и Андрея. Было тихо, только на ветру хлопало знамя. Шевырёв закрыл мальчишкам глаза, и тогда в толпе кто-то вскрикнул и зарыдал, а потом — рыдание заглохло. Ветер хлестнул особенно яростно, и знамя развернулось над трупами. — Ничего... — с трудом сказал атаман. — Ничего, ребятишки... Вас теперь другие крылья несут... посильнее... А мы уж тут за вас... значит... как положено... — и вдруг налился чёрно-синей кровью и вскинул чугунный кулак: — Поквитаемся! За всё и за всех!

Кррррах! Разорвал тишину залп стоящего в ногах убитых караула.

Ахнуло вокруг эхо, летя прочь от станицы и возвращаясь к ней.

\* \* \*

Тимка Задрыга возился возле выкаченного из ангара "Потёртого Гарри", когда я подошёл, пиная ботинками комья высушенной солнцем серой земли.

— Ты чего делаешь? — спросил я.

Тимка оглянулся. Лицо его было угрюмым и решительным. Смерив меня взглядом, он отшагнул в сторону и кивнул:

— Вот. Мы решили переименовать.

На носу планера — вместо надписи "Потёртый Гарри" — было написано свежей белой краской:

### АНДРЕЙ КОЛПИН

— Восемнадцатую тоже переименовывают, — вздохнул Тимка и поправил букву А. — Вернее, это Макс первый решил... В "Олега Гурзо". А мы уже потом...

— Слушай... — я мучительно перевёл дыхание. — Но если же нас собьют... это же будет значить, что ребята снова умерли...

— Нет, — мотнул головой Тимка и поставил на траву банку с краской. — Фигня. Они не умерли. Просто... ушли. А раз вот такие машины у нас будут — значит, они снова воюют...

Я молча приобнял его за плечи и постоял так. Потом стукнул его в висок виском — и пошёл в ангар.

Колька ругался с Тошкой Задрыгой и Витькой Тимко.

— Ну на кой хер тебе в сотне фельдшер?! — орал Витька. — Я же летаю лучше тебя! В клубе летал лучше! Ты сам знаешь!

— Как на кой хер фельдшер?! — кричал Колька. — Сам не видишь, на кой?!

— Не вижу! Много он ребятам помог бы! Ну ладно — раньше, пока мы тихушничали — я один из вас что-то соображал по медицине! Но сейчас-то любую из девчонок свистни — побегит!

— Тьфу!!! — плюнул Колька. — Ладно! Ну а ты-то куда?! — повернулся он к Тошке. — Ты же оружейник! О-ру-жей-ник!!!

— Не разрешишь — подземным голосом сказал Тимка и хлопнул носом, — я убегу.

— Куда-а?! — застонал Колька и зафигарил кубанку в угол. — Куда ты сбежишь, убогий?!

— Куда глаза глядят, — буркнул Тимка.

— Да поймите вы — лишнего аппарата всё равно нет!

— Коль, аппарат пришлют, — тихо сказал Витька. — А мы уже под боком... Готовый экипаж...

— Ладно! — рявкнул Колька. — А сейчас — пошли вон! — они, толкаясь, выскочили наружу. — Ты чего пришёл?! — рыкнул он на меня.

— Увольнение просить, — сказал я. Колька так и сел. Потом покачал головой и выдохнул:

— Ну — денё-о-о-ок-х... Куда?

— В станицу, к Дашке. До вечера, — сказал я. — Коль, пожалуйста. Мать у неё слегла, бабка вообще при смерти... ты же знаешь...

— Иди! — Колька выдернул из стола блокнот с формами-увольняшками. — Вот, пишу! До

семи ноль-ноль завтрашнего числа! Иди отсюда все, дайте мне...

Он уронил лицо на руки, упавшие на стол — и тяжело разрыдался.

\* \* \*

За южной околицей станицы, где речка ныряла в каменное ущелье, пленные рыли окопы и вкапывали аляповатые бетонные репера. Верховые казаки — не местные — надзирали за происходящим с сёдел — неподвижные, похожие на странные конные статуи. Турки и какие-то негры работали уныло, молча, но споро, не отлынивая, хотя никто из охранников к ним даже не приближался. Было ещё прохладно, утро — без двадцати семь.

Когда я оставил дом Гурзо, там все спали. Я всю ночь почти работал кем-то вроде сиделки — и даже бегал к маме, а точнее — к её начальнице за успокоительным. Сейчас хотелось спать, и я надеялся только на одно — доберу в ангаре, днём вылеты вряд ли будут.

— Э, летун! — окликнул меня один из казаков. — Новости не слушал? — я помотал головой. — Наши Новгород освободили, и японский десант на Курилах зажали;

Тихоокеанский флот потопил всю эскадру поддержки! — он махнул кубанкой. Я в ответ выставил большой палец.

Кажется, мы в конце концов всё-таки победим, подумал я. Пнул камешек, погнал его перед собой. Господи, как давно я не играл в футбол...

Какой будет жизнь, когда мы победим? Мне почему-то всё время казалось, что всё вернётся и будет как раньше... а вот сейчас, вот в этот момент, в это утро я вдруг ожесточённо подумал: не хочу, как раньше! Как раньше — это опять, значит, вернётся шумная бестолковщина, "народные избранники" (где они?!) на плакатах, наглые рожи "приподнявшихся", тупая долбёжка телепрограмм — всё то, о чём я раньше и не думал, чего и не замечал, а сейчас вдруг вспомнил с гадливой отчётливостью. Из-за кого у страны не было армии, чтобы защитить нас?! Из-за кого мы пошли воевать?! Кто приказал военным сложить оружие, кто вообще пустил на нашу землю врага?!

Нет. Не будет, как раньше. Уж я постараюсь.

\* \* \*

Мне и правда удалось выспаться. Правда, лёг я не сразу — чуть ли не до полудня мы возились с профилактикой и разными мелочами, но потом я всё-таки завалился. И проснулся часов через шесть, а то и больше. Снова бой шёл неподалёку (ну, относительно неподалёку — километрах в пятидесяти), уже вечерело, и Колька тряс меня за плечо:

— Подъём, подъём, вылет.

— Встаю, — я поднялся, вжикнул молнией жилета. "Ставрик" уже выкатили, Витька стоял возле него, разостлав на сиденье карту. — Куда летим?

— "Терец" и "Вихрь" груз забрасывать горным стрелкам, а мы с тобой на дорогу за линию. Постреляем. Там горючее сгрузили.

— Во, а днём чего? — я проверил спуски РПГ.

— Маршрут хороший, низом, вдоль реки, — Витька сунул карту под зажим, погрузил рывком в нос аппарата ящик с бутылками. Денис Коломищев подошёл к нам:

— Горючки не привезли, я залил нашу барду из НЗ. Фильтры поменял. Удачи!

Мы похлопали по рукам. Опустив стекло шлема, я плюхнулся в сиденье, щёлкнул ремнём. Потом застегнул клапаны краг. Витька уже запускал движок, тот чихал, явно протестуя в связи даже с временным переходом обратно на самогонку. Я аккуратней уложил два "творения" ставропольских умельцев — 100-зарядные барабаны к РПК. А когда распрямился — мы уже взлетали. Слева — далеко-далеко — уже еле мелькали машины обоих Дорошей.

— Опс, — сказал Витька, тут же вырубая двигатель. Он был планерист от бога — "блюз" скользнул в тёплый поток и, казалось, даже набрал скорость больше, чем на движке. Конечно, именно казалось — но лететь так было приятней.

"Ставрик" снизился буквально за верхушки деревьев вдоль реки, потом — ещё ниже, к самой воде, плавной горкой. Машина шла ровно, почти не качая крыльями. Витька запустил движок, протянул мне через плечо карту. Я принял её, расстелил на колене. Ага — вот она, дорога.

— Линию проходим, — мой пилот снова вырубил мотор. Слева от нас было тихо, а справа промелькнула частая стрельба. — Готов?

— Держи, — я вернул карту.

Зря днём летим... Стоп. Бояться я начал, что ли? Отставить...

— Внимание, справа будет цель. Готов?

— Давай, — сказал я в звукопровод.

"Ставрик" резко полез вверх, одновременно наклоняясь на правое крыло. Из зелени сама собой выскочила дорога, тесно — в два ряда — уставленная замершими бронемашинами. Возле них на траве тут и там кучками сидели и лежали солдаты, они даже голов не повернули — нас ещё никто не видел и не слышал, хотя это казалось почти невозможным; как всегда при дневных вылетах, я испытал острое чувство полной

беззащитности. Но оно отхлынуло, едва я увидел дальше у дороги шесть длинных мягких колбас оливкового цвета — с несколько железнодорожных вагонов каждая! — лежали на земле.

Я наклонился над самодельным прицелом. "Ставрик" плавно скользил в воздухе. Огонь!

Нас мотнуло, аппарат задрожал. Но две гранаты уже сорвались из стволов и, оставляя синеватые следы, пошли, набирая скорость, к резервуарам.

— Поворот! — крикнул Витька.

Кажется, внизу начали стрелять. Точно не знаю, потому что все звуки смял мощный сдвоенный хлопок, а через секунду нас подхватило и мотнуло, накрыв волной горячего воздуха. Через плечо я увидел огненные клубы, медленно и величаво крутящиеся, как колёса какой-то адской мельницы. Потом рвануло ещё раз. А ещё потом "Ставрик" ударило с такой силой, что я тяжело клацнул зубами, и во рту появился вкус металла.

— Что случилось?! — крикнул я.

— Горим, Колька! — ответил Витька.

У нас горел нос. Те самые чёртовы бутылки, будь они неладны! Но это было ещё не всё. Я увидел, что оба колена у Витьки раздроблены — кровь текла буквально ручьями через пятнистую ткань.

В нас попали. И попали здорово — попали именно тогда, когда аппарат потерял управление от удара взрывной волной третьего резервуара, сдетонировавшего от двух первых.

— Витька, я сейчас! — я начал отстёгивать ремни, чтобы перелезть к нему. Но тут же сообразил, что уже поздно. Аппарат не потушить. Вниз летели тягучие огненные струи, как будто мы напоследок решили отбомбиться.

Напоследок.

Да и сам Витька, в сущности, уже горел... Он развернул машину, и она тяжело, но уверенно снизилась почти к дороге и помчалась обратно. Я не совсем понимал, что хочет мой пилот.

— Прыгай! — крикнул Витька, поворачивая ко мне голову. — Прыгай, Колька! Лезь на крыло и прыгай вниз!

— Я тебя не брошу! — прижав к плечу РПК, я дал очередь по мелькающим внизу транспортёрам. Языки огня, отрываясь и бледнея, лизнули мне сапоги, я выпустил оружие, хлопками затушил штанины. — Прыгаем вместе!

— Нет! — крикнул он. — Вон, видишь?!

И я увидел.

От уцелевших трёх резервуаров в разные стороны разбегались, спотыкаясь и падая, солдаты. Не все — несколько человек спешно наводили стволы швейцарских ЗУшек — отличных аппаратов...

Я увидел и понял, куда Витька направляет "блюз".

— Колька, прыгай, уйдёшь, сумеешь! — крикнул Витька. Огонь лизал ему лицо и руки. — Колька, прыгай!

— Нет, — ответил я, перетаскивая на колени две гранаты из ящика.

— Дурак! — крикнул Витька, пикируя к самой земле. Очереди шли где-то над нами... Мелькнуло смуглое усатое лицо, в глазах — мутный ужас, рот перекошен.

Первая "колбаса" выросла и закрыла собой весь мир.

— Иду, пап-ка-а!!! — услышал я ликующий крик Витьки — из того комка пламени, в который превратился уже весь нос "блюза".

Больно не было.

Совсем.

Александр Розенбаум

## КАМИКАДЗЕ

Я по совести указу  
Записался в камикадзе.  
С полной бомбовой загрузкой лечу.  
В баках топлива — до цели,  
Ну, а цель, она в прицеле,  
И я взять ее сегодня хочу.

Рвутся нервы на пределе —  
Погибать — так за идею.  
И вхожу я в свой последний вираж.  
А те, которые на цели,  
Глядя ввысь, оцепенели,  
Знают, чем грозит им мой пилотаж!

Парашют оставлен дома,  
На траве аэродрома.  
Даже если захочу — не свернуть.  
Облака перевернулись,  
И на лбу все жилы вздулись,  
И сдавило перегрузками грудь.

От снарядов в небе тесно,  
Я пикирую отвесно,  
Исключительно красиво иду.  
Три секунды мне осталось,  
И не жаль, что жил так мало,  
Зацветут мои деревья в саду!

Не добраться им до порта,  
Вот и все. Касаюсь борта,  
И в расширенных зрачках отражен  
Весь мой долгий путь до цели,  
Той, которая в прицеле.  
Мне взрываться за других есть резон!

Есть резон своим полетом  
Вынуть душу из кого-то,  
И в кого-то свою душу вложить.  
Есть резон дойти до цели,  
Той, которая в прицеле,  
Потому что остальным надо жить!

## 7. СЛОВО "ЧЕСТЬ"

Вставай, страна огромная!

Вставай на смертный бой!

"Апач" сбили мальчишки — Макс Дижонов и Жорка Тезиев. Но "завели" вертушку мы, как и было задумано — метались, култыхались, как курица без головы — и амерос купился, погнал нас обратно к своим. Типа в плен. Последнее время они не наглеют, вышел запас наглёжа, но как на такое не повестись? Мы, кое-как ковыляя, вышли точно на приметную скалу, где пацаны и всадили в винт и кабину две гранаты из снятых со своего "Олежки" РПГ-2.

"Апач" сундуком грохнулся на дно карьера. Я, когда увидела это, чуть не выскочила из машины. Особенно было здорово, что РПГ сняли с "Олежки". Как будто мой брат всё ещё воюет...

И Колька воюет. Наш со Светкой "блюз" — новенький — я так и назвала "Николай Реузов". Светка была не против, хотя у неё тоже погиб отец...

Летал у нас и "Виктор Барбашов" — на нём были Тошка Задрыга и Витька Тимко. И вторая девчонка была — точнее, уже, так сказать, девушка, сестра Ваньки Тимкина, Женька, стала фельдшером в сотне. Девчонка-казак!!! Впрочем, с нами было ещё круче... А вот ни Андрюшка, ни Женька в сотню не вернулись — оба стали инвалидами. Женька ещё ничего, а Андрей сам почти не может ходить. Выйдёт из дома, пройдёт сто метров — и задыхается... И нам прислали ещё одного "грифа" — на него наконец-то пробился наш красавчик Димка Опришко, а его место в мастерских занял парень из иногородних, но повёрстаный...

...Сейчас я оттаяла и даже стала смеяться. Кстати, первый-то раз я засмеялась, когда попала двумя гранатами точно в "абрамс", и он — уже когда мы пролетели и врубили движок, уходя — взорвался так, что башня полетела вверх, вращаясь, как тарелочка, метров на двадцать, наверное. А до этого я ходила чёрная. Даже мама Кольки пришла в себя быстрее — может быть, потому что вокруг неё были дети, и этот мелкий, Дениска, от неё почти не отходил. А у нас в семье никого не осталось. Бабы. Две сердцем больные и одна на голову, как сказал Шевырёв, когда я всё-таки добила своего — зачисления в лётный состав. Я и внимания не обратила, хотя раньше не спустила бы такого даже атаману. Всё равно, ведь Кольки больше не было.

Мы долго не знали, что с ним случилось. А потом в станицу пришла целая толпа народу из-за линии — вооружённые абхазы, несколько грузин и курдов, трое немцев — бывших наёмников ООН, а с ними — человек двести детей разного возраста, которых эти гады-ООНовцы держали в одном из лагерей под Краснодаром и хотели продать, но они сбежали во время какого-то налёта. Вот все они видели, как погиб "Ставрик".

Витька с Колькой загорелись. И врезались в цистерну с бензином. Ахнуло так, что... в общем, ясно. Я видела такие вещи. Потом уже, но видела.

Вообще девчонкам в окружении мальчишек живётся не так уж плохо. Если исключить разные подначки (почти все с сексуальным подтекстом, ну сдвинутые они в этом возрасте на сексе, больные просто!), то — даже очень здорово. Нас бы, наверное, и летать-то не пускали, записывали бы нам свои вылеты, если бы мы сами не рвались в бой.

Начинался сентябрь, жаркий и ветреный, и мы базировались уже не на станицу, а на автопоезд, таскавший наши планеры то туда, то сюда вместе с топливом, боеприпасами, жилыми кунгами... Бои шли на территории Карачаево-Черкесии, и бои такие, что летние дела казались так — игра в войну... Даже ночью всё горело и ухало. Навстречу нам прорывались армяне и абхазы, с фланга шли осетины, а где-то за горами за долами били турок восставшие курды... Говорят, на Северном фронте, где наши освободили Астрахань и соединились с наступающими от Оренбурга 4-й и 12-й армиями РНВ, было ещё круче, но мне не верилось. Куда уж.

Никто уже давно не совершал подвигов. Мы просто воевали — и сильно удивлялись, даже злились, когда какой-нибудь репортёр, заблудившийся во времени, по привычке начинал нас расписывать, как "героев": делать, что ли, нечего?! Кстати, Борька Коломищев с Колькой Белозеровым и правда получили "героев" — они в конце августа уничтожили штаб Южной группы противника, одних генералов накрылось восемь, причём трое — ядрёные, американские; мальчишки забросили гранаты чуть ли не в окна...

...Мы со Светкой задирали ноги на ящики из-под американских пайков и хохотали. Мальчишки — Макс и Жорка — расписывали, как накрылся "апач", перемежая свою речь диким матом. Остальные тоже ржали, как кони. Тимка дёргал струны гитары. Дёргал-дёргал со странной улыбкой, а потом врезал одну из наших любимых яростных песен — про Амазарского Ястреба... И все сразу стихли, только Тимка напористо говорил слова:

— Я ехал на верхней полке — сидел, грустил об ушедшем счастье,  
Практически не держали меня ни ноги, ни тормоза —  
Когда, будто взрыв гранаты, возник за окном белоснежный ястреб...  
Где-то неподалёку от маленькой станции Амазар.

И я перестал грустить и гадать, куда увезёт кривая!  
На скользкие провода, накренившись, выкатилась луна,  
Когда параллельным курсом — не обгоняя, не отставая —  
Летел амазарский ястреб, белея в сумерках у окна!

Я верю: ищущий обрящет!  
Не просто верю — я знаю наверняка...  
Возьми мой адрес, пиши мне чаще,  
Смешная девочка с маяка...  
Возьми мой адрес, пиши мне чаще,  
Смешная девочка с маяка...  
Ра-та-та-та! — сказала гитара, и я вздохнула, кладя голову на плечо Светки. Вот сейчас...

— Лишь маховое перо в приоконном ветре дрожало еле...  
Дрожало — почти вплотную к моим слипающимся глазам!  
И я, засыпая, слышал: "Мели, Емеля — твоя неделя!  
Ты сделай свою работу, парень — дальше я справлюсь сам..."

И верю я в эту смесь иллюзии, снов и были —  
Что, в клочья порвав экраны, чернее сажи и чёрта злей,  
Лихой паровоз Люмьеров ворвался в зал и пошёл навывлет,  
Разбрызгивая по стенам месёв, мадамов и мамзелей!  
И припев поддержали голоса ещё нескольких мальчишек:  
— Я верю: ищущий обрящет!  
Не просто верю — я знаю наверняка...  
Возьми мой адрес, пиши мне чаще,  
Смешная девочка с маяка...  
Возьми мой адрес, пиши мне чаще,  
Смешная девочка с маяка...

— А тот, кто тебе поможет, уже проявляется — видишь, парень?  
Почти что реален, пусть чёрно-белый, но — как живой!  
С матом и песнями, подобно гоплиту у Марафона,  
Несётся он вниз по склону, вращая оглоблей над головой...

Сейчас... сейчас... Я подняла голову и смотрела на Тимку, не отрываясь.  
— А свиньи летят в Австралию — свиньи гордятся собою, что ты!  
В планах — машина, вилла, яхта, случка и опорос...  
Свиньи летят в Австралию — свинонесущие самолёты,  
Рыгая от содержимого, отрываются от полос.

Ну... яхта, конечно — плюс-минус... Свинья рождается старой!

Мечты у неё свиные, вся прошлая жизнь её — попсня!  
А вслед, расправляя крылья, взлетает ястреб из Амазара!..  
...Я сделал свою работу. Дальше он справится без меня.  
А припев теперь пели вообще все.  
— Я верю: ищущий обрящет!

Не просто верю — я знаю наверняка...

Возьми мой адрес, пиши мне чаще,

Смешная девочка с маяка...

Возьми мой адрес, пиши мне чаще,

Смешная девочка с маяка...

"Я верю: ищущий обрящет!", — повторила я и перекрестилась. Конечно, это не молитва. Но кто сказал, что молитвы — это то, чем учат в церкви? Я вспомнила крестик Кольки — каменный, неровный, который он нашёл на взлётке. Что же, он был не настоящий, потому что его не освятили в церкви? Чушь...

Я хотела ещё подумать о Кольке. Но не успела.

— Ребята! — крикнул, появляясь на пороге, Колькин брат Сашка — ну, Кольки Радько, нашего командира — как всегда, резкий и непредсказуемый. — Ребята, пленные!

На него посмотрели, как на сумасшедшего. Ну пленные, чего орать, да ещё с таким чокнутым лицом? Но Сашка и правда заорал — ещё громче:

— Да ребята же! Американцы пленные!..

...Их было много. Наверное, не меньше сотни, и они шли во всю дорогу, без строя, под охраной верховых терцев. Мы, как высыпали из кунга, так и замерли толпой, дыша друг другу в затылки и недоумённо глядя на происходящее.

И не мы одни. Наши повыскакивали кто откуда — и замирали у дороги, натываясь на невидимую стеночку.

Я смотрела жадно, так жадно, как пьют в жару холодную воду. Смотрела и не могла "напиться".

Они были рослые, могучие, намного здоровей большинства наших казаков. Даже молодые совсем — накачанные. Но форма без ремней, снаряжения и оружия казалась какой-то мешковатой. Да и сами они шли тяжело, загребая здоровенными ботинками пыльную дорогу, не поднимая глаз — редко-редко кто осмеливался вскинуть голову, да и у тех я видела на лицах только отчётливый, неприкрытый страх. И мне не верилось... не верилось, что вот именно эти люди, именно они бомбили, убивали, жгли нас походя, как мы морим тараканов или мух — чтобы не мешали под руками... Скольких наших они убили? Я различила несколько оливковых комбинезонов лётчиков. Сколько домов они сожгли? Может быть, тут, в этой молчаливой, устало шаркающей ногами колонне, были те, из-за кого в нашу станицу пришли почти сто похоронок? Я металась взглядом, словно можно было прочесть на их опущенных лицах какие-то следы, знаки, указатели злодейства. Но видела только страх и усталость.

И пожилой терский урядник, приостановив рядом с нами белого коня, усмехнулся и бросил, кивнув в сторону пленных и закуривая трофейную сигарету:

— Не всё волку брать — берут и волка. Так-то, летунки вы наши родные... — и тронул круп коня нагайкой, унёсся в голову колонны.

А колонна шаркала, шаркала... И я вдруг ощутила странное желание — чтобы они ушли. Нет, не чтобы их отдали мне и я их убила (как я мечтала много раз, когда уже не оставалось сил плакать в подушку). Нет, понимаете, нет.

Чтобы они поскорее ушли. И чтобы я про них забыла.

Чтобы все про них забыли. Как забывают дурной сон, которому никогда не сбыться.

Не было ненависти. Были гадливость и презрение.

По-моему, то же самое ощущали все, кто стоял вдоль той дороги. Пленные шли сквозь молчание, как сквозь строй.

Колонна уже почти прошла, когда вдруг заплакал Димка.

Мы все сразу повернулись к нему — почти с испугом, что это он?! А он плакал и смеялся, это было странно и даже страшновато. Слёзы текли у него по щекам, в улыбающийся рот, и он смазывал их кубанкой.

— Карта... помните... карта... — бормотал он, всхлипывая и глядя на нас мокрыми счастливыми глазами. — Ну... карта же!!!

И тут я вспомнила. Как ещё в начале лета к нам в станицу опустились листовки — то ли с самолёта, то ли занесло ветром от разорвавшегося агитснаряда... Там была карта Кубани. Аккуратная, с названиями на английском и ярко расчерченными цветными "зонами ответственности". Что туркам, что американцам, что грузинам, что румынам... Тщательная цветная нарезка, на которой нам, русским, не оставалось места. Мы не столько ужаснулись, сколько возмутились: да как же так?! Вот же наша станица! Вот Ставрополь! Взяли они их?! Не взяли! Так по какому праву они раскрашивают нашу землю в свои цвета, пишут свои названия — вон, вместо Ставрополя — какая-то Аллахкала! Как они посмели?!

И вот они шли мимо нас — пленные мимо наступающих. И я подумала, что мы не будем раскрашивать их карты и отбирать их землю. Никогда Вашингтон не будет каким-нибудь Новым Ивановском. Зачем? Нам не нужна их земля. Я не хочу сжечь их семьи в отместку за наших детей и женщин. Даже сейчас — я не хочу.

Пусть их не будет на нашей земле. И всё.

А Димка плакал и твердил:

— Карта... взяли, да, взяли?! Вот вам... карта... взяли!..

Колонна прошла. И я вздохнула с облегчением. Как будто очистился воздух.

Честное слово. И мне кажется, Коля меня бы понял.

\* \* \*

Я наклонилась. Прямо под крыльями — рукой подать, рядом! — шли, переваливаясь в поднятых ими же волнах, ракетные катера нового Черноморского Флота. Много, не меньше дюжины. Было так близко, что я различала стежки на синих Андреевских крестах, которые бились на ветру так яростно, что казались неподвижными. Мне вспомнилось слышанное недавно на флотской радиоволне, когда объявили, что катерники потопили турецкую эскадру — семь вымпелов — на траверзе Севастополя.

— Если в трюмах вода,

И по правому траверзу скалится враг,

Если рвётся душа

Из пробитой груди, словно пар из котлов —

Всё равно никогда

Белым флагом не станет Андреевский флаг!

Мы под волны уйдём,

Не сдаваясь, под гром орудийных стволов!

Я неистово замахала рукой. Хотя, конечно, меня там никто видеть не мог — никого на палубах при такой скорости нет и быть не может. Где-то там, наверное, шли "Терец", "Кубанец", "Пластун", "Казак"... Катера, построенные на собранные у нас деньги.

"Тони мразь с земли, воздуха и воды!" — вспомнила я лозунг плаката, который недавно Илюшка Лобов прикрепил над своим спальным местом. Боженька, боженька, неужели у нас получается?!

— Дашутка, не спи! — проскрипел в звукопроводе голос Светки. — Ущелье!

Все три планера скользнули в ущелье — один за другим, синхронно падая на крыло. Мы забрасывали сухие пайки горным стрелкам, наступавшим на Поти и Кобулети — в такие места, где не могли летать вертушки, а сброс с самолётов грозил тем, что груз останется лежать где-нибудь в ущелье или вообще попадёт в руки врагу.

— Проснулась! — собралась я. Пошевелила стыковочный узел — дёрнешь, и тюки пойдут вниз. Тут же отдёрнула руку — ещё сбросишь нечаянно.

Ущелье было завалено тут и там снаряжением, тяжёлым оружием, неубранными

трупами... Смердело снизу ужасно; оставалось надеяться только на то, что будущей весной всё это потоки с гор снесут в море. Чёрное и так отравлено сероводородом, так что несколько тысяч турок и грузин особо вони не добавят, а рыбки так даже обрадуются. Мы пролетели над одним из ориентиров — гигантским "лэнсером", американским В-1, сбитым неделю назад. Серо-чёрная бескрылая туша лежала через ущелье, как дикий мост — мы перескочили верхом и опять ушли вниз, почти задевая кончиками крыльев зелень на склонах (осень у нас только по календарю...)

Осталось посвистыванье ветра — Светка вырубил двигатель. В ущельях всегда лучше летать именно так — поймашь поток и паришь десятки километров, если умеючи. А сейчас по ущелью доносило частую стрельбу, уханье взрывов...

"Аэроказак" летел впереди нас, "Вихрь" — позади. Я на всякий случай развернула РПК — единственное наше оружие в этом вылете — направо. Конечно, услышать нас нельзя, а если и увидишь — то вряд ли успеешь сориентироваться и выстрелить... но точно так же думали очень многие люди поопытней нас. Сейчас они "чешут потыльци", как бабуля скажет, на том свете.

Дальше всё было просто, как на скотном дворе. Даже как-то мило и по-домашнему. На краю скальной площадки слева прыгал и что-то нехорошо орал, размахивая "сферой", бородатый мужик, выше растопырила ручки команда поддержки (как будто тюки прямо сейчас начнут им в эти ручки падать — посмотрела бы я на такое...) Триста метров вперёд и правее змейками — как ручейки муравьёв — спешно спускались в ущелье люди в серой форме — турецкие горные стрелки. Двести метров вперёд и левее — люди в ковыльном — наши горные стрелки — сидя и лёжа среди камней и зелени, вели огонь из всего, что было, включая два снятых с выюков КПВТ и два миномёта. Над ними билось чёрно-жёлто-белое знамя. На дне ущелья, венчая военное безумие происходящего, торчал невесть как туда попавший лёгкий танк ПТ-76, истекая вязким чёрным дымом, который и вверх-то подниматься не хотел — стелился по земле. Возле пушки задумчиво сидел танкист — в расслабленной позе философа. Он был, конечно, убит.

Вот такая зарисовка... Я крутнула стволом и начала сосредоточенно выкашивать турок — там, где сверху мне их было видно, а нашим снизу — нет. Илюшка Лобов с Сашкой Тасоевым поддержали меня из РПК и ПКМ. Наши машинки ушли вверх, потом — на "горку". Я рванула стыковку, отправляя два узла и правда почти в руки молодого парня, который смотрел на меня из-под выбившейся на прикрытый "сферой" лоб светлой чёлки с восторженным обожанием, широко раскрыв глаза. Потом парень плюнул кровью и упал на тюк, обнимая его.

Это было последнее, что я видела — мы уже неслись прочь над самой землёй...

...Ночью был большой воздушный бой. Я не спала — сидела и читала под ручным фонариком книжку про Джен Эйр, невесть как попавшую к нам. Потом вышла по делу и увидела, что на юго-западе всё небо в огненных точках. Больше, меньше, мерцающие, вспыхивающие... Их были сотни. Некоторые разрывались в воздухе и гасли градом мелких искр, другие неслись к земле...

Только утром мы узнали, что это разбили последнюю авиагруппировку врага, прикрывавшую турецкие границы.

\* \* \*

— Ты чего в отпуск не поехал? — Олег Барбашов, прекратив возиться с кассетой осколочных бомб, закреплённой на стойке, оглянулся через плечо на своего пилота Опришко. — Димка, хорунжий, эу! — он присвистнул.

— Да ну, неохота, — пожал плечами Димка, и его девчоночье, но загорелое дочерна лицо стало задумчивым. — А что, мама спрашивала?

— Ну да, — Олег сел боком на своё место. — И вообще... — он засмеялся. — Не поверишь, у нас в станице пионерский отряд организовали. Красные галстуки, всё как в кино. И наши, и иногородние из детдома...

— Олешка, — Димка тоже сел к себе. — Олешка, тебе не кажется, что всё-всё-всё, что до войны — было та-а-ак давно, что... — он вздохнул и не договорил. Но Барабаш понял:

— Кажется, — ответил он, играя ремнём закреплённого в зажиме АКМ. — Да... А ведь полгода не прошло... — он взгляделся в лицо пилота. — Казак, ты чего?

— Да так, — Димка улыбнулся. — Устал я. Сильно устал. Уж очень всё долго. Я головой понимаю, что недолго, а... — и он вздохнул.

— Ну и ехал бы как раз отдыхать, чего ты! — Олег встал, ещё присмотрелся и предложил: — Слушай, давай не полетим. В смысле, ты. Скажешь, что приболел. А я Дениску Коломищева из техсостава возьму за пилота. Он давно просится.

— Да иди ты, — усмехнулся Димка. — Пошли чаю выпьем и полежим малость, стемнеет скоро.

— А то смотри, — Олег покачал головой. — Чего проще...

— Чаю выпьем пошли, я говорю, — Димка стукнул Олега в плечо...

...Свята земля, не свята — иль в пиру, иль в бою...

На ней не найти ни Эдема — ни даже Сезама...

Но Маленький Принц покидает планетку свою,

Как, будь он большим, покидал бы свой каменный замок...

Он держит в руках окончанья священных границ,

Стоит, каменея в потоках стремительной жижи,

И небо над ним опускается ниже и ниже,

И чёрные тени ложатся у впалых глазниц...

— Можно лететь, — тёзка Барбашова, старший техник Олег Синицын, из добровольцев, хлопнул по подставленным ладоням. Экипаж "Мстителя" занял свои места. Димка продолжал слушать плеер...

— В слепой крови, прокушена губа.

Ему б давно сказать — мол "не играю!",

Но... солнышко не светит самураю

За гранью полосатого столба.

Обрывками приставшая к спине,

Душа его по краешку прошита

Нервущимися нитями бушидо —

И этого достаточно. Вполне...

— Снимай давай, — сказал Олег, пристёгиваясь. Показал жестом: "Сними!" Опришко помахал рукой:

— Потом, когда подойдём, дай послушаю.

— Ладно, — хмыкнул Барбашов, — запускай, я готов...

... - В ночи Гиперборея не видна...

Стрихнином растворяется в стакане

Печаль твоя, последний могиканин...

Так вырви же решётку из окна!

Из сердца заколдованных трясин,

Где мутная вода под подбородок,

Летучий dream болотного народа

К подножию рассвета донеси!

А в час, когда полночная звезда

Взойдёт на полог млечного алькова —

Налей себе чего-нибудь такого,

Чтоб не остановиться никогда...

Димка думал об отце, глядя вниз и вперёд. Руки сами совершали привычные движения, а он думал о том, что отец погиб. Давно, но он не может отделаться от этой мысли. Хотя погиб не он один. Колька Реузов тоже погиб, например... Димка вспомнил, как сперва искренне принял Кольку за вражеского шпиона и собирался пытаться. Улыбнулся смешному

воспоминанию — как будто это было воспоминание о детской игре. Ну да. ОНИ тогда все были живы. Погибали только отцы и старшие братья...

— А потом ты уснёшь — и, быть может, увидишь ещё,  
Как медленно солнце встаёт, разгибая колени,  
И Маленький Принц покидает свои укрепления,  
Горячим стволом согревая сырое плечо.

Взойдёт над миром полная Луна —  
Прекрасна, но — увы! — непостоянна...  
Забудьте обещанья, донна Анна.  
Не стойте у открытого окна...

Он снял наушники и аккуратно повесил на специальную проволочную стоечку. И расстелил на коленях карту. Привычно положил на неё светокристалл.

— Десять минут до линии фронта, — сказал в звукопровод.

Олег кивнул, хотя Димка не мог его видеть. Но Димка знал, что Олег услышал и кивнул.

\* \* \*

До кустов "Мститель" всё-таки дотянул и врубился в них, с треском ломая крылья. Мальчишки скатились в ветки, как два больших мяча.

— Цел?! — выдохнул Димка.

— Плечо, — отозвался Олег.

Сюда добивал свет от пожара в ущелье. Потом там начало бахать, и при свете мгновенных вспышек стало видно лезущих вверх по склону турецких солдат. Их гортанные злые вопли доносились и сюда.

Плечо у Барбашова было явно раздроблено, рука висела плетью. Лицо во взрывающейся темноте сделалось белым, его покрывал крупный пот. Димка стащил с турели разбитого мотоплана ПКМ, выволок коробку с лентой.

— Уходи скорее, — сквозь зубы сказал он Олегу. — Я приказываю, я старший.

— Пошёл на хер, — сказал Олег, одной рукой изготавливая к бою АКМ.

— Уходи, сука, — ласково сказал Димка. — Уходи, Олежка. Батя ваш погиб. Витька тоже погиб. Если и ты не вернёшься — что тогда? Ты подумал, что с твоими будет — второго сына даже не похоронить?

Приём был нечестным, но действенным. Олег окаменел, дёрнул лицом, разревелся и, попятившись в темноту, пропал. Димка прокрался чуть в сторону, лёг между двух камней. В "Мстителе" с хлопком взорвался топливный бак. В этой вспышке Димка увидел турок в двух десятках шагов — впереди, внизу и сбоку. Они замерли на миг, глядя на взрыв.

Он медленно повёл стволом ПКМ, очищая склон...

...Когда ПКМ выплюнул последнее звено ленты и наступила звенящая тишина (которой на самом деле не было, она жила только в ушах Димки), мальчишка дождался, пока турки начнут подниматься, с обеих рук швырнул вперёд две РГД-5 и сразу за взрывом рванул сам, стреляя в упор из АКМ, к которому примкнул заранее пулемётный барабан. Он знал, что делает, потому что ещё при взрывах бомб, которые сбрасывал Олег, разглядел внизу хорошо знакомый по рисункам и фотографиям грузовик с кабиной поста операторов БПЛА.

Такой шанс нельзя было упускать. Никак нельзя.

Последнюю, третью гранату он бросил в бегущих навстречу часовых. И сам останавливаться уже не стал, лишь пригнул голову и только чуть замедлил бег, когда ударило навстречу взрывной волной.

Прошив дверь очередью, мальчишка вломился внутрь, выбивая её плечом...

...Уорэнт-офицер Кински узнал мальчишку сразу. Мгновенно, хотя тот появился из невозможности — из ночного кошмара, из взрывающейся и горящей темноты, сразу после

того, как по двери застучали пули.

Кински узнал мальчишку, хотя лицо его было чёрным от гари и искажённым яростью. Узнал, потому что вспомнил эти глаза и губы — шептавшие прямо в камеру сбитого "прэдатора", данные которой он отслеживал: "Я тебя убью... Ты слышишь меня, падаль? Не прячься. Я тебя найду и убью за моего баты. Жди."

Этого не могло быть, но это было. Кински вскинул руки и с истошным воплем закрыл ими — накрест — лицо.

Димка не мог узнать оператора, он никогда его не видел. Он просто прошёл его и ещё двоих очередью, а остатки магазина выпустил по аппаратуре. Потом хотел сменить магазин — но его что-то с размаху ударило сзади в поясницу. Димка взмахнул руками и упал, не выронив автомат, со ступенек. Он ударился бедром, распорол его об угол лесенки, но боли не ощутил — две пули раздробили крестец и позвоночник.

— Господи, — сказал Димка и начал менять магазин. Подбегавший офицер выстрелил в него, попав в живот и грудь. — Господи, — повторил мальчишка, передёргивая затвор. Закашлялся и срезал офицера, но удержать автомат не смог.

— Живым брать! — послышался крик по-английски. — Сдавайся, казак! — ещё один офицер, американец, крича это уже по-русски, подбежал к мальчишке и наступил на автомат. Грудь американца ходила ходуном. — Сдавайся, мы сохраним тебе жизнь!

Губы мальчишки скривились.

— Чем от бесов дожидаться наград — лучше вовсе не дожить до седины, — сказал он тихо, но отчётливо в азартное лицо, плававшее над ним. И повернулся на бок, вздрогнул и сжался...

...Когда турецкие солдаты его перевернули, то отшатнулись.

Слева в груди под ребрами торчала рукоять сильным ударом загнанного до сердца засапожного ножа.

\* \* \*

Олег Барбашов вернулся к нам уже из госпиталя. Он выбрался к позициям чэзэбэшников почти ползком — потерял много крови и слегка тронулся головой. В госпитале его привели в себя... Почти одновременно с его возвращением, чуть раньше, нам дали машину взамен погибшего "Мстителя". Как раз Олег рассказал, что случилось и как всё было. Рассказал всё честно и, хотя никто не думал его обвинять ни в чём, стал молчаливым и замкнутым. Дениска Коломищев сделался у него пилотом, на место Дениса взяли парнишку из добровольцев, не казаков — Кольку Есенева.

Новый аппарат, конечно, назвали "Дмитрий Опришко".

Дмитрий Ляляев

ПРОЩАНИЕ

Жестокий романс.

Посвящается павшим в Афганистане и Чечне.

И их возлюбленным.

Чайки небо штурмуют крылами ребристыми,  
И светило замедлило пламенный ход.  
Я прощаюсь с тобою на мраморной пристани,  
Отправляясь в последний крестовый поход.

О себе не скорбя, за победу лишь ратуя,  
Как достойная дочь скандинавских княгинь,  
Ты не плачешь, о нет! Ты холодная статуя,  
Ты бесстрастнее греческих древних богинь.

Я хотел бы спросить боевого товарища,  
Не в себя ль мы частим за стрелою стрелу?  
Там, где ищем мы славу, находим пожарища,  
Где встречаем любовь, оставляем золу.

Перерублен канат. Огневыми раскатами  
Артиллерия выдаст финальный салют.  
Я прощаюсь с тобой парусами распятыми,  
Я надеюсь, меня не напрасно убьют.

Догорал горизонт, пожиривший флотилию,  
И пронзительный стон чьи-то губы разжал.  
Нет, она не рыдала, поддавшись бессилию,  
Но зачем-то к груди прижимала кинжал.

Чайки в небе кружили толпой окрылённою,  
Не пытаясь достигнуть арабских руин.  
И студёное море, на миг изумлённое,  
Потеплело от алой горячей струи.

8. Я — ОГОНЬ!  
Над рассветной твоей рекой  
Встанет завтра цветком огня  
Мальчик бронзовый — вот такой,  
Как задумала ты меня.  
И за то, что последним днём  
Не умели мы дорожить —  
Воскреси меня завтра в нём.  
Я его научу, как жить!

П. Шубин

Известие о принятом "наверху" решении о демобилизации всех, кому не исполнилось 16 лет, даже из тыловых подразделений, застало Крылатую Сотню на рокаде Трабзон-Эрзурум.

— ... в двухнедельный срок! — трагическим голосом закончил сотник Колька Радько и швырнул копию приказа под ноги, после чего совершенно непохоже на себя — скорей похоже на своего младшего брата — с полминуты вполне искренне топтал и пинал несчастный листок под одобрительный гневный гул сотни.

— Они с кем воевать собираются дальше?!

— Даёшь Константинополь, казаки!

— Не подчиняться!

— А войско утвердило?! Утвердило войско?!

Мат-перемат мальчишеских и девчоночьих глоток.

— Не сдавать оружия!

— Никуда не пойдём!

— Не, надо к тётё Маше (1.) идти! Делегацию! Даёшь делегацию!..

---

1. М. Лагутина (см. рассказ "Земля в сапогах")

...Почти четырёхмиллионные вооружённые силы новой России в этот период — хотя никто из казачат и не знал этого и никогда этим не интересовался — включали в себя не менее 100 тысяч самых разных — от австралийцев до канадцев — иностранцев, почти 300 тысяч женщин — от снайперов до генералов — и порядка 200 тысяч этих самых, которым "не исполнилось". И не только шестнадцати, но зачастую и десяти. Сколько этого добра было в разных отрядах на Украине, в Прибалтике, Белоруссии, Казахстане — никто не считал, так как там не имелось власти, способной это пересчитать; а ведь в связи с грядущим восстановлением Союза это теперь тоже было головной болью Новгорода. Головной болью — потому что довольно сложно изъять у повоевавшего мальчишки оружие и найти аргументы, способные убедить его вернуться в мирной жизни... плюс к этому — многим просто некуда было возвращаться. Но решение было принято — его следовало выполнять. Да и назвать его неправильным было бы глупо. Никто не сосчитал, какие потери в людях понесла Россия — но что они исчисляются миллионами — сомнений не вызывало. В принципе, и войну-то решено был остановить, не залезая в дальние дали — мыть сапоги в Индийском океане никто не собирался, благо, все силы, способные как-то воздействовать на Россию, сцепились кто между собой (как Индия и мусульманский мир), кто внутри себя самих (как США или Китай)... Войну следовало "сворачивать" — а для достижения оставшихся целей (Болгарию и Югославию — сюда, остатки оккупантов — отсюда... и оттуда...) вполне хватит и взрослого состава армии. И губить под занавес войны будущее нации было бы просто преступлением...

...Правда, само "будущее" гневно митинговало по всем фронтам, не только на горячем казачьем юге. И совершенно не ценило заботы власти о себе неоценимом.

\* \* \*

Снаружи было холодно — не меньше минус двадцати — с ветром. Полёты легкомоторной авиации в такую погоду запрещались напрямую.

— А вообще знаете, — вдруг сказал Витька Тимко, — а ведь это правильно.

В тёплом помещении, где около большой печки-самоделки с "вечным огнём" из солянки собралась практически вся сотня, наступила нехорошая тишина.

— Поясни свою мысль, — потребовал Володька Тезиев.

— А что тут пояснять? — ответил Витька. — Война за Родину почти закончена. Начинается война за её интересы. Чуете разницу?

— Нет, — ответил Володька.

— Ну и дурак.

— А за интересы ты воевать не согласен? — не без ехидства уточнила Светка Супина.

— Почему? — не обиделся Витька. — Согласен. Только власти не согласны, чтобы я за них воевал. И правильно делают, что не соглашаются. А нам надо обратно, в станицу.

— Хватит спорить, нас не спросят и никакая делегация не поможет, — сказал Колька. Помолчал и добавил: — А вообще-то да. Правильно.

— Угу, — ядовито сказал Сашка, его младший брат. — Ещё в шко-олу скажи надо вернуться...

— Надо, — подтвердил Колька спокойно и серьёзно. Сашка сплюнул в солярное пламя.

— Счас, побегу.

— Побежишь, кому ты нужен с шестью классами, — сказал Колька. — Уж точно не

России. Как миленький побежишь, хвост задрал, и будешь учиться за себя и...

— ...и за того парня? — ехидно спросил Сашка.

— И за того парня, — согласился Колька. — За Олежку Гурзо, например, — он посмотрел на сидящую сбоку от печки Дашку. — И ещё много за кого... наших ребят на всех хватит. Разобрать по одному — и за него жить, учиться, детей родить и вырастить... Иначе мы не люди, а полова. Ветру дунуть — и память долой.

— Ну... — Сашка неловко усмехнулся. — Ну ты повернул, брательник...

— Это ты не верти, — тихо сказал Колька. — Мы теперь все... в тени памятника жить будем. Если кто понять этого не может — прямо ко мне обращайтесь, я объясню подробно. А если кому после лампасов, кубанки и военных подвигов в падлу учебник открыть — тот не казак, а казуня (1.).

— Скажешь тоже... — Сашка покраснел и уставился в пол.

— А вот как скажу — так и есть, — отрезал Колька. — Я тебе и старший брат, и командир. И отец тоже.

Теперь никто не возразил сотнику. Все размышляли, причём всерьёз, по-настоящему. А Колька спросил повеселевшим голосом:

— Девчонки, как там торт?!

— Готов! — Светка приподняла верхнюю сковородку из двух, стоявших на печке. Торт, который готовился в этой импровизированной духовке, был сделан из размоченных макарон и варёной сгущёнки, причём выглядел и пахнул он обалденно. Кто за кипяточком пойдёт?

— Я, — поднялся Пашка Дорош и, прихватив не много не мало два ведра, натянул капюшон куртки и вышел на мороз.

Полевой лагерь 12-го авиаполка был окутан вечерними снеговыми сумерками. Где-то вдали трещала перестрелка, перестук и уханье казались привычными и совершенно безобидными. На небо выкатывалась луна, с сугробов вдоль дороги ветер срывал призрачные серебряные вихри. Где-то неподалёку колонки играли "Кострёму". Вдоль дороги слева лежали сдвинутые в кучи трупы замёрзших во время бегства турецких солдат — нестрашным валом, тут и там острым от торчащих рук и ног.

Пашка подумал, что домой всё-таки хочется. И ещё — как им офигенно повезло: и он, и Петька, и Захарка — все живы, а ведь все в лётном составе.

— На казачьем жаргоне — презрительное "казачишка". Означает так же "ряженого" казака, каких появилось много в "демократической России".

— Не, правда домой пора, — сказал он и заторопился к кунгу полевой кухни...

... - Кисло, парень. Дело не в тебе самом...

Жизнь тяжела, как борец сумо —

Пузом напирает, хочет выбить из круга нафик...

Не поддаться смуре удаётся с трудом...

Госпожа удача позабыла твой дом —

Видимо, её колесница попала в трафик...

Тимка поднял голову, задумчиво посмотрел в потолок, пощипывая струны гитары. Пахло теплом и настоящим чаем, казачата лежали вповалку вдоль стены кунга на разбросанных одеялах и спальниках — головы-руки друг другу на плечи, двум девчонкам лучшее место — слушали...

— Когда ты брёл наобум

Среди толкучки людской,

Хлебал, пугая судьбу,

Коктейль из пива с тоской,

Ты мог ли думать — скажи? -

Что, бородат и лукав,  
Какой-то встречный мужик  
Возьмёт тебя за рукав,  
Скажет  
"Ты ведь из наших? Здравствуй, казак!  
Здравствуй, казак!  
Здравствуй,  
казак..."

Каждый божий день — всё та же муть, что вчера...  
Вновь бензопилою завывает с утра,  
Злая жена, извергая опилки быта...  
Только всё яснее слышно день ото дня,  
Как за горизонтом стремянами звенят  
Золотые кони, серебряные копыта...

Плыла полярная ночь,  
Стоял на бреге казак,  
Костры немирных чулоч  
Ему светили в глаза...  
Но сердце чуяло суть,  
И разум был начеку,  
Луны холодная ртуть  
Сбегала вниз по клинку,  
И ветер пространства пел, узнавая:  
"Здравствуй, казак!  
Здравствуй,  
казак..."

Слышал я, что ты учился спать на снегу,  
Слышал я, потом ты вставил в ухо серьгу,  
Но — в один из дней, как гласит легенда —  
Как и полагается, ты встал в стремяна,  
Всех, как полагается, пославши на х  
ороша эта сказка — без хэппи-энда...

4.  
И в Амазонских лесах  
Гулял казак наяву,  
И государев ясак  
Возил с Камчатки в Москву,  
Сквозь вулканический пар  
Алел нездешний рассвет,  
И золотой ягуар  
Бродил по прелой листве  
Время настало, сказка вернулась!  
"Здравствуй, казак!  
Здравствуй, казак!  
Здравствуй,  
казак..." (1.)...

---

## 1. Стихи О.Медведева.

...В эту ночь началась массовая эвакуация американских солдат из портов Балтики и Чёрного моря.

Отряды "Боевых Крестов" закончили зачистку Марсея от боевых групп мусульманских экстремистов; на улицах города сосчитано более 80 тысяч трупов, жертв сентябрьской резни белого населения, устроенной ваххабитами.

Епископ Бильбао отец Саррагеша объявил Вторую Реконкисту начатой.

Войска Ирана подошли к столице Пакистана Исламабаду с юго-запада, индийские части — с юга.

Эпидемия оспы в Центральной Африке уничтожила остатки населения, окончательно превратив четверть континента в безлюдную пустыню.

Около знаменитой статуи Иисуса лидер геваристов Ангийер Пере Санчес призвал добровольцев к записи в ряды формирующегося для отправки на юг США, в Испанию и на Украину Корпуса Борьбы с Дьяволом и подал пример, сложив с себя должность и выступив в ряды Корпуса рядовым бойцом; не все руководители геваристов одобряют решение своего экс-лидера...

\* \* \*

— Вижу их, вижу, первый — вижу, я "Аэроказак", вижу османов...

Цепочка отступающих вниз посыпалась в стороны — как разорванные бусы; Петька Дорош вспомнил — до войны — ему пять лет — он обрывает мамины бусы — шарики скачут в стороны, в стороны... Ветер улёгся, но на скорости всё равно хлестало в лица, было морозно и солнечно... "Крылатая сотня" как всегда выполнила задание — нашла врага на малодоступном даже для вертолётки горном перевале.

Бум, бум! Вверх ушли две красные ракеты, выстреленные Илюшкой. Лобов сунул ракетницу в чехол и с азартным лицом развернул на турели РПК.

— Последний же вылет! — крикнул он в звукопровод. — Петь! Завтра же по домам развезут, давай напоследок!

— Давай! — крикнул Петька, подчиняясь пьянящему чувству победы, уже привычному. Как я буду без этого жить, подумал он, бросая "Аэроказак" вниз почти отвесно и переводя в бредящий — над самыми головами вязнущих в снегу турок.

Планер заколотило — Илюшка стрелял слишком длинно. Петька погрозил ему, не оборачиваясь, кулаком, развернул машину.

— Ещё кружок!

Ещё круг; Илюшка швырнул вниз пустой сдвоенный барабан, лязгнул затвором, перезаряжая РПК. На снегу — трупы и алые брызги, но и тех, кто бежит, ещё немало. А вот и первые разрывы 152-миллиметровых фугасов...

— Всё, уходим! — крикнул Петька, отворачивая в сторону...

...Господи, что у меня с руками, почему они не слушаются?

Как быстро летит внизу земля... снег — белый, чистый...

Мама, это всё?..

...Когда через восемь часов, уже в сумерках, первые группы чэзэбэшников добрались до перевала, то первое, что они обнаружили — валяющиеся тут и там сотни трупов турецких солдат, накрытых артиллерийским валом. Убирать их у турок времени не было.

Потом они нашли на склоне два дерева, к которым штык-ножами, загнанными в руки и ноги, были прибиты изрезанные, обезображенные тела, в которых не сразу удалось узнать двух ребят из Крылатой Сотни. Вырезанные на груди большие кресты давно почернели от мороза, ямы на месте вырванных сердец скалились обломками рёбер.

Для этого отступавшие нашли время. И это были — отчаянье и страх.

Командовавший передовым отрядом штабс-капитан долго стоял на тридцатиградусном

морозе с непокрытой головой и шептал кощунственную молитву — молитву о том, чтобы мальчишки были мертвы в тот момент, когда попали в руки турок...

...Никто не узнал этого точно — но к счастью, так оно и было.

\* \* \*

В грузовиках, увозивших ребят из Крылатой Сотни по домам, не было ни Захара, ни Пашки Дорошей. Их просто не смогли найти — узнав о гибели брата, мальчишки бежали из расположения части.

Они вернутся в Упорную через два с половиной года, побывав аж в городе Триест — кубанцы-пластуны брата Дорош.

Живые.

"Аль-Ру"

МЫ ПОБЕДИМ В СОРОК ТРЕТЬЕМ!

Скоро мы победим,  
Я верю!  
И мама сварит много  
Вкусного киселя из столярного клея...

Скоро мы победим  
И папа вернётся  
Из пепла Вороньей Горы  
В тельняшке, разорванной на груди —  
Он говорил, что фашисты её боятся!  
Пули её не пробьют, только штык!  
А в огне она не горит!  
А в штыки с моряком  
Никакому фашисту не справиться!

Скоро мы победим,  
И с неба  
Больше не будет сыпаться  
На Ленинград  
Ничего,  
Кроме града, дождя или снега!

Скоро мы победим  
И будем жить  
В двух комнатах  
С целыми стенами —  
В них будет столько тепла,  
Что можно будет ходить раздетыми...  
И мама не будет топить до утра  
Буржуйку  
Мебелью и газетами...  
А вторая комната  
До потолка  
Будет наполнена хлебом!

Скоро мы обязательно победим!  
Больше всего на свете  
Я и мама хотим  
Победить в сорок третьем!  
Мы постараемся всем двором  
Пережить-победить  
Эту последнюю зиму  
В СОРОК ВТОРОМ...

#### ОТ АВТОРА

Можно не верить тому, что я скажу...

...Мне как подсказал кто-то эту фамилию — Дорош. И я вывел в рассказах трёх братьев Дорошей — Петьку, Пашку и Захара. Я уже сделал наброски к этому рассказу, когда мне пришла очередная бандероль, в которой Зинаида Павловна Красноок прислала мне набор открыток (кстати, совсем новое издание, 2006 года!) "Юные герои Кубани". Бросив рассказ, я стал просматривать открытки.

ЖЕНЯ ДОРОШ — увидел я на одном из листов...

...Я напишу тут о нём, хоть это и не в тему рассказа.

А впрочем — вру. В тему. Женя Дорош был двоюродным прадедом Петьки, Пашки и Захара. Я так хочу. Это будет справедливо и правильно.

#### ЖЕНЯ ДОРОШ

Анна Васильевна Максимовская, классный руководитель 7-го класса средней школы N 66 города Краснодара, не узнавала своих воспитанников. Суровое военное время сделало их не по годам серьезными, взрослыми. Особенно среди ребят выделялся Женя Дорош. Обычно живой, озорной мальчишка, он теперь после уроков спешил на поле. Наравне со взрослыми работали семиклассники на полях родного колхоза.

Женя очень любил лошадей. Не случайно во время летних каникул он возил на линейке председателя колхоза Василия Никифоровича Овчинникова. В поле выезжали рано, а возвращались затемно. Часто Василий Никифорович спрашивал, не устал ли Женя ездить с ним по полям и дальним полянкам. Нет, не устал четырнадцатилетний паренек, гордился тем, что помогает взрослым, родному колхозу.

...К Краснодару приближался фронт. Далеко в ночи полыхали зарницы...

7 августа рано утром Женя, как всегда, собирался идти на работу. Неожиданно появился Василий Никифорович, который сообщил страшное известие: немцы под Краснодаром! Василий Никифорович уходил к партизанам. Женя просил мать отпустить его с Овчинниковым. Анна Сафроновна и слышать не хотела: мал еще. Тогда председатель поручил Жене важное дело: перепрятать в надежное место документы, которые не успели вывезти из правления. Самые важные спрятать, остальные — сжечь. Василий Никифорович дал Жене револьвер, просил быть очень осторожным с оружием и использовать только в крайнем случае.

Вместе с друзьями Женя бросился в правление колхоза. Задание выполнили быстро. Возвращаться надо было мимо здания школы, где уже расположились оккупанты. Ненависть охватила сердце Жени.

Вот он, враг, напавший на его Родину, вот они, фашисты, от рук которых погиб старший брат... Женя стрелял по врагам, боясь единственного: промахнуться. Он попал три раза. Промахнулся — два. И две пули не успел выпустить — подбежавшие гитлеровцы выбили из рук Жени револьвер. Его били прикладами, ногами; спрашивали, кто послал убить офицера, что знает о партизанах, где взял оружие. Но мальчик молчал.

10 августа измученного, обессиленного, его вывели на школьный двор. И снова пытки. И снова молчал юный патриот. В ярости гитлеровские палачи штыками закололи Женю во

дворе родной школы. Это произошло в августе 1942 года, шел первый месяц оккупации Краснодара.

Похоронили Женю там же, рядом со зданием старой школы бывшего села Калинино, пригорода Краснодара.

#### 9. Б Е Г Л Е Ц

Я вырвусь на свободу —  
Покуда не убили!  
Ну а убьют — за смертью  
Свобода ждёт меня!

О.Верещагин.

Волнение моря — ноль. Нижняя облачная кромка — пятнадцать метров, мачты вспарывают её. Температура — +3 градуса Цельсия, Чёрное море, 120 миль к востоку от Варны.

Серое вытянутое лезвие крейсера "Лэйк Эри" вспарывало тяжёлую гладь моря — крейсер выжимал тридцать узлов. Палуба была пуста — казалось, могучий военный корабль движется сам по себе, и ничто не говорило о том, что за бортом, за перегородками, за стенами надстроек идёт напряжённая боевая жизнь. Русские подлодки из эскадры "Три адмирала" (1.) могли появиться в любой момент, а гибнуть в ноябрьской воде даже в Чёрном море — радости мало. И едва ли не опасней подлодок были прятавшиеся в болгарских скалах ракетные катера гайдуков... Крейсер "слушал" воздух и воду чуткими приборами, готовый в любую секунду обрушить на врага всю свою мощь...

...В форпике "Лэйк Эри" качка ощущалась сильнее всего. Гул воды, рассекаемой острым носом, слышался здесь, как звонкие удары, перемежаемые змеиным шипением — вошедшему в форпик казалось, что он находится внутри огромного раскачивающегося барабана, а духота и запахи усиливали неудержимые позывы на рвоту. Стороннего наблюдателя ужаснула бы мысль о том, что можно тут остаться хоть на одну лишнюю минуту — казалось, чтоходишь в ад.

Форпик пахнул так, как пахнет любое помещение, в котором долгое время заперты много людей — рвотой, мочой, потом, дерьмом. Бедой и страхом. Вот этим пахло сильнее всего — хотя беда и страх, казалось бы, не имеют запаха.

Имеют.

Мальчишке, который, скорчившись, сидел в клетушке в самом носу, сегодня исполнялось пятнадцать лет. Он помнил о своём дне рождения и сейчас, закрыв глаза, улыбался разбитыми губами, хотя это было очень больно — вспоминал своё четырнадцатилетие год назад. Тогда ещё не было войны...

Были и другие воспоминания — как четыре месяца назад ему повезло. Он не умер... и теперь проклинал тот день, когда не умер. Все эти четыре месяца ему хотелось выть и кусать руки при одной мысли о том, что могло бы случиться иначе — и он лежал бы мёртвый рядом с Витькой и сгоревшим "Ставриком" — и не было бы страданий, боли, тоски, а главное — ежедневного, ежесекундного унижения, худшего, чем любая боль.

Он жил только потому, что не хотел умереть пленным. А ещё... ещё где-то внутри каплейкой света в чёрной ночи теплилась надежда. На что? Он не знал. Просто — надежда.

Он открыл глаза. Своего тела давно не ощущалось — шея, запястья и щиколотки были соединены в изуверский блок особой колодкой. Он не отдавал себе отчёта — почему не сломался давным-давно. Просто не сдался. И теперь хлебал полной мерой за всё разом. За то, что русский. За то, что сражался. За то, что упорный. И за то, что не желает скрывать своего презрения к тем, кто был полным хозяином над его телом.

— Коля, — услышал он своё имя. По имени его могли звать только свои. — Коля.

1. Имеются в виду подводные лодки, названные в честь адмиралов флота российского, погибших на своих постах во времена Первой обороны Севастополя.

НАХИМОВ Павел Степанович (1802-55), российский флотоводец, адмирал. (1855). Сподвижник М. П. Лазарева. В Крымскую войну, командуя эскадрой, разгромил турецкий флот в Синопском сражении (1853). В 1854-55 один из руководителей героической обороны Севастополя. Смертельно ранен на Малаховом кургане. КОРНИЛОВ Владимир Алексеевич (1806 — 17 октября 1854, Севастополь), российский вице-адмирал (1852). С 1849 начальник штаба, с 1851 фактически командующий Черноморским флотом. В Крымскую войну один из руководителей героической обороны Севастополя. Смертельно ранен на Малаховом кургане. ИСТОМИН Владимир Иванович (1809-55), российский контр-адмирал (1853). Командир линейного корабля в Синопском сражении (1853). Руководил обороной Малахова кургана во время обороны Севастополя, убит в бою.

Он повернул голову, насколько мог. Скорчившаяся в клетке справа девчонка смотрела на него, прижавшись к прутьям. Её звали Динка, и они познакомились ещё в лагере — три месяца назад. С тех пор не расставались — им повезло.

— Ты живой? — прошептала Динка. Язык ворочался плохо, но он ответил:

— Умер им назло. Ты чего не спишь?

— С днём рожденья тебя, — просунув руку между прутьев, Динка коснулась его щеки.

— Чего? — опешил он.

— Ты говорил, что у тебя день рождения, — пальцы снова коснулись щеки. — Ну так я тебя поздравляю, Коль. Желаю счастья и всего-всего самого лучшего. И долго жизни. Вот... — она тихо вздохнула и негромко запела песенку Крокодила Гены. Про лужи и пешеходов.

Вокруг в клетках завозились. Кто-то в дальнем углу выругался по-абхазски и на ломаном русском заворчал:

— Савсэм ахрэнэли пад канэц... Ищо Новий Год отмэтили бы...

Ему возразили:

— Да пусть празднуют... — а три или четыре мужских голоса и один женский поддержали:

— А я играю

На гармошке

У прохожих

На виду...

К сожаленью

День рожденья

Только раз

В году...

Допев песню, Динка повозилась в темноте и снова зашептала:

— А это тебе подарок... вот, галета... и вода у меня есть, я тебя напою... Задуть свечки на торте, или сам справишься?

— Как-нибудь, — ответил Колька. — Ломай галету пополам. Какой день рождения без гостей? Проходи, устраивайся...

— Я себе возьму половинку поменьше, — предупредила Динка, но мальчишка прервал её:

— Половинка больше или меньше не бывает... Только дай, если можно, сначала попить... У тебя что, пепси или кола?

— Лимонад по-тюремному. Держи.

Колька осторожно прихватил зубами — губами было больно — край миски с вонючей водой из опреснителя.

— Газ выдохся, — сообщил он, напившись, — а так ничего.  
— Очень рада... Коль, ты меня возьми с собой.  
— Куда? — удивился мальчишка.  
— С собой, — повторила Динка. — Ты же всё равно побежишь, куда бы нас ни привезли...

...Двое офицеров — в форме штаба оккупационных сил — стояли в помещении над люком, ведущим в форпик. Омерзительная вонь поднималась оттуда, словно её выпирало поршнем.

— Входить туда я не рискую, — сказал один из них, первый лейтенант. — Ну их к... Там подбор — оторви и выбрось. В какую клетку не сунься — бандит. Откроешь — прыгнет, чтоб хоть укусить. Этапируем в Стамбул, а оттуда — куда турки захотят... — ...нам уже не до этого, хотел добавить первый лейтенант, но промолчал и продолжал: — Неисправимые. Убийства, побеги, неподчинение... Но вон там — цветок ещё тот даже по меркам этой оранжереи. В носу.

— Вон в той клетке? — спросил капитан. — В колодке? Он ещё живой?

— Он? — изумился первый лейтенант. — Живее всех живых, знаете такие слова? Это Мэд Ники, срань его... Я приказал даже в клетке колодку не снимать, чтоб чего не вышло. Лет то ли пятнадцать, то ли четырнадцать, бывший лётчик у казаков...

— По-моему, от него один скелет остался, — недоверчиво сказал капитан.

— Я этого скелета боюсь, — признался первый лейтенант. И в ответ на удивлённый взгляд капитана сердито пояснил: — Серьёзно боюсь. Никогда никого не боялся, а этого щенка боюсь. Вот понимаешь, умом знаю: сейчас с него снимешь колодку — он не разогнётся, головой не сможет пошевелить, руки поднять... А всё равно. Он там ходит под себя, а я его боюсь. В глаза гляну — мороз по коже.

— Не такой уж он и страшный... — покачал головой капитан. Первый лейтенант покосился на него:

— Нда? А вот послушай... Его четыре месяца назад взяли на Кавказе. Взяли только потому, что он в бессознании был, они с напарником полевой склад горючего своим мотопланом таранили, его взрывом отбросило и обожгло сильно. Сколько до этого он наших перебил — я не знаю, это его секрет и его гордость, про казачьих планеристов ты сам слышал... — капитан кивнул. — В первый же день охранник из турок решил малость с этим полутрупом побаловаться. Так полутруп подождал, пока этот долбаный муслим поближе подлезет и воткнул ему указательный палец в левый глаз. До упора. Поковырялся там, как в носу и вытащил обратно. Наш доблестный воин ногами подёргал и отошёл к гуриям. А этот мальчик палец о штанину вытер, на колени поднялся, штаны приспустил и надул труп прямо в рот. Остальные охранники минут пять к щенку подойти боялись. Ну а там пошла карусель в Диснейленде. Куда его только не кидали! И били, били, били. Пос-то-ян-но. Я бы сдох. А его не то что поломать — его даже просто убить не удалось. Полежит сутки, кровью похаркает — и снова скалится во все зубы. Его специально по зубам хлестали — хоть бы один зашатался!

— Убить — чего проще, — заметил капитан. — Пулю в затылок...

— Да тут принцип, — возразил первый лейтенант. — Поломать его хотели, другим в назидание. Ха. Читали им какую-то лекцию эти дурачки из ООНовской комиссии. В подростковом бараке. Так этот щенок прилачился пердеть. Лектор тезис выдаст, а он — "хрррясть!" Голливуд, комедия... Остальные и не хотят, а ржут. Его подловили, а он говорит: "Это из меня демократическая мудрость наружу прёт, переел, наверное..." Пробовали на него натравить прикормленных, были такие, хоть и мало. Ток он собрал вокруг себя таких же — им лидера не хватало — и ночью в блоке всех прикормленных задавили, как блох. Без писка — четверо руки-ноги прижимают, пятый за горло цап — и язык набок. Хобби у него — убегать. За эти четыре месяца он знаешь сколько раз убегал? Двенадцать раз. Почти каждую неделю. Последний раз сбежал неделю назад, перед отправкой, с одним дружком, украинцем. Поймали. Украинца забили, а этот отлежался... Знаешь, у него вшей нет. По-

моему, они его просто боятся.

— Через приятелей на него воздействовать не пробовали? — уточнил капитан.

— Пробовали. Как-то начали одному его дружку при нём ноги сжигать. Ступни, потом — выше, выше... Дошли до паха — тот закричал. А этот ему говорит: "Молчи, что, больно так, что ли?" И тот замолчал. Ты представляешь? Так и умер — молча, а этот насвистывать начал... Его ведь убивали два раза. Не фигурально выражаясь, медицинский факт — сердце останавливалось. И что? Вот он, сидит, нашу жратву переводит и — готов поклясться! — опять о побеге думает! Не знаю, куда там его турки сплавят, но хлопот с ним буде-е-ет...

\* \* \*

Капитан Лафферти, вытянув ноги, смотрел в иллюминатор. Мокрая пена стекала по толстому стеклу. Каюту покачивало, и он вспомнил, как ещё курсантом впервые плавал по морю — их перебрасывали на учения на Коста-Рику, и его жестоко укачало. Но — в первый и последний раз, с тех пор он многократно попадал в настоящие штормы, однако качке не поддавался ни разу.

Мысль офицера вернулась к мальчишке, запертом в клетке форпика. Зверь, настоящий зверь... Но именно такие бывают полезны. Эта мысль оказалась неожиданной и привлекательной. Разве не за этим он тут находится? Сейчас, когда мятежники овладели

почти третью штатов — такие люди могут быть полезны. А мальчишке не всё ли равно, каких американцев убивать? В этот раз он нашёл всего троих... и этот, даром что мальчишка, будет замечательным финальным аккордом командировки.

Щёлкнув коммутатором, Лафферти вызвал второго лейтенанта Анье:

— Лори, — дружески обратился он к офицеру, — а ты не мог бы распорядиться доставить ко мне того мальчишку? Про которого ты рассказывал?

— Напрасно... — начал было Анье, но потом рассмеялся и сказал: — Ладно, минут через пять тебе его принесут. Попробайся...

...Кольку внесли в каюту в согнутом положении и шваркнули на устланный ковром пол. Мальчишка остался сидеть так, как сидел в клетке — мускулы окаменели. Капитан Лафферти. Взмахом руки приказав удалиться сержантам морской пехоты, свысока посмотрел на русского, непроизвольно морща нос — запах наполнил всю каюту. От живых людей так редко пахнет даже на войне. Кроме того, теперь капитан видел ужасный ожог, обезобразивший всю левую сторону лица пленного и лишивший его левого глаза. Правая сторона лица была лицом чуть курносого симпатичного пацана, пусть и грязного, исхудавшего и измученного. На левую — было жутко смотреть даже капитану Лафферти, который видел и не такое...

Мальчишка молча корчился на ковре. Он пытался выпрямиться, перекошенное лицо заливал пот, глаз под грязной прядью волос стал безумным от боли. Лафферти знал, как "отходят" связанные руки и представлял себе, что испытывает русский. А то, что он не кричит, вызывало невольное уважение и заставляло верить в рассказ Лоримера Анье.

— В следующий раз у тебя начнётся застой крови, а потом гангрена, — почти сочувственно сказал капитан. — Это часто бывает.

Мальчишка не смотрел на американского офицера. Он пытался переломить собственное тело единственным, что у него ещё оставалось — гордостью.

Лафферти присел за стол, налил себе кофе — настоящего, бразильского, довоенного. Открыл пачку галет. Снова посмотрел на мальчишку. Тот плакал — плотно зажмуренные веки дрожали мелко и часто, из-под них по щекам текли слёзы, задерживались во впадинках. Слёзы, выжатые из камня — иначе не скажешь.

— Да не сядешь ты. И не выпрямишься, — сказал капитан, опустив галету в кофе. И удивился, услышав ответ на почти правильно английском:

— Ты меня... ещё не... согнул... чтобы выпрямляться...

— Английский откуда знаешь? — поинтересовался капитан, не ожидая ответа, впрочем. — ну, приди в себя, я подожду.

Мальчишка смотрел мокрым глазом. Мокрым и ненавидящим. Ненависть была тяжёлой и обжигающей, как свинец.

— Убил бы, если б мог? — спросил Лафферти без насмешки.

— Не то слово, — подтвердил мальчишка.

— Никого ты больше не убьёшь, — негромко сказал капитан. — Ты проиграл, а жаль.

— Жаль? — вроде бы искренне удивился мальчишка. и, весь перекосившись, сел, привалился к стене, с наслаждением повёл ногами.

— Конечно жаль, — подтвердил Лафферти. — Я же всё про тебя знаю. Видишь ли, смелые люди встречаются очень часто. А вот смелые и такие упорные — гораздо реже. Большинство взрослых бойцов, которых я знаю, поломались бы после того, что с тобой делали... Ну не обидно такому закончить жизнь на турецкой помойке? Я бы ещё понял, если за что-то конкретное. Но из чистого упрямства?

— Ничего... — мальчишка неприятно усмехнулся, — наши скоро все помойки как следует почистят, и до ваших доберутся... А моё упрямство — моё дело... — он пошевелил плечом.

— Я хочу предложить тебе начать новую жизнь, — спокойно сказал капитан. — Совсем новую, Ник. С хорошими перспективами, новыми друзьями и интересным делом.

Мальчишка слушал. Не рычал, не пытался кинуться, не морщился презрительно — слушал, и Лафферти мысленно улыбнулся. Он видел за время своей карьеры несколько случаев, когда именно вот из таких ненавистников, из яростных малолетних врагов и выковыливались воины демократии — главное вовремя подойти и сказать нужные слова.

— Поясните вашу мысль, — сказал вдруг русский, и Лафферти вздрогнул от неожиданности, удивлённо смерил мальчишку взглядом. На долю секунды он увидел за нынешней внешностью измученного волчонка довоенного мальчишку — вежливого, чистенького, а главное — умного. Увидел — и ощутил что-то вроде предвкушения усаживающегося за стол гурмана: вот это будет приобретение! Только бы не сорвалось!

— Я не буду произносить примитивных вещей — вроде того, что одно твоё слово, и твоя судьба изменится, и так далее, — небрежно сказал капитан. — Ты, по-моему, только расхохочешься в ответ.

— Ещё бы, — без тени улыбки ответил русский и сморщился от боли.

— Давай сделаем так, — Лафферти отпил кофе. — Тебя поместят сейчас в отдельную каюту. Отмоешься. Выспишься. Отъешься. И считаешь кое-какие бумаги. Это тебя ни к чему не обяжет. Не захочешь — откажешься оптом. Тогда тебя расстреляют. Тоже выигрыш, согласишься. Итак?

Мальчишка вдруг нагло потянулся. Лафферти видел, как больно ему двигаться, но он потянулся — свободно и лениво. И сказал с насмешкой:

— А вы мне сперва показались умнее. Жаль, что ваши мысли не идут дальше желания переманить меня на вашу сторону... что, "серые спинки"(1.) здорово прижали вашу демократическую срань, понадобились и на своей земле нанятые защитники демократии? Не удивляйтесь, слухи везде пролезут... Ну так я желаю им всего лучшего — вот если бы меня вербовал кто-то из них, я бы подумал ещё. А от вас мне ничего не нужно — кроме того, чтобы вы шли в ад со своими бумагами, каютой и интересным будущим... и я согласен пойти с вами, чтоб посмотреть, как вас зажарят на рашпере...

---

1. "Серые", "серые спинки" — прозвище южан времён гражданской войны в США. Возродилось в описываемое время как прозвище белых мятежников-конфедератов, воевавших против центральной власти.

— Жаль, — искренне сказал Лафферти. — Ну что ж, я позабочусь, чтобы твоя смерть была максимально тяжёлой, долгой и неприятной... А скажи, — с интересом спросил вдруг капитан, — почему ты не согласился на моё предложение? Что ты потерял? Пожил бы дня два-три по-человечески напоследок, а потом — всего-то пуля в затылок, это совсем не больно и очень быстро. Почему?

— А потому, что мне любые ваши предложения неинтересны, — казал русский негромко и посмотрел прямо в глаза капитану — своим единственным. — А притворяться перед вами — противно. Вы — убийцы и конец ваш будет ужасен. Вот вам вся правда и моё слово.

— Мальчик, — Лафферти встал и шире расставил ноги на качке, — глупый мальчик. Когда лучшие из вас — такие, как ты! — погибнут — те, кто останется, сами откроют нам ворота и души.

— Я прошу разрешить мне, — вместо ответа сказал мальчишка, — попрощаться. Там, где я сидел.

— Прощайся, — кивнул капитан. — Тебя отведут.

\* \* \*

Прижавшись к решётке, Динка отчаянно смотрела на присевшего на корточки Кольку. Потом, не выдержав, всхлипнула, дёрнула прутья.

— Не надо, Дин, — попросил он. — Не плачь. Они на нас смотрят... — он надел на шею вытащенный откуда-то из уголка тонкий ремешок к неправильной формы каменным крестиком. — Мне не страшно. Немного тоскливо. Ты постарайся бежать. Я договаривался с Мишкой Рейхе — вон тот молодой мужик. Он тебя возьмёт с собой. Вот...

Динка протянула руки сквозь решётку, и Колька переплёл свои пальцы с её — тонкими и горячими.

— Можно я тебя поцелую? — несмело спросил мальчик. — Она не обидится...

— Мо... жно, — задохнулась словом Дина...

... - Помни меня, — сказал Колька, отстранившись. Динка следила за ним, прикрыв губы одной рукой, словно желая навечно сохранить на них поцелуй мальчишеских губ. — Я соврал, Дин, — понизил голос мальчик. — Мне очень страшно. Я так хочу — жить. Я так хочу... Прощай.

— Коля!!! — девочка всем телом ударилась в решётку...

...На палубе было смертельно холодно. Расходившаяся волна катила серые, медленные, могучие валы, дул ровный ледяной ветер, срывая с высоких гребней белёсую пену, и её хлопья, словно клочья рваной бумаги, неслись по воздуху и таяли. После влажной духоты форпика и тепла внутренних помещений холод казался особенно страшным. Мокрая палуба выскальзывала из-под босых ног.

Двое морских пехотинцев, спрятав подбородки в воротники курток, неспешно конвоировали мальчишку на корму. Шаг. И ещё шаг. Мальчик сонно смотрел, как приближается вертолётный ангар. Шаг. И ещё шаг. Его вдруг охватила апатичная покорность. Он понимал, что в ангаре его ждёт новая серия мучений — и всё-таки смерть. То, с чем он так отчаянно боролся столько месяцев!!!

И вот сейчас — умереть?! Так, самому, придти к своей смерти?

Нет.

Он поцеловал крестик. И, не меняя темпа движения, повернул в сторону. Встал левой рукой на фальшборт, поёрзал, устраивая её на скользком титане. Оттолкнулся правой и встал на фальшборте в рост. Балансируя. Охранники всё ещё непонимающе смотрели на него, словно не происходило ничего необычного — их загипнотизировала неспешность движений мальчишки.

— Ну, я пошёл? — весело спросил он и, оттолкнувшись, пружинисто вскинул руки над головой, бросаясь в море.

— А?.. Сто-о-о-ой!!! — наверху загревели выстрелы... но всё это удалялось с

тридцатиузловой скоростью и глохло, глохло... Навстречу ударила ледяная вода...

...Когда он вынырнул — корабль уже уходил. Ветер сёк лицо. Плечи, руки на взмахах. Что же — теперь он поплывёт.

И будет плыть, пока есть силы.

Он — свободен.

И пусть его последний побег был побегом в смерть — он удался.

Свободен...

...Казак станицы Упорной Колька Реузов поплыл навстречу волне.

\* \* \*

Двадцать три из сорока танков 4-й Теннессийской бригады конфедератов удалось-таки подбить на городских окраинах. Но это уже ничего не меняло — штурмовые группы "серых спинок" прорвались в центр Нэшвилла широким клином. Подразделения федеральных сил начали складывать оружие; отряды "чёрных братьев" защищались с яростью загнанных в угол крыс, не давали пощады — и не получали её, смешно было бы на неё надеяться после недавних массовых убийств в школах, роддомах, белых кварталах... Дикий ликующий вопль наступающих "серых" бил в уши, перекрывая даже пальбу вокруг — и вот боевики начали в ужасе разбегаться, теряя остатки того, что профессор Толкиен назвал когда-то "бесноватым мужеством". Дольше всего они держались у центральной мечети... но вот и стены капища рухнули под выстрелами подошедших по зачищенным улицам танков, хороня под собой последних бандитов...

...Около горящего здания банка лежали трупы. Ветер носил бумаги — много зелёных бумаг, взлетавших в потоках горячего воздуха выше столбов, на которых качались тела повешенных. Горел танк, два "хаммера", из одного вытаскивали раненого водителя. Мальчишка — рослый, крепкий, но с совсем детским лицом, раскрасневшимся от волнения и азарта — в камуфляжной форме, но в лихо заломленной серой шляпе на светлых вихрах —

держа в одной руке старый "гаранд" с окровавленным штыком, а в другой — теннессийское знамя, ловко взбирался по развалинам. Встал на дымящихся зубцах и, размахивая полотнищем, закричал звонко:

— Юг! Урррааа!!!

— Юг! Юг!! Юг!!! — заревели вокруг.

Мальчишка торжествующе вонзил древко в щель между блоков... и обернулся.

Человек в форме капитана федеральной армии, сидя в углу полуразрушенной комнаты около нескольких трупов и опрокинутого пулемёта, держал в трясущихся руках пистолет.

— Сюда-а! — крикнул южанин, вскидывая оружие... но федерал не собирался стрелять. Сжимая пистолет, он что-то бормотал — и подскочивший снизу бородатый конфедерат, вскинувший было M16, тоже опустил оружие. Мужчина и мальчик осторожно подошли к капитану, вслушались в его бормотание:

— Вы — убийцы и конец ваш будет ужасен... вы — убийцы и конец ваш будет ужасен... вы — убийцы и конец ваш будет ужасен... вы — убийцы и конец ваш будет ужасен... — шептал тот, лихорадочно блестя глазами. На куртке ещё был виден бэдж — офицера звали Лафферти.

— Сошёл с ума, — сказал бородач мальчишке. — Пошли, сынок.

Они отошли и встали по обе стороны от флага...

Сотни голосов — мужских, женских, почти детских — пели песню, некогда вражескую, но теперь — ставшую их песней:

— Господь наш пастырь! Видел я — Господь нисходит с неба,

На землю нашу он идёт, где зреют гроздья гнева!..

...В этом торжественном хорале никто не услышал хлопнувшего в развалинах выстрела.

Дмитрий Медведев

### СТРАННАЯ СКАЗКА

Странная сказка с нелепым концом —  
В чистом поле ехал ямщик,  
Вьюги вцепились ему в лицо,  
Он вмерз в сугроб и торчит.  
А мимо бежали бегучие звери,  
Летучие птицы неслись,  
Глаза, распахнутые как двери  
Стеклоанно смотрели ввысь...

Но вот встал он и бросил мертвое тело  
Приманкой для черных птиц,  
Шел, как каторжник от расстрела  
С ядром через семь границ,  
Все шел он вдаль, и к вратам он вышел,  
И ветры легли к ногам.  
Белые кошки молились на крышах  
Пушистым своим богам...

Утром на плоскости ляжет роса,  
Грянет время "Ч", а пока  
Аэродромная колбаса  
Наполняет ветром бока.  
Ты будешь вторым, ты всегда хотел  
Быть с курносым небом на "ты",  
Твой самолет все летел, летел  
И обломал о звезды винты...

Ах, эти белые звезды — немые стражи,  
Они не спят никогда,  
И пули мимо, но не промажет  
Тринадцатая звезда.  
Экое странное дело, братцы —  
Мне даже немного жаль  
Бедную звездочку номер тринадцать,  
Вплавившуюся в дюраль...

Ты не гляди, не гляди назад,  
Покидая сей хмурый край.  
Утро встает, ты его солдат,  
Твое дело — "Drum links, zwei, drei".  
Пусть только пыль и тлен впереди  
Да пустые шкуры гадюк,  
Но там рожденные, чтоб ползти,  
Косыками летят на юг.

Так значит — здравствуйте, вольные братья небес,  
Мамелюки седьмого дня!  
Старой земли планетарный вес  
Не цепляет больше меня.

Куда лететь — теперь уже без разницы,  
Ветрено и светло...  
Тучки небесные, вечные странницы  
Падают под крыло...

#### 10. Я ВЕРНУЛСЯ, МАМА!

...Возле замка гасли фонари,  
Заставляя мир во мраке скрыться,  
И в стекло зашторенной двери  
Постучался поседевший рыцарь.

Д. Ляляев.

— Верлиока, приехали.

Сидевший лицом к окну в затормозившем неновом синем BMW с красной надписью по борту: "АПОСТОЛИ НА БЪЛГАРИЯ" человек словно бы очнулся, хотя и не спал, а просто последние два часа смотрел, не мигая, на мелькавшие за окном осенние пейзажи.

— Что? — спросил он, поворачиваясь к водителю — молодому черноволосому мужчине в камуфлированной куртке и джинсах.

— Приехали, — повторил тот. Оба говорили по-болгарски. — Ты просил остановить тут.

— Да... просил, — ответил пассажир. Он тоже был совсем молод, лет хорошо если семнадцати, но одет в свинцово-серый дорогой костюм, начищенные туфли, чёрные перчатки из тонкой кожи, серое кепи, а красивое, типично русское юношеское лицо уродовали два страшных шрама: один — слева под челюстью, другой — между левыми ухом и глазом. Сам левый глаз тоже был неприятен — привлекал внимание своей неподвижностью, и через несколько секунд становилось ясно, что это хорошо выполненный протез. Да и правый — живой — глаз был угрюмо-пристальным и холодным не по возрасту.

Оба вышли из машины.

Если честно, никто не обратил на них внимания. Конец сентября в Ставрополе "осень" только по названию. Буйствовало лето, и только кое-где на деревьях горели медь и золото. Город отстраивался и шумел, и в этом победном тёплом шуме вряд ли можно было заметить двух молодых людей — таких же, как десятки тысяч других, вернувшихся с войны, победивших и ещё не очень верящих в это...

Водитель помог одноглазому вынуть из багажника большую сумку на ремне, которую тот без особых усилий повесил на плечо. Сказал:

— Может, давай довезу до места? — одноглазый мотнул головой. — Ну тогда я подожду до вечера на выезде. Постою, посплю, я не выспался. Если что — подойдёшь, и мы...

— Не надо, Ставен, — тихо сказал одноглазый. — Езжай по своим делам... и потом передавай всем привет в Болгарии. А я... — он вдруг улыбнулся. — Я, как бы там не крутнулось, приехал домой. И больше мне ехать некуда.

— Зря ты не остался у нас, брат, — так же тихо ответил черноволосый Ставен. — Тебя бы на руках носили всем селом...

— Ну вот ещё, — сморщил нос одноглазый, и его лицо стало совсем пацанячьим. — Мало мне того дурацкого памятника...

— Мало! — горячо сказал Ставен, беря одноглазого за запястья. — Мы никогда тебя не забудем, брат Никола. Наш добрый Верлиока...(1) Мы один раз почти забыли русских. Бог наказал нас...

1. В сказках южных славян — одноглазый великан-человеконенавистник. Поэтому слова "Добрый Верлиока" звучат странно.

— Ой, ладно тебе... — одноглазый улыбнулся. — Бог-то бог, а болгарин и сам себе помог... — он обнял черноволосого за плечи и стукнул лбом в лоб. — Ну давай. Приезжай. Пиши.

— Приезжай и ты, — Ставен порывисто отстранился. — Если на будущий год не приедешь — обидимся. Все обидимся!

— Приеду, — кивнул одноглазый. — Ты не смотри мне вслед, уезжай сразу. Я так не люблю...

...Улица называлась не "Седьмая", как раньше, а "Героев Завода". Кто такие Герои Завода и что они сделали — одноглазый не знал. Да и не очень огорчился. Местные, конечно, знают. А вот кто он такой — откуда? И пусть. И не жалко.

На ходу он прикрыл глаза. И увидел... Скалы. Дети — несколько десятков молчаливых, не плачущих детей, связанных и обмотанных взрывчатым шнуром, гранатами... Почти нечеловеческие лица — хари, перекошенные злостью и страхом, низколобые, оскаленные лица "ООНовских солдат" — из какого-то африканского контингента... Автоматные стволы... Крики на ломаном болгарском: "Пропустите до линии фронта! Убьём детей! Пропустите!!!" И он — открыто входящий в кольцо скал, грудью на автоматы, которые пятились перед ним. "Вы знаете, кто я, собаки. Я — Верлиока! Отпустите детей, бросайте оружие, сдавайтесь — и вы сможете рассказывать, что видели меня и остались живы!"

И — лязгают падающие автоматы.

Я — Верлиока.

Я — Верлиока.

Я — Верлиока.

Груды трупов в порту Бургаса.

Врезающийся в склон "стратофортресс" — крылья смерти подломились.

Трясущаяся челюсть американского генерала, взятого им в плен — нож против пистолета, шестнадцать лет и ненависть без края против сорока лет и всевозможных курсов, училищ, секретов подготовки...

Пулемёты в лицо — и совсем не страшно, и ничуть не хочется жить, а хочется — победить...

Памятник на склоне Жевоты...

...ДОМ.

Странно. Дом был цел. Он ничуть не изменился. И даже девятиэтажка за ручьём стояла, как прежде, и залиvisto залаял за забором пёс.

Он покачнулся, опираясь рукой об ограду у калитки.

Закрыть глаза. Назад. Пусть всё — назад... и он пришёл из школы...

Но закрыть он может только один глаз.

Он оттолкнулся от забора. И калитка — кованый металл, отец заказывал в фирме — распахнулась.

Удивлённые синие глаза смотрели на него. Невысокая девушка его лет в просторном джинсовом платье — беременная, отметил он и смутился — смотрела вопросительно и немного испуганно.

— Простите, — услышал он свой голос. Девушка мигнула, неуверенно улыбнулась. — Простите... до войны тут жили Реузовы...

— Ой, да! — улыбка стала искренней. — Жили... А почему жили? Живут... Антонина Николаевна. Сперва мы с папой жили, дом-то пустой был... Папа умер... — она на миг опустила глаза, — на заводе, так получилось... Ну, я одна была. А тут как раз Антонина Николаевна с детдомом с юга вернулась и говорит — живи, конечно...

— Антонина... Николаевна? — горло перехватило. Но голос был спокойным.

— Ой! — снова ойкнула девушка... нет, молодая женщина. — Вы... — она помедлила. — Вы, наверное, их знакомый? Проходите, они скоро все придут, они же в тот детдоме и работают, а он тут рядом — знаете, бывший офис "Росэнерго"? — и сейчас обед как раз... Проходите, проходите, подождите их, я всё равно одна и страшно скучно, только из консультации приходит медсестра...

По двору на цепи бегал пёс — большой, но беспородный.

— Тоб, — окликнул он. Женщина, успокоив пса свистом, удивлённо обернулась:

— А откуда вы знаете... Ой, вы ведь, наверное, друг Коли?!

— Коли? — переспросил одноглазый, ставя сумку на крыльцо.

— Это сын был у Антонины Николаевны, — не без труда женщина поднялась на ступеньку, одноглазый умело поддержал её. — Спасибо... ох, там слонёнок, это точно... Коля. Он погиб в первое лето войны. Пропал без вести, но это же всё равно, что погиб... Он был совсем мальчик, летал на мотоплане у казаков. Ясно же... А они не верят, всё ждут. Мы с Витькой сейчас в его комнате живём... Проходите, я чай поставлю.

— Спасибо, не надо... — одноглазый прошёл внутрь, свернул на кухню. — Подождите, с каким Витькой?

— Ой, это мой... — она вдруг фыркнула. — Мой муж. Сама никак не привыкну!!! Витька Фальк, и я теперь Фальк... Он тоже там воевал, друг Коли. У него у самого все погибли, он искал, искал, а потом Антонина Николаевна его у себя поселила. И его, и ещё мальчика и девочку из детдома усыновила, тоже Коля и Ира. В общем, тут много народу... — она тяжёловато опустила на отставленный стул и счастливо улыбнулась: — А скоро будет ещё больше.

— Витька жив? — одноглазый смотрел вокруг странным взглядом, стягивая перчатки.

— А вы и его знали? — обрадовалась женщина и протянула руку: — Маша...

— Знал... — одноглазый кивнул, не представляясь. — Знал... И очень рад, что он жив.

— Вам плохо? — Маша расширила глаза. — Вы побледнели как-то...

— Нет, ничего, ничего... Я просто не думал, что они живы...

Всё-таки сорвался голос.

— Давайте я вам кофе тогда сделаю, — предложила Маша. — С ромом. Есть ром, трофейный, его по карточкам раздают.

— Нет, спасибо, всё в порядке, — улыбнулся одноглазый.

— А вот я вижу ещё, что вы не русский, а, наверное, болгарин или серб, — лукаво улыбнулась Маша. — У вас акцент. Небольшой, но заметно. А я когда в госпитале работала, то там много лежало болгар. Наши матом ругаются, а болгары сразу в крик: "Зачем, рус, в мать нельзя лаять!"

— Да, я оттуда, — кивнул одноглазый. — А тут ничего не изменилось...

— Хотите — походите, посмотрите комнаты, — предложила Маша. — Дом большой... Муж Антонины Николаевны был богатый. Даже странно, она говорит — раньше жили втроём, а дом казался маленьким, ей всё хотелось побольше... А теперь — нас шестеро, и всем места хватает.

— Шестеро? — одноглазый поднял одну бровь. — А я посчитал — вроде пятеро...

— Да как же... — начала объяснять Маша, но во дворе снова — уже радостно — взлаял Тоб, и она начала подниматься: — Ой, тётя Нина как раз идёт...

Она не видел, что одноглазый тоже встал. Его лицо сделалось мертвенно-бледным, даже с голубизной, пропал весь загар, а живой глаз стал огромным и блестящим. Рот приоткрылся. Он взялся рукой за стол и навалился на неё, чтобы не упасть. Другая рука шарил по костюму — сверху вниз.

В коридоре (если закрыть глаза — он мог вспомнить каждый шаг по нему) слышались сразу несколько голосов. Минуты шли. Одна. Другая. Третья. На кухню быстро вошла ещё даже молодая, хотя и с сильной сединой женщина в деловом довоенном костюме. За нею виднелись другие обитатели дома, но он не замечал их — пожалуй, даже не видел.

— Вы что-то знаете о Коле? — спросила женщина неестественно высоким голосом. — Ну не молчите же, вы...

Ахнув, он покачнулся, чувствуя, как опрокидывается, леденеет, идёт трещинами и осыпается в распахнувшуюся чёрную бездну мир. И, уже падая грудью на стол, услышал — далеко-далеко — крик:

— Маленький мой!..

...От костюма пахло — очень-очень слабо, но ощутимо — французскими духами. Он перебирал складки ткани, не в силах оторваться, отстраниться хоть на миг. Краем целого глаз видел, как мальчик и девочка лет по 8–9 замерли, недоумённо глядя, по обе стороны от Маши. Как рослый белобрысый юноша — тоже в костюме — неотрывно смотрит на него и шевелит губами, произнося — пока беззвучно, но узнаваемо уже: "Ник?!."

И как не сводит глаз с него — неверяще и почти обморочно — высокая девушка с тугой тёмно-русой косой, переброшенной на грудь. Смотрит, перебирая эту косу, словно пытаясь добраться до спрятавшихся воспоминаний.

— Я тебя ждала, — сказала Дашка. И, уткнувшись лицом в сгиб руки, отвернулась к дверному косяку.

\* \* \*

— Я тебя ждала, — сказала Дашка.

Я не ощутил, но догадался, как её пальцы коснулись левой стороны моего лица.

— Даш, можешь не трогать, — ответил я. — Кожа там ничего не чувствует.

— Ты... тогда обгорел? — рука девушки погладила правую щёку.

— Тогда. И глаз тоже тогда потерял. А операцию мне делали полгода назад, в Швейцарии. В зачёт, когда Вождь предложил швейцарцам: или дойдём до них и вытрясем их банки дочиستا, или они вернут русские императорские, советские и дерьмократические вклады. Не только деньгами — на фи́га нам столько золота? — но и разными услугами. Вот я и попал под раздачу. Морду слепили, а нервы... — я вздохнул, — а нервы, Даш, у меня, наверное, все сгорели. Я так думал до сегодняшнего дня. Честно.

— Я буду целовать тебя сюда каждый день, и ты оживёшь...

— А я не увижу...

— А вот посмотрим...

Подушка слабо пахнет лавандой. Это тоже запах из детства — пакетики с сухими духами, которые всюду раскладывала наша домработница. Странно. Запах остался. Это ещё страннее, чем запах от маминого костюма.

Я дышу.

— Ты что, Коля?! — руки Дашки. Голос встревоженный...

— Ничего, — я поворачиваюсь на спину. Глаз у меня мокрый, но на лице улыбка. Настоящая, искренняя улыбка. — Даш, а что в Упорной?

— Ой, — она тоже заулыбалась, — как всегда бардак. Колька в атаманы баллотировался, его прокатили. Совсем одурел. Да, знаешь, он тоже женился...

Она говорила и говорила, а я лежал и слушал, держась за этот разговор, как за ниточку: вот отпущу её — и... и что вернётся? Какая из моих жизней постучится в двери? Или войдёт без стука?

Говори, Дашка, говори...

— А где Дениска? — перебил я её. — Помнишь, мальчишка, который у нас жил?

— Конечно помню! — даже возмутилась Дашка. — Знаешь, а его мать нашла, ещё в конце войны... Он сперва от неё, к тётке Нине... А потом пригляделся и так спрашивает: "Ма-ам?" Так протяжно, недоверчиво... и как к ней бросится! Они у нас гостили три дня, он прямо не отходил. А ведь ему уже больше одиннадцати лет было, не маленький...

— А твои? — спросил я.

— Бабушка и мама умерли... — тихо сказала Дашка. И вдруг уткнулась мне в плечо и

задрожала. Я обхватил её обеими руками и сказал:

— Не отдам, никому не отдам тебя!

Дашка закивала так, что её аж заколотило. Потом... потом у нас было то, что уже было два раза в эту ночь. Тогда... после первого раза... я тогда понял, что у неё — никого не было. Я первый. И мне стало стыдно за тех девчонок, имён которых я даже и не помнил зачастую...

Спаслась ли Динка? С ней у меня не было ничего... но спаслась ли? Вспомнилась швейцарская медсестра, как её руки отталкивали — или притягивали? — меня, голос — по-французски: "О мсье... не надо, мальчик..."

Мальчик... Я перестал быть мальчиком задолго до того, как "стал мужчиной". Господи, до войны мы все считали, что это и есть главный признак "мужчины"... сколько было их рассказано — выдуманных сальных историй — на школьном заборе...

Я задремал и проснулся толчком, потому что подбитый джип накатился на меня, а я не мог отпустить Генчо... и рухнул бруствер...

Дома, понял я с таким облегчением, что замерло сердце. Всё кончилось. Всё.

За окнами начинало светать. Дашка сидела рядом. Мы встретились взглядами.

— Тебе тоже снится? — спросил я, садясь рядом с ней. Дашка кивнула:

— Да... Часто и много. Чаще всего — как мы горим над морем... осенью... Горим, планируем и сбрасываем на пляж гранаты, сбрасываем, чтобы всё успеть сбросить... Я боюсь, что знаешь что? — она прилегла мне на колени щекой. — Что нашим детям будет... снится тоже.

— Пусть, — сказал я. Дашка повернула ко мне голову. — Да, пусть, — твёрдо сказал я. — Тогда они не заболеют нашей болезнью. Они не забудут. Ведь всё было, потому что мы забыли... Даш, ты родишь мне сына?

— И дочь, и ещё сына и дочь... — сказала она серьёзно. — Я рожу тебе шесть детей. Чтобы за папу... и за твоего отца... и за брата за моего... и чтобы всё — вдвое! — последние слова прозвучали, как заклинание.

— Дома, — выдохнул я. — Это правда, это не сон... Я не верил, я до последнего не верил...

— А я верила, — откликнулась Дашка. — Что ты придёшь. Только я представляла, что буду стоять зачем-то у калитки... а ты идёшь по улице в форме. А ты пришёл такой франт...

— Франт, — усмехнулся я. — А знаешь, Даш, я ведь ни-че-го делать не умею. Только воевать.

— Пойдёшь работать на наш молокозавод? — оживилась она. И фыркнула: — Как с коровами обращаться — не забыл ещё?!

— Нет, — засмеялся я тоже. И сказал: — А что. Пойду. Далеко?

— Нет, на улице Шарипа Тагишева, бывшая 9 января... ты что, Коль?

— Чьего имени улица?! — выдохнул я...

... - Я и не знала, что вы вместе учились... — Дашка вздохнула. — Мне про него Коля рассказывал... ну, Коля, который приёмный сын... в общем, твой брат теперь... У них в школе стенд: "Они учились здесь..." И там есть про него всё. Он один остался от той чеченской роты... шестнадцать лет. И держался восемь часов против батальона с бронетехникой, с вертушками... а беженцы успели уйти... Его живым схватили, граната не сработала, которой он подорваться хотел. И отдали чеченцам, которые за них воевали... Они сперва говорили — мол, ты же чеченец, нохчила, как ты можешь с русскими собаками вместе... А Шарип им сказал: "Да, я и есть чеченец, я нохчила. А вы не чеченцы, вы шакалы и сдохнете, как шакалы." Ну и они с него кожу сняли... Коля так рассказывал. Рассказывает, а сам плакать хочет — и не плачет. Он же тоже помнит... как всё было...

— Шара, Шара... — я вспомнил задиристого Шару, его глаза навывкате и вечное хвастовство... — Шара, Шара...

— А у нас в станице школу называли в честь Андрюшки Колпина и... Олежки, — Дашка вздохнула. — Они первыми погибли... из наших пацанов. Знаешь, из моего класса... было

двадцать три человека... осталось восемь девчонок из десяти и из тринадцати мальчишек — шестеро.

Я не знал, сколько уцелело из нашего класса. Но был уверен — узнаю. Даже не специально. Просто — узнаю. Буду спотыкаться об их память на каждом шагу, чтобы, не дай бог, не начать задирать нос...

Похоже, мы научились помнить.

Крепко научились помнить.

— А крестик у тебя цел... — сказала Дашка. — Как же ты его сохранил?

— Тем же чудом, что и себя, — вздохнул я, обнимая её. — Помнишь, вот эту песню? Тимка пел... — я помолчал, припоминая...

— Им так хотелось любить на их земле невезучей...

Им так хотелось любить, все страхи преодолев...

Им так хотелось, что вот — лишь только выдался случай,

Они упали в любовь, друг друга даже не разглядев...

И это лишь полбеды! (Любой астролог вас скажет:

Союз Огня и Воды наверняка обречён...)

И сколько вместе им быть — конечно, время подскажет...

Им так хотелось любить — и звёзды тут ни при чём...

При чём тут только любовь — земная или неземная? -

Когда довольно двух слов. Или касанья руки...

И двое сходят с ума, совсем друг друга не знаю!

Любовь приходит сама — и каждый раз вопреки!

Приходит — из ничего. Чтоб каждый мог отогреться.

Но — что забавней всего! — приходит, не уходя...

Поскольку Бог есть Любовь — ей просто некуда деться.

Бог всё связал из любви — себя на всех разделив.

Им так хотелось любить... Рай в шалаше обустроить...

Им так хотелось любить — всем звёздам наперекор!

Бог вертит веретено... А что до наших героев...

Вы не поверите — но...

Вы не поверите — но...

Вы не поверите.

Но у них любовь до сих пор. (1.)

---

## 1. Слова В. Третьякова

\* \* \*

Я встал рано. Дашка спала, дрыхла, не пошевелилась даже, не ворохнулась, когда я вставал.

Если честно, я не мог определиться, спал или нет... но мои ноги сами делали привычные движения — и проснулся я толком, только войдя на кухню.

Мгновение. Один вздох — мне снова показалось: я тогда, четыре года назад...

— Сынок, — сказала мама, и я едва не спросил удивлённо: "Ма, а чего ты сама-то, где тётя Ира?"

Мама кипятила чайник.

— Коля, а что ты так рано встал? — глаза у мамы были непонятные. Я подошёл к ней и поцеловал — в висок, не вставая на цыпочки.

Мама заплакала. С каким-то облегчением... а вчера она не плакала — и я понял, что она и не спала. И на миг смутился — конечно, в этом случае она слышала, как мы с Дашкой... Но потом понял, что нет, она вряд ли слышала. Вернее — вряд ли обратила внимание на это. Она сидела и пыталась убедить себя, что я — правда вернулся.

Я представил себе это воочию и понял — так оно и было.

— Я вернулся, мама, — тихо сказал я, касаясь щекой её волос.

Мама отстранилась со всхлипом.

— Будешь чай? — прошептала она. Я кивнул. — Только хлеб вчера весь слопали...

— С утра купить негде? — деловито спросил я. Мама удивлённо посмотрела на меня:

— Господи, что это я... конечно, сейчас, я быстро — тут на углу круглосуточный ларёк... Обычно младшие бегают...

— Ма, — я поймал её за руку и улыбнулся. — Не надо, ма. Я сейчас, быстро.

— Ты куда?! — удивилась она. А я улыбнулся:

— А вот оденусь — и пойду.

— Да куда, Колька?! — сердито уже спросила она. Я поцеловал её в щёку:

— За хлебом, мама!

## КОГДА ОКОНЧИТСЯ ВОЙНА...

Когда окончится война, и мальчик выбежит за хлебом —

Земли коснётся тишина, неповторимая, как небо...

И в этой хрупкой тишине бог имена и судьбы свяжет,

Замрут созвездья в вышине — и чей-то голос тихо скажет:

"Мама! Я вернулся домой!

Мама! Я вернулся живой!

Бог обещал мне простить всё сполна —

Когда

Окончится война..."

Когда окончится война и мой народ залечит раны —

Новорождённая страна на плечи встанет великанов.

И вдруг окажется, что жизнь имеет главное значение,

А враг над пропастью во лжи сражался с собственной тенью...

"Мама! Я вернулся домой!

Мама! Я вернулся живой!

Бог обещал мне простить всё сполна —

Когда

Окончится война..."

Когда окончится война — и в мир вернётся милосердие —

Любовь останется одна для всех религией последней...

И век из века без любви на этой маленькой планете —

Мы были вовсе не враги, а... просто брошенные дети.

"Мама! Я вернулся домой!  
Мама! Я вернулся живой!  
Бог обещал мне простить всё сполна —  
Когда  
Окончится война..."

Когда окончится война, и мальчик выбежит за хлебом...